Г. А. Ильинскій.

Звукъ ch

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1916.

ПРОВ. 1957
Пр.
РС
1,98
И 15

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1916 г.
Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
336
52

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XX (1915 г.), кн. 4.

Звукъ ch въ славянскихъ языкахъ.

Въ настоящее время является почти неразрѣшимой задачей выясненіе вопроса, кому изъ лингвистовъ принадлежитъ пріоритетъ открытія закона перехода иде. s въ ch въ праслав. языкѣ. Великій основатель сравнительнаго языковѣдѣнія Францъ Боппъ не знаетъ о немъ еще ничего въ своей знаменитой «Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen» (Berl. 1833 г.). Ничего не говоритъ о происхожденіи слав. ch и его славянскій ученикъ Францъ Миклошичъ въ первомъ изданіи своей «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (I, Wien 1852 г.), но въ вышедшей одновременно съ послѣднимъ трудомъ книгѣ A. Schleicher'a «Die Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache» (Bonn 1852) находимъ уже довольно отчетливую попытку различить въ слав. ch два звука: ch=санскр. š и ch=санскр. s. Примѣрами перваго приводятся: **снъха**=санскр. snuṣā; **соухъ**=санскр. šuška-; **оухо**=ghoša-; **юха**=санскр. juša-; tichъ=санскр. tuṣ- «gaudere»; **моуха**=санскр. makṣikā, а примѣрами второго—окончанія 1 л. ед. и мн. ч. аор. -**хъ**, -**хомъ**=санскр. -sam, -sāma; окончаніе м. п. мн. -**хъ**=санскр. -sŭ; **ходити**=санскр. sad- «ire». Дуализму слав. ch соотвѣтствуетъ по Sch. и дуализмъ слав. š: въ то время какъ одному š въ санскр. отвѣчаетъ также š, напр., въ **мышь**=санскр. mūša, **шесть**=санскр. šaš, другому š соотвѣтствуетъ въ санскритѣ s, напр., въ **шоуи**=санскр. savya- «sinister», **шивж**=санскр. siv-, **шьдъ**=санскр. sad-; оконч. 2 л. Praes. -**еши**=санскр. -asi

и т. д. (S. 138). Хоть причины такого страннаго параллелизма др.-инд. и слав. спирантовъ остаются въ книгѣ великаго нѣмецкаго ученаго невыясненными, все же въ тезисѣ о двоякомъ типѣ слав. š и ch уже заключается въ зародышѣ будущее ученіе о діалектическомъ измѣненіи въ пде. яз. звука s въ š. Такимъ же эмбріономъ послѣдующей гипотезы объ измѣненіи иде. kh > ch является то утвержденіе Sch. (S. 139), что «müsste dem x ausser seiner Entstehung aus *s* auch ein gutturaler Ursprung zugeschrieben werden», но примѣры, приведенные имъ въ пользу такого звукоизмѣненія: **вихръ** = санскр. viha- «aer», **храмъ** = санскр. harmya-, **хромъ** = санскр. klam-, šram-, **хладъ** = гт. kalds, всѣ безъ исключенія—неудачны. Напротивъ, вполнѣ точно устанавливаетъ Sch. соотвѣтствіе слав. **х** санскр. kṣ: его единственный примѣръ **хоудъ** = санскр. kṣudra-, какъ увидимъ ниже (§ 134), признается и современными лингвистами.

Если въ своей «Formenlehre» Sch. не идетъ далѣе простого констатированія славяно-санскритскихъ соотвѣтствій, то въ своемъ монументальномъ «Compendium'ѣ der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» (4 изд. 1876 г. Weimar) онъ уже *опредѣленно* говоритъ о процессѣ измѣненія s въ ch и о дальнѣйшемъ смягченіи послѣдняго передъ палатальными гласными въ š. Мало того, въ § 182, п. 6 (S. 296) онъ даже устанавливаетъ условіе (правда, слишкомъ общее) такого измѣненія: оно можетъ происходить лишь между гласными, рѣже въ началѣ словъ. Примѣрами перехода s > ch (съ которымъ сравнивается переходъ s > r въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) приводятся: dachъ < иде. *dāsam; dachomъ < иде. *dāsāmas; dašę < иде. *dāsant; оконч. м. мн. -chъ < иде. -sŭ; snъcha = др.-инд. snuṣā; myšь = гр. μῦς, лат. mūs, др.-инд. mūṣas и нѣк. др. А въ качествѣ примѣровъ того же самаго явленія въ началѣ словъ цитируются слова: choditi, šьdъ = др.-инд. *šad- «ходить»; šesti = лат. sex, гр. ἕξ; šija = гт. siuja и нѣк. др. Что ch того и другого рода значительно моложе s, это, по мнѣнію Sch., доказываютъ формы вродѣ **приѩсъ**, **ѩсъ** на мѣстѣ болѣе позднихъ **приѩхъ**, **ѩхъ**. Но почему въ цѣломъ рядѣ случаевъ s между гласными осталось неизмѣненнымъ, этого Sch. не объясняетъ. Точно также оставленъ открытымъ вопросъ, почему на мѣстѣ s < иде. k' въ началѣ нѣкоторыхъ словъ

слышится ch, напр. chromъ = др.-инд. śram-, chladъ = гт. kalds, šlěmъ = гт. hilms, лт. šalmas.

Ничего новаго сравнительно съ этимъ ученіемъ своего учителя не далъ Leskien въ первомъ изданіи своего «Handbuch'a der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache» (Weimar 1841 г.): въ § 28 (S. 18) вопросу о происхожденіи слав. ch посвящены лишь слѣдующія 5 строкъ: «χ всегда возникаетъ изъ иде. s и въ другихъ родственныхъ языкахъ имѣетъ соотвѣтствіемъ именно этотъ звукъ: χодити, кор. sad «идти»; соуχъ, лт. sausas; опредѣленнаго правила для появленія χ установить нельзя; въ большинствѣ случаевъ праязычное s слышалось между гласными, рѣже въ началѣ словъ, рѣдко передъ согласными».

Напротивъ, цѣлый обширный § (150, стр. 116—118) посвятилъ звуку ch Geitler въ своей извѣстной книгѣ «Starobulharská fonologie se stalým zřetelem k jazyku litevskému» (Praha 1873), но по существу и ему не посчастливилось сказать что-либо новое. Приведя нѣсколько примѣровъ правила, что «всякое ch возникло на слав. почвѣ изъ иде. s», G. вдался въ многословное разсужденіе о причинѣ, почему такой же судьбѣ не подверглось то слав. s, которое возникло изъ иде. ḱ. Въ результатѣ, онъ пришелъ къ выводу, что лт.-слав. s переходило въ прасл. въ ch и въ лт. въ š въ ту эпоху, когда иде. ḱ звучало въ обоихъ языкахъ какъ š. Это, однако, врядъ-ли вѣрно уже потому, что само слав. ch, какъ увидимъ ниже, произошло изъ s черезъ посредство š. Болѣе правдоподобно утвержденіе автора, что иде. ks измѣнилось въ лт.-слав. эпоху въ kš, откуда въ лт. яз. š, а въ прасл.—ch: но примѣръ, который онъ приводитъ въ доказательство этого закона,—лт. viršùs «верхъ» и слав. vьrchъ, не имѣетъ ничего общаго съ санскр. корнемъ vṛkš- «crescere» (см. § 129).

Въ 1877 г. Jagić въ небольшой замѣткѣ «Weitere Übergänge aus s in ch im Slavischen» (ASPh. II 400) привелъ нѣсколько примѣровъ перехода s>ch послѣ гласныхъ, но почти всѣ они, какъ увидимъ ниже (§ 185), заключаютъ въ себѣ ch секундарнаго происхожденія.

Въ 1879 г. вышло въ свѣтъ 2 изд. I-го тома «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» Miklosich'a (Wien), гдѣ на стр. 258 и sq. авторъ воспользовался результатами изслѣдованій Schlei-

cher'a и другихъ, и привелъ довольно длинную серію примѣровъ ch < иде. s, преимущественно между гласными и въ началѣ словъ. Установить же болѣе спеціальныя условія этого измѣненія не удалось знаменитому слависту и этотъ разъ. Несомнѣннымъ прогрессомъ въ изложеніи вопроса является лишь попытка различить ch старое (въ такихъ словахъ, какъ blъcha, dъchnǫti) и новое (въ čechati, prochati), но и здѣсь не обошлось безъ недоразумѣній. Напр., ч. o-stýchati (§ 185) признается архаической формой, а dręchlъ (§ 140) новой!

Въ 1880 г. вышелъ III выпускъ работы Потебни «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (Варш.) Здѣсь, на стр. 84—128, находимъ интересную статью «X изъ дославянскаго и славянскаго s». Но главное ея значеніе заключается не въ анализѣ условій появленія звука ch въ славянскихъ языкахъ (котораго, въ сущности, нѣтъ), а въ этимологіяхъ отдѣльныхъ слав. словъ, въ корнѣ которыхъ слышится слав. ch. Многія изъ этихъ этимологій очень остроумны и будутъ упомянуты нами ниже.

Далѣе общаго указанія, что слав. ch соотвѣтствуетъ иде. s, не идетъ и «Начертаніе церковнослав. грамматики» Будиловича (Варшава 1883, стр. 99).

Но въ вышедшемъ черезъ три года въ свѣтъ монументальномъ «Grundriss'ѣ der vergleichenden Grammatik» Brugmann'a (Strassb.) I, S. 444, встрѣчается уже намекъ, что иде. s измѣнялось въ ch въ праслав. яз. не всегда между гласными, а лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Это видно изъ наблюденія В., что особенно многочисленны и достовѣрны тѣ примѣры слав. ch, въ которыхъ оно стоитъ послѣ гласныхъ ряда -i- и -u-. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія эта мысль, впрочемъ, носилась, такъ сказать, въ воздухѣ, и этимъ объясняется, что почти одновременно, по независимо другъ отъ друга, цѣлый рядъ ученыхъ пришелъ въ своихъ изслѣдованіяхъ къ одному и тому же выводу,—что слав. ch возникало изъ s, если ему предшествовалъ одинъ изъ гласныхъ: u, ʹu, ъ, у или ě, i, ь. Какъ узнаемъ изъ разсказа Pedersen'a IF V 74, именно такъ учили въ своихъ университетскихъ лекціяхъ Фортунатовъ въ Москвѣ, Бодуэнъ-де-Куртенэ въ Казани и Zubatý въ Прагѣ. Но особенно оригинально было ученіе перваго: согласно ему (ср. Лекціи 70 sq., а также Pedersen IF V 87 и Поржезинскій Очеркъ 64), въ иде. яз. слышалось двоя-

кое s: въ то время какъ одному s соотвѣтствовало въ лт. яз. s, а въ слав. ch при извѣстныхъ условіяхъ (именно послѣ гласныхъ ряда -i- и -u-), второму s въ лт. яз. отвѣчало š, а въ слав. ch независимо отъ положенія въ словѣ. Но чѣмъ обусловленъ былъ такой дуализмъ звука s, Ф. не объясняетъ.

Заслуга вполнѣ *систематическаго и строго критическаго* анализа употребленія слав. ch принадлежитъ двумъ западно-европейскимъ ученымъ, голландцу Uhlenbeck'у и датчанину Pedersen'у. Первый въ ASPh. XVI 368—384, а второй въ IF V 33—87 почти одновременно (въ 1894 г. и 1895 г.) опубликовали свои изслѣдованія, въ которыхъ пришли къ выводамъ, тождественнымъ почти абсолютно.

Именно, первый, разсмотрѣвъ «Die Behandlung des idg. s im Slavischen»,—такъ называется статья U.,—такимъ образомъ формулируетъ итоги своего изслѣдованія:

1) Между гласными s переходило въ ch, если только ему не предшествовало e или o.

2) Послѣ k и g s измѣнялось въ ch, если только за нимъ слѣдовалъ гласный звукъ.

3) Послѣ t s превращалось въ ch, если за нимъ слѣдовало ĭ.

4) Послѣ ŭ, u, y s переходило въ ch, если за нимъ слѣдовало l.

5) Во всѣхъ другихъ положеніяхъ s оставалось безъ измѣненія, исключая абсолютный конецъ слова.

Изъ этихъ тезисовъ безусловно невѣренъ только третій: два примѣра pĕšь и vъšь, на которые ссылается U. въ его подтвержденіе (S. 374), объясняются совсѣмъ иначе (§§ 88, 186); четвертый долженъ быть освобожденъ отъ ограниченія перехода s > ch сосѣдствомъ звука l и, напротивъ, дополненъ еще четвертымъ факторомъ процесса—звукомъ ′u. Всѣ же прочія положенія безупречны во всѣхъ отношеніяхъ. За то едва-ли было удачно то дополненіе къ своей статьѣ, которое U. сдѣлалъ въ слѣдующемъ томѣ Archiv'a (XVII 620), именно то, что s будто бы переходило въ ch послѣ o изъ иде. ə. Такъ онъ объясняетъ (со словъ своего учителя Kern'a) ch въ аор. nesochъ при др.-инд. ábodhiṣam; но, какъ увидимъ ниже (§ 183), первое представляетъ новообразованіе по аналогіи bychъ, pluchъ и т. д. Тѣмъ болѣе удивительно, что это явно-несостоя-

тельное объясненіе нашло въ 1904 г. защитника въ лицѣ Mikkol'ы IF XVI 97 sq., который съ его помощью думалъ объяснить не только nesochъ, но и pěchъ (<*ped(ə)sos), pręcha (<*prę̆d(ə)sa), spěchъ (<*spēəs-) и нѣк. др.

Хотя Pedersen изучалъ вопросъ на болѣе широкомъ фонѣ исторіи иде. s въ слав. языкахъ — его статья не даромъ называется «Die Behandlung des idg. s im Slavischen», — тѣмъ не менѣе результаты его изслѣдованія въ общемъ были тѣ же, какъ это видно изъ слѣдующей краткой ихъ формулировки: «Послѣ иде. ĭ, i̯, ŭ, u̯, r, r̥, k, q s измѣнялось въ ch, если дальше не слѣдовалъ взрывной звукъ».

Но значеніе статьи P. не ограничивается только тѣмъ, что она довольно точно установила условія измѣненія иде. s въ слав. ch, еще бо́льшая ея заслуга состоитъ въ томъ, что она впервые поставила вопросъ о *процессѣ* и *времени* возникновенія слав. ch изъ š. Именно, P. рядомъ остроумныхъ соображеній показалъ, что слав. ch возникло изъ s не непосредственно, а черезъ посредство спиранта š, который въ зародышѣ существовалъ еще въ иде. праязыкѣ, по крайней мѣрѣ, въ его восточной области. Если это такъ, то перестаетъ быть простой случайностью тотъ фактъ, что въ др.-инд. и иранск. языкахъ иде. s переходитъ въ š при тѣхъ же приблизительно условіяхъ, при которыхъ въ слав. оно переходитъ въ ch, т. е. послѣ гласныхъ -ĭ- и ŭ и послѣ согласныхъ k и r. Что касается относительной хронологіи слав. измѣненія s>ch, то P. находитъ возможнымъ установить лишь termini ante quem: оно старше 1) монофтонгизаціи oi и ai, 2) возникновенія svarabhakti въ группахъ tort и tert, 3) выпаденія p и t передъ s и 4) сліянія s и k̂.

Выводы P. очень скоро вошли въ научный оборотъ и достигли почти повсемѣстнаго признанія. Только нѣкоторыя частности съ самаго начала вызывали нѣкоторыя сомнѣнія, напр., положеніе, что ch въ группахъ chl, chm, chn исчезало, если ему предшествовали i, u, k, r. Такъ, еще въ 1897 г. Mikkola BB XXII 245 указалъ, что этому закону противорѣчатъ формы вродѣ ruchlo, usъchlъ, natruchliti, dъchnǫti, machnǫti, suchmenъ и пр., но при этомъ упустилъ изъ виду, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ (напр., въ suchlъ, suchmenъ) несомнѣнно нѣкогда слышался ъ между ch и сонантомъ, а въ другихъ ch могло быть под-

держано вліяніемъ аналогіи (dъchnǫti подъ вліяніемъ dъchati, machnǫti подъ вліяніемъ machati и т. д.). Собственная же его гипотеза, что s исчезало еще въ дославянскую эпоху въ томъ случаѣ, если оно находилось между согласными, изъ которыхъ послѣднимъ было l, или n, или r, конечно, не выдерживаетъ критики.

Въ вышедшемъ одновременно со статьей Mikkol'ы второмъ изданіи I-го тома Grundriss'a Brugmann'a результаты изслѣдованія P. удостоились почти полной кодификаціи (§ 913). Только двѣ оговорки дѣлаетъ Brugmann. Во-первыхъ, по его мнѣнію, ch исчезало лишь передъ n и l, но не передъ m. Въ качествѣ примѣровъ выпаденія ch передъ n приводятся имъ лишь два слова: luna и čьrnъ (ср. ниже §§ 107, 142), но žila, которое должно служить у него доказательствомъ такого же исчезновенія ch передъ l (ср. лт. gīsla), можетъ быть, никогда не имѣло s (ср. лт. gijà «нитка» Walde EW. 292, Mikkola UG. § 66). Во-вторыхъ, Br. плохо вѣритъ въ то, чтобы š (откуда ch) было старше балт.-слав. эпохи.

Взгляды Brugmann'a (которые онъ изложилъ впослѣдствіи въ болѣе короткой и осторожной формѣ въ «Kurze Vergleichende Grammatik der idg. Sprachen», Strassb. 1904, § 297), почти безъ всякихъ измѣненій были повторены Vondrák'омъ въ I-мъ изд. его «Altkirchenslav. Grammatik» (Berl. 1900, s. 139 sq.), но въ Handbuch'ѣ Leskien'a встрѣчаемъ новшество: по мнѣнію его составителя, s переходило въ ch не только послѣ r и k, но и послѣ l и n, доказательствомъ чего приводятся плаχъ «пугливый» и жχати «пахнуть» (4 изд. 1905 г., § 28). Но, какъ увидимъ ниже (§§ 147, 185), оба эти слова объясняются совсѣмъ иначе. Еще болѣе догматично утвержденіе автора, что ch возникло изъ s въ началѣ словъ chudъ, chytrъ, chromъ и т. п. (о которыхъ ср. §§ 134, 167, 178 и др.).

Довольно много мѣста посвящено слав. ch изъ s въ книгѣ Vondrák'a «Vergleichende slav. Grammatik» (I B. Götting. 1906 г. S. 349 sq.), но то, что хорошо въ его изложеніи (напр., богатый подборъ матерьяла), то не ново, а то, что ново, то не хорошо. Такъ, только отрицательно мы можемъ отнестись къ тому положенію автора, что «въ фарватерѣ звука s» въ прасл. яз. переходило иногда s изъ иде. ḱ и вмѣстѣ съ первымъ

измѣнялось въ ch. Но три примѣра, на которыхъ опирается мысль V.: rěšiti: лт. rìšti «связывать», *chormiti: лт. šérti «кормить» и vьsь: др.-инд. viśva-, на самомъ дѣлѣ, имѣютъ совсѣмъ другую исторію (см. §§ 31, 162, 172). Ошибочно далѣе утвержденіе V., что въ р. сухменъ, глухменъ и т. п. s измѣнилось въ ch передъ m, что въ žila выпало s еще въ прасл. эпоху и т. д. Что касается принципіальной стороны ученія V., то оно ничѣмъ не отличается отъ взгляда на этотъ вопросъ Pedersen'a, Brugmann'a и др.

Въ гораздо болѣе рѣшительную оппозицію по отношенію къ датскому лингвисту сталъ Uhlenbeck, по крайней мѣрѣ, по вопросу о времени перехода s>ch. Въ 1906 г. въ KZ XXXIX 599 sq. онъ напечаталъ замѣтку подъ названіемъ «Zur Geschichte des s im Slavischen», гдѣ, опираясь на извѣстный законъ Zupitz'ы (KZ XXXVII 398 sq.), согласно которому s переходитъ послѣ r, при извѣстныхъ условіяхъ, въ z (ср. тьгzъкъ, dьгzъкъ и пр.), доказывалъ, что s подверглось измѣненію въ ch, *послѣ того какъ этотъ законъ прекратилъ свое дѣйствіе*. А отсюда вытекалъ другой выводъ, что Pedersen былъ не правъ, ставя славянскій процессъ въ связь съ арійскимъ переходомъ s>š. Противъ этой связи, по мнѣнію U., говоритъ также переходъ s въ ch послѣ гласныхъ e и a,— авторъ ссылается при этомъ на статью Соболевскаго въ ASPh. XXVI 559. Мало того, U. склоненъ думать, что и лт. переходъ s въ š не находится въ связи со славянскимъ, такъ какъ сфера его дѣйствія гораздо у́же славянской. Однако, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (RS VI 215 sq.), т. н. «законъ Zupitz'ы» отнюдь не можетъ считаться неоспоримой истиной; примѣры же Соболевскаго, какъ мы увидимъ ниже (§ 185), въ громадномъ большинствѣ случаевъ заключаютъ въ себѣ секундарное ch.

Эти взгляды на судьбу иде. s въ прасл. яз. подвергъ недавно новому пересмотру Эндзелинъ въ своихъ «Славянобалтійскихъ этюдахъ» (Харьковъ, 1911, 28 sq.) и пришелъ къ слѣдующему выводу: не отрицая, что «возникшая среди лингвистическихъ предковъ арійцевъ и славянъ тенденція къ замѣнѣ s шипящимъ š охватила также зачатки теперешнихъ балтійскихъ языковъ, проявляясь, однако, тутъ въ менѣе широкихъ размѣрахъ (только послѣ r и k)», онъ въ то же время находитъ еще болѣе

возможнымъ, что «лт. š изъ s только случайно (да и то лишь частично) совпадаетъ съ аналогическимъ звукомъ арійскихъ и слав. языковъ» (73 sq.). Но, какъ показалъ Шахматовъ въ своей рецензіи на книгу Э. (Изв. XVII, 1, 285 sq.), тождество условій, при которыхъ въ лт. яз. s переходитъ въ š (именно послѣ r u k и отчасти i и u) и въ ch въ прасл., не даетъ методологическаго права отдѣлять оба процесса и ставить слав. явленія въ болѣе тѣсную связь съ арійскими, чѣмъ съ лт. Самъ же Шахматовъ склоненъ думать, что иде. s, еще на балт.-слав. почвѣ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, палатализованныхъ звуковъ (i, можетъ быть, r'), съ другой, лабіализованныхъ (u, r^u и k), превратилось не въ š, какъ думали до сихъ поръ, а въ лабіализованное или палатальное s; «послѣ согласныхъ (k и r) оно удержалось и въ балт. и въ слав. (отсюда лт. š и слав. x); послѣ i, u аффектированное s вообще удержалось въ слав. (отсюда x), между тѣмъ какъ въ балт. оно удерживалось только при наличности какихъ-то сопровождающихъ условій, вѣроятно, дававшихся въ звукахъ, слѣдовавшихъ за s; передъ шумными согласными s въ слав. теряло аффектацію, а въ балт.—нѣтъ» (стр. 287). Въ частности, съ полнымъ основаніемъ отвергаетъ Ш. (стр. 287) странное мнѣніе Э., что иде. сочетаніе sk послѣ i, u, r перешло въ слав. въ ch, а въ лт.—въ š (стр 58): единственный примѣръ—mĕchъ только ad hoc можно возводить къ *moiskos, будто бы возникшему изъ *moisos (на которое указываютъ др.-пр. moasis, двн. meisa и др.-инд. me̯ás), подъ вліяніемъ, напр., слова, давшаго гр. ἀσκός «мѣхъ».

Диссертація Э. была послѣдней по времени работой, гдѣ для рѣшенія вопроса о слав. ch < иде. s былъ привлеченъ нѣкоторый новый матерьялъ. Что касается новѣйшихъ изданій церковнославянскихъ грамматикъ: Leskien'a (Handbuch.[5] 27, Grammatik der altbulg. Spr. §§ 30, 31, 32), Vondrák'a (Altkirchenslavische Grammatik[2] Berl. 1912, S. 299) и Кульбакина (Дцсл. языкъ[1] § 56, Дцс. яз.[2] § 12), то онѣ не принесли ничего новаго ни въ принципіальномъ, ни въ фактическомъ отношеніяхъ. Можно только замѣтить, что Leskien въ новѣйшихъ изданіяхъ своей «Грамматики» отказался отъ мнѣнія, что s могло переходить въ ch послѣ другихъ согласныхъ (напр., l, n), кромѣ r и k.

До сихъ поръ мы разсуждали о слав. ch, возникавшемъ при извѣстныхъ условіяхъ изъ иде. s. Но въ научной литературѣ уже съ давнихъ поръ пробивается теченіе, которое стремится доказать, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ ch можетъ отвѣчать иде. задненебному согласному.

Такъ, оставляя въ сторонѣ болѣе раннія попытки Schleicher'a (см. о нихъ выше), мы прежде всего напомнимъ, что еще Потебня Къ ист. зв. II 12 sq. находилъ возможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возводить ch къ иде. k, а Kalina посвятилъ даже спеціальную статью «Słowiańskie ch = indoeurop. k» (PF. II 767 sq.) доказательству того положенія, что иде. лабіовеларное k^u переходило въ прасл. въ k, а иде. чисто веларное k—въ ch, но эта гипотеза основана на невѣрныхъ и вообще въ высшей степени некритическихъ этимологіяхъ. То же слѣдуетъ повторить и про теорію Kozlovsk'аго ASPh. XI 383 sq., что слав. x въ началѣ цѣлаго ряда словъ (храмъ, хохотъ, ходъ и пр.) отражаетъ иде. *спирантъ* x^2, которому въ др.-инд. яз. соотвѣтствуетъ h, въ гр. χ, а въ лат. h. Конечно, всѣ подобныя гипотезы могутъ имѣть теперь только историческій интересъ.

Гораздо болѣе жизнеспособной оказалась та гипотеза, которую вкратцѣ еще въ 1905 г. формулировалъ Pedersen въ своей вышеупомянутой статьѣ объ «Иде. s въ слав. языкахъ». Именно, на стр. 50 и 56, онъ высказалъ мысль, что во многихъ случаяхъ слав. ch можетъ отражать не иде. s, а иде. kh. Сначала большинство лингвистовъ, съ самимъ Brugmann'омъ во главѣ, отнеслось къ этой идеѣ съ полнымъ отрицаніемъ, меньшинство—полускептически, и только очень немногіе, какъ Meillet MSL IX 183, Introduction[3] 69, Et. 174, Les dial. 80 sq., приняли ее безъ оговорокъ. Быть можетъ, поэтому Pedersen въ 1905 г. вновь возбудилъ вопросъ о возможности перехода иде. kh>ch на слав. почвѣ. Доказывая въ своей статьѣ «Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent» (KZ XXXVIII), что въ прасл. chъtěti, которое онъ сближалъ съ арм. xand «радость» и гр. χατίς «желаніе» (см. § 167), ъ восходитъ къ иде. n̥, Р. былъ естественно заинтересованъ въ томъ, чтобы найти въ слав. языкахъ возможно большее число такихъ словъ, въ которыхъ переходъ kh>ch былъ бы особенно очевиденъ. Такими словами для него

оказались: socha, sěrъ, chlěbъ, chvojь, chopiti, chlapъ, chlakъ, chlastъ, chręštь.

Но не всѣ эти примѣры одинаково удачны. По нашему мнѣнію, дѣйствительно отражаютъ иде. kh лишь послѣднія пять словъ, хотя ихъ этимологію мы толкуемъ нѣсколько въ другомъ смыслѣ, чѣмъ P. (см. §§ 153, 156, 177, 178). Что касается остальныхъ именъ, то socha можетъ соотвѣтствовать не только др.-инд. śakhā, но и лат. saxum (ср. § 148); sěrъ вѣрнѣе сближать не съ гр. χοῖρος, двн. hárr, а съ sivъ изъ иде. *k̂ē(i)-(ср. Hirt Ablaut § 354); chlěbъ есть несомнѣнное заимствованіе изъ гт. языка (hlaibs); наконецъ, chvojь вѣрнѣе выводить изъ *ksu̯oi̯-(ср. § 132). Объ имени *chormъ «храмъ» мы даже не говоримъ (ср., впрочемъ, § 178), такъ какъ самъ P. плохо вѣритъ въ его родство съ др.-инд. harmyám.

Ошибаясь въ частностяхъ, P., по моему мнѣнію, былъ правъ въ принципѣ, и потому я не могу не признать слишкомъ суровой ту критику, которой въ 1905 г. подвергъ ученіе P. Uhlenbeck въ своей интересной статьѣ «Die Vertretung der Tenues aspiratae im Slavischen» (IF XVII 95 sq.). Такъ какъ его этимологическія соображенія по поводу фактическаго матерьяла P. цитируются обыкновенно мною ниже въ соотвѣтствующихъ §§, то здѣсь я коснусь лишь принципіальной стороны его возраженій. «Я не могу, говоритъ U. (o. c. 95), считать вѣроятнымъ, чтобы въ слав. праязыкѣ kh имѣло другую судьбу, чѣмъ прочіе аспирированные, какъ звонкіе, такъ и глухіе взрывные согласные, хотя я, естественно, и не отрицаю возможности такого изолированнаго звукоизмѣненія. Если P. (KZ. XXXVIII 391) ссылается на арм. яз., то все же необходимо учесть ту разницу, что въ этомъ языкѣ ни одна изъ глухихъ аспиратъ не утратила своего придыханія, хотя бы kh само и превратилось здѣсь въ спирантъ,—въ то время какъ въ слав. kh, согласно гипотезѣ P., заняло совершенно обособленное положеніе не только благодаря своему переходу въ ch, но и благодаря сохраненію придыханія».

Возраженія своего голландскаго коллеги P. не оставилъ безъ отвѣта, и въ 1907 г. помѣстилъ въ KZ. XL 173 sq. статью подъ названіемъ «Idg. qh und qʷh im Slavischen» (173—181). Здѣсь онъ

прежде всего указываетъ, что U. невѣрно изображаетъ хронологическій процессъ измѣненія иде. аспиратъ въ прасл. яз. Именно какъ—

I	kh	th	ph
II	kh	t	p
III	x	t	p.

Между тѣмъ, согласно гипотезѣ P., ходъ ихъ развитія былъ такой:

I	kh	th	ph
II	x	th	ph
III	x	t	p

Что касается до замѣчанія U., что невѣроятно, чтобы qh и q^{u}h имѣли въ прасл. яз. другую судьбу, чѣмъ k̂h, th, ph, то P. опровергаетъ его указаніемъ, что произносящіеся въ задней части человѣческаго говорильнаго аппарата взрывные звуки вообще легко превращаются въ спиранты. «Это явленіе фонетически объясняется очень легко: при произношеніи звуковъ, образуемыхъ въ глубинѣ рта, труднѣе произвести полную смычку, чѣмъ при произношеніи звуковъ, артикуляція которыхъ производится въ передней части рта» (S. 175). Такъ, напр., въ тур. языкахъ k при заднеязычныхъ гласныхъ произносится какъ спирантъ, между тѣмъ какъ t и p остаются взрывными звуками. Но и слав. языки не лишены аналогіи: такъ, въ ч. и мр. яз. g черезъ посредство γ стало звучать какъ h, между тѣмъ какъ d и b сохранили свое древнее произношеніе. Послѣ этихъ общихъ апріорныхъ замѣчаній, P. переходитъ къ защитѣ своихъ этимологій отъ нападокъ U.; наиболѣе важныя изъ его возраженій зарегистрированы ниже.

Быть можетъ, P. въ объясненіяхъ отдѣльныхъ словъ и не вездѣ угадалъ истину; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что его послѣдняя статья устранила на всегда принципіальныя сомнѣнія въ возможности измѣненія иде. kh въ слав. ch. Благодаря этому, число сторонниковъ его гипотезы значительно увеличилось, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ Berneker и Mikkola, не безъ успѣха пытались даже съ помощью ея пролить свѣтъ на происхожденіе цѣлаго ряда темныхъ словъ въ области слав. лексики. Даже Vondrák VSG. I 261 и Эндзелинъ о. с., которыхъ не убѣ-

дили ни апостеріорныя, ни апріорныя соображенія Р., все же считаютъ его гипотезу не невѣроятной. Но признавая, что «рѣшеніе вопроса о слав. ch изъ иде. kh всецѣло зависитъ отъ качества этимологій», Э., взамѣнъ забракованныхъ имъ этимологическихъ данныхъ Р., приводитъ свои, оправдывая ихъ привлеченіе двумя соображеніями: 1) если отрицать слав. ch изъ иде. kh, то остается слишкомъ много словъ съ загадочнымъ ch и 2) нѣкоторыя балт. слова съ k и нѣкоторыя германскія съ h очень похожи на слав. формы съ x, причемъ мысль о заимствованіи, кажется, исключена. Но, какъ показалъ Шахматовъ Изв. XVII, 1, 289 sq., за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ (*chvorstъ, chytъ, socha), этимологіи Э. лишь въ слабой степени достигаютъ цѣли.

Кромѣ Шахматова, противъ закона Pedersen'a печатно выразился еще Persson Beitr. 304 sq. Но въ то время какъ русскій лингвистъ исходилъ не только изъ явной недостаточности фактическаго арсенала Pedersen'a, но и изъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній (въ томъ числѣ изъ идеи о неизбѣжности совпаденія tenues aspiratae съ tenues при параллельномъ совпаденіи mediae aspiratae съ mediae, о. с. 289), шведскій ученый не сходитъ съ дороги немногихъ этимологическихъ данныхъ Pedersen'a. Но эти данныя его глубоко не удовлетворяютъ. Имя chlěbъ Persson считаетъ германскимъ заимствованіемъ; socha онъ склоненъ выводить скорѣе изъ *saksā, чѣмъ изъ *k̂okhā (др.-инд. śākhā и пр.); имя sěrъ онъ производитъ изъ *k̂oiro-, предполагая, что оно смѣшалось съ заимствованнымъ изъ герм. haira- *chěrъ (ср. подобный же взглядъ на послѣднее имя Шахматова о. с. 289); по аналогіи *chěrъ, ch перенесено въ sědъ, откуда ч. sedý. Наконецъ, что касается Pedersen'овой этимологіи имени chotěti, то самъ Persson, признавая ее «sehr ansprechend», все же отмахивается отъ нея совершенно-произвольнымъ гаданіемъ, что его начальное ch могло возникнуть посредствомъ перестановки изъ *skh!

За исключеніемъ послѣдняго пункта, мы готовы признать справедливость почти всѣхъ возраженій Persson'a, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что законъ перехода иде. kh въ ch не выдерживаетъ критики, еще менѣе,—что онъ вообще не вѣренъ. Прійти къ такому пессимистическому выводу былъ бы въ правѣ лишь тотъ, кто, послѣ *тщательнаго*

и *систематическаго* этимологическаго пересмотра *всѣхъ* примѣровъ со слав. ch, не нашелъ бы среди нихъ ни одного, который можно было бы съ достовѣрностью поставить въ связь съ иде. kh. Пока такая работа не будетъ продѣлана, отрицаніе возможности перехода kh>ch будетъ по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ.

Поэтому, мы можемъ лишь привѣтствовать успѣшное начало, которое положилъ этой работѣ Petersson въ своихъ новѣйшихъ «Studien über slav. ch» (ASPh. XXXV 355 sq.). Изложивъ вкратцѣ ходъ развитія проблемы о судьбѣ иде. kh въ прасл. яз., Petersson далѣе замѣчаетъ: «Скептицизмъ такого значительнаго числа ученыхъ по отношенію къ звукоизмѣненію иде. kh въ ch, безъ сомнѣнія, обусловленъ тѣмъ, что привлекавшійся до сихъ поръ къ сравненію мало-мальски пріемлемый матерьялъ былъ слишкомъ скуденъ въ количественномъ отношеніи. Самъ Uhlenbeck обѣщаетъ признать данный звуковой законъ, если будутъ приведены его вполнѣ достовѣрные примѣры... Вотъ почему въ дальнѣйшемъ изложеніи я намѣренъ дать матерьялъ для рѣшенія вопроса о слав. ch, причемъ я желаю отчасти привести новые примѣры слав. ch изъ kh,— конечно, безъ всякой надежды убѣдить ими каждаго скептика,—отчасти же попытаться доказать, что начальное ch развилось въ нѣкоторыхъ словахъ изъ возникшаго посредствомъ перестановки ks» (S. 357).

Послѣдняя цѣль, какъ увидимъ ниже, автору совершенно не удалась. Не говоря уже о томъ, что для перестановки группы согласныхъ sk>ks рѣшительно не было ни въ прасл., ни въ въ иде. яз. никакихъ *физіологическихъ* основаній, всѣ приведенные для ея иллюстраціи примѣры допускаютъ другія, гораздо болѣе простыя объясненія. Что касается главной задачи изслѣдованія Petersson'а, то несмотря на то, что авторъ совершенно не воспользовался данными славянской лингвистической литературы и лишь въ очень неполной мѣрѣ — нѣмецкой, все же ему удалось привести, рядомъ съ нѣкоторыми довольно-проблематическими примѣрами слав. ch изъ kh, и цѣлый рядъ такихъ, противъ которыхъ, по нашему мнѣнію, нельзя ничего возразить ни съ фонетической, ни съ семасіологической точки зрѣнія.

Такова, въ общихъ чертахъ, исторія изученія вопроса о слав. ch. Какъ видитъ читатель, въ научной литературѣ до сихъ поръ борются два теченія: въ то время какъ одни ученые отстаиваютъ *монизмъ* происхожденія слав. ch (изъ иде. s), другіе отстаиваютъ его *дуализмъ* (изъ иде. s и kh). Правда, пробивается еще третье теченіе, — *тріализма*, согласно которому слав. ch можетъ отражать иде. группу kþ, но это ученіе, раздѣляемое, кстати сказать, лишь очень немногими учеными (Pedersen'омъ, Brugmann'омъ, Berneker'омъ и нѣкоторыми другими), основано на невѣрныхъ этимологіяхъ двухъ всего словъ *chati и *chorna (ср. §§ 164, 162), и потому едва-ли можетъ быть признано жизнеспособнымъ. То же самое можно сказать и о недавнемъ ученіи Petersson'a Studien zu Fortunatovs Regel 112 о какомъ-то иде. звукѣ x (отличномъ отъ kh), который въ др.-инд. яз. давалъ ś, въ герм. s и слав. x: оно основано на ошибочныхъ этимологіяхъ именъ šesťь, cholkъ и chromъ.

Прійдя въ свое время (ASPh. XXVIII 457), независимо отъ Pedersen'a, къ убѣжденію, что слав. ch можетъ имѣть однимъ изъ своихъ источниковъ иде. kh, я и теперь не имѣю серьезныхъ причинъ отказываться отъ этого мнѣнія. Но такъ какъ степень его убѣдительности зависитъ всецѣло отъ количества и качества подтверждающихъ его примѣровъ,—facta loquuntur!,—то одной изъ главныхъ задачъ нижеслѣдующаго изложенія мы и поставили *систематическій* и *критическій* сводъ всѣхъ извѣстныхъ намъ примѣровъ, въ которыхъ *съ большей или меньшей степенью достовѣрности* мы вправѣ предполагать ch изъ kh; въ итогѣ, число ихъ оказалось довольно значительнымъ, даже если не принимать во вниманіе многочисленныя звукоподражательныя образованія съ ch, которыя, какъ извѣстно, возникаютъ часто при особыхъ, такъ сказать, антиисторическихъ условіяхъ, и которыя, въ цѣляхъ методологической осторожности, выдѣлены нами въ особый подотдѣлъ. Но исключать ихъ совершенно мы не сочли себя вправѣ, такъ какъ та же методологическая осторожность не позволяетъ абсолютно игнорировать факты, позднѣйшее происхожденіе которыхъ не гарантировано никакими *вѣскими* и *неопровержимыми* соображеніями.

Какъ бы то ни было, но вмѣстѣ съ первымъ отдѣломъ, заключаю-

щимъ въ себѣ всѣ достовѣрные (по нашему мнѣнію, конечно) примѣры слав. ch изъ s, собранный нами матерьялъ долженъ дать, по крайней мѣрѣ, *приблизительную* картину того наслѣдія, которое славянскіе языки получили отъ своего предка въ области употребленія столь характернаго для нихъ задненебнаго глухого спиранта.

Кіевъ, 1 марта 1915 г.

ОТДѢЛЪ I.

Звукъ ch изъ s.

A) Звукъ ch послѣ гласныхъ.

a) Послѣ гласныхъ ряда -i-.

I. Послѣ ĕ.

1. Прасл. grěchъ (дпс. грѣхъ «ἁμαρτία», б. грѣхъ, сх. grîjech, с. grȅh, ч. hřích, вл. hřech, н. grzech, мр. гріх, р. грѣхъ) Berneker EW. I 351 выводитъ изъ иде. *ghroi-sos и сравниваетъ съ гр. χρίω «мажу, крашу», лт. grẽti «снимать пѣнки съ молока», graistîti «снимать», но семасіологическая эволюція «замазывать → забывать → прощать» представляется намъ искусственной и, главное, не отвѣчающей прямому смыслу слова грѣхъ «преступленіе». Легче вывести это понятіе изъ идеи «долга», «должнаго» или «нужнаго», которая лежитъ въ основѣ гр. χρή, χρέος (этимологія Petr'a BB. XXI 214 и Преображенскаго ЭС. I 164), или изъ идеи «жгучихъ мукъ совѣсти», которая могла эволюціонировать изъ идеи «пылать» въ корнѣ *grĕ- (grěti и пр.) совершенно такъ, какъ схожее понятіе въ др.-инд. tápas (этимологія Miklosich'a Chr. Elem. 43, Pedersen'a IF V 53, Brückner'a Cyw. 35),— но за то ни та, ни другая комбинація не объясняетъ появленія ch на мѣстѣ s. Въ виду этого, и оставляя въ сторонѣ другія, явно неправдоподобныя въ семасіологическомъ отношеніи сопоставленія (какъ, напр., Matzenauer'a LF. VII 200 съ лт. grìsti «быть пресыщеннымъ»), мы должны признать лучшей этимологіей словопроизводство Буги, который (см. РФВ. LXVI 237) выводитъ grěchъ изъ корня *grei- «быть кривымъ», дошедшаго до насъ, между прочимъ, въ пр. grei-wa—kaulin «скелетъ», лтш. greì-z-as «крутой, кривой» и, можетъ быть, въ сх. grî-č «крутизна». Если это такъ, то grěchъ могло возникнуть или изъ *ghroi-sos или (принимая во вниманіе послѣднее имя) изъ *ghroik-sos. Что

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

касается самаго корня *ghrei-, то онъ, безъ сомнѣнія, представляетъ собой расширеніе на -i- базы *gh(e)rā- «быть острымъ», сохранившейся, между прочимъ, въ словахъ grаnь, grana и пр. (ср. Persson, Beitr. 18).

2. Прасл. jachati (дцс. ѭхати «vehi», б. яхамъ, сх. jȁhati, jȁti, с. jȁhati, ч. jechati, вл. jěchać, дп. и діал. jechać, мр. йíхати, р. ѣхать), по нашему мнѣнію, возникло изъ *oisāti, въ которомъ *oi-s- представляетъ собой не что иное, какъ расширеніе извѣстнаго корня ei-, точнѣе, его высшей ступени — *oi- «идти, ѣхать». Слѣдовательно, въ фонетическомъ отношеніи jachati наиболѣе близко къ гр. οἶμα «стремительное нападеніе», которое предполагаетъ *οισμᾰ, и отъ котораго, конечно, нельзя отдѣлять ав. aēšma «гнѣвъ» (ср. Prellwitz EW² 324). Какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (РФВ. LX 424), отъ корня *ois-, съ помощью суффиксовъ ср. степ. t(e)r- и суфф. -ęb-, образовано имя jastrębъ, обозначавшее первоначально «стремительно нападающую птицу». Болѣе отдаленно въ фонетическомъ отношеніи, но за то болѣе близко въ семантическомъ родство глагола jachati съ гр. οἴχομαι, гдѣ χ отражаетъ детерминативъ -gh-, ср. лт. eigà «ходъ». Въ чистомъ, нерасширенномъ формантомъ видѣ корень *oi- сохранился въ прасл. (j)ědǫ (ср. дцс. ѭдж «vehor», part. perf. при-ѭкъ, ч. jeti, вл. jěć, п. jadę, дп. jać, р. ѣду), которое, слѣдовательно, вопреки обычной этимологіи (ср. Bern. EW I 442), не можетъ быть сопоставляемо непосредственно съ лт. jóti «ѣхать» и др.-инд. yāti «идетъ, ѣдетъ»: если бы въ слав. *jati и jachati j (resp. i̯) было иде. происхожденія, то указанныя два слова во всѣхъ славянскихъ языкахъ звучали бы совершенно одинаково,—съ начальнымъ ja-, и современныя, напр., русс. формы ѣду, ѣхать были бы немыслимы. Правда, въ наукѣ не было недостатка въ попыткахъ объяснить чередованіе ja и jě въ началѣ нашихъ словъ, но ни одна изъ нихъ не достигла цѣли. Такъ, Фортунатовъ Лекціи 240, ASPh. XII 98 полагалъ, что ěchati возникло изъ jachati подъ вліяніемъ *ěti (точнѣе *ěti), гдѣ ě изъ иде. *i̯ē-, чередовавшагося съ i̯ō- въ лт. jóti и слав. jachati; но почему отпало i̯ въ корнѣ *i̯ē-, этого Ф. не объясняетъ. Гипотеза Zubat'aго ASPh. XIII 625, XV 516 sq., что всякое i̯ā- давало въ прасл. ě, также мало обоснована фактически, какъ

и предположеніе Vondrák'a Статьи I 188, что ō послѣ j измѣнялось въ прасл. въ ě. Даже сравнительно наиболѣе правдоподобная гипотеза Pedersen'a KZ XXXVIII 312, что чередованіе jachati: jěchati возникло по аналогіи jasti: sъn-ěsti, не свободна отъ извѣстной натяжки: вѣдь первая пара словъ по значенію не имѣетъ ничего общаго со второй!

Если jachati произведено отъ корня *ois-, то переходъ s въ ch совершился въ немъ вполнѣ закономѣрно, и предполагать на него вліяніе другихъ глаголовъ нѣтъ никакой нужды *и въ этомъ отношеніи.* Съ другой стороны, не менѣе закономѣрно сохранилось s въ (j)ězditi (ср. дцс. **ѣздити**, б. я́здъ, сх. jèzditi, с. jězditi, ч. jezditi, вл. jězdzʹićʹ, п. jezdzićʹ, мр. йіздити, р. ѣздить), корень котораго возникъ, по всей вѣроятности, контаминаціей базъ *(j)ěd- (jědǫ и пр.) и *(j)ěs-. Объ исконномъ «суффиксѣ» -zd-, который открыла недавно въ jazda безудержная фантазія Brückner'a KZ. XLV 269, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи.

3. Прасл. lěcha (ср. дцс. **лѣха** «πρασιά», б. лѣхá «полоса шириною отъ 10 до 12 шаговъ, гряда въ саду или огородѣ», сх. lijèha «гряда», с. lêha «гряда, полоса», ч. lícha, дч. lécha, вл. lěcha, п. діал. lěcha, р. леха) сравнивается съ лт. lîsė «огородная гряда», свн. leis «слѣдъ», лат. līra «борозда». Первоначальная форма имени была *loisā, ср. Fick KZ. XVIII 412, Pedersen IF. V 40, Meillet Et. 249, Walde EW² 435, Berneker EW. I 709, Преображенскій ЭС. I 491.

4. Прасл. měchъ (дцс. **мѣхъ** «ἀσκός», б. мѣхъ, сх. mȉjeh, с. mêh, ч. měch, вл. měch, п. miech, р. мѣхъ) сравнивается съ пр. moasis «раздувальный мѣхъ», лт. máišas «мѣшокъ», др.-инд. mēṣás «баранъ, козелъ, шкура». Ср. Fick⁴ I 278, 519, Miklosich EW. 194, Pedersen IF. V 40, Uhlenbeck Ai. EW. 232, Meillet Etˊ. 237, Berneker EW. II 47, Преображенскій ЭС. I 582. Безъ особенной нужды Эндзелинъ Эт. 58 предполагаетъ въ лт. máišas и слав. měchъ контаминацію *moisos и иде. слова, давшаго, напр., гр. ἀσκός «мѣхъ».

Какъ увидимъ ниже (§ 17), первоначальное значеніе корня *moi-s-, точнѣе *moi- было «рѣзать».

5. Прасл. měšeliti «ошибаться, обманывать» сохранилось лишь въ р. діал. об-мешелиться «ошибиться» (ср. также об-мешýлка «ошибка»), но это не лишаетъ его права претендовать на глубокую древность: повидимому, оно образовано отъ корня *mois-, низшая ступень котораго *mьs- сохранилась, кромѣ др.-инд. miṣam «обманъ», въ слав. mьšelъ, о которомъ ср. § 27. Ср. Miklosich EW. 209, Pedersen IF. V 41, Uhlenbeck Ai. EW. 225. — Невѣрно Matzenauer LF. XI 164 sq.

6. Прасл. plěšь «лысина» (ср. цс. плѣшь f., с. plêš m., ч. pleš f., п. plesz f., р. плѣшь f.) и plěchъ (вл. plech «плѣшь», кб. plech) восходятъ къ иде. *plois-, ср. съ другимъ детерминативомъ лт. plìkė «плѣшь», plìkas «голый», лтш. pliks «голый». Правда, было высказано мнѣніе (Miklosich EW. 250, Uhlenbeck PBB. XXX 289, IF. XVII 176), что лт. слова заимствованы изъ слав., но несостоятельность его была вполнѣ убѣдительно показана еще Leskien'омъ (Bildung 182) и Эндзелиномъ Эт. 125. Въ виду лт. plikšas, послѣдній ученый допускаетъ также возможность образованія слав. формы изъ корня *plěks-. Если это такъ, то чш. plchý (§ 28) «лысый» совпадало бы съ лт. plikšas звукъ въ звукъ и, кстати сказать, дѣлало бы излишнимъ предположеніе Meillet Les dial. 81 о происхожденіи лт. k и слав. ch въ этомъ словѣ изъ иде. kh.

7. Прасл. pěchati (р. діал. [костр.] пехать «толкать») и pěchovati (цс. пѣховати, ч. pěchovati) довольно точно соотвѣтствуютъ лт. paisìti «толочь (ячмень)» и вмѣстѣ съ нимъ отражаютъ иде. корень *pois-. Конечно, отъ того же корня образованы еще: 1) р. пéшня, (чит. пѣшня) «желѣзный ломъ съ трубкою, въ которую вставляется деревянная рукоять; родъ долота»: его первоначальная форма была *pěs-ьnja (ср. Преображенскій ЭС. I 56) и 2) р. діал. пехтáль, пехти́ло «нестъ», предполагающія болѣе древнія формы *pěch-ъt-alь, *pěch-ъt-ilo. Во всѣхъ этихъ словахъ s, слѣдовательно, перешло въ ch вполнѣ закономѣрно. Но столь же закономѣрно это s сохранилось въ pěstъ (ч. píst, п. piast, р. пестъ) и его многочисленныхъ производныхъ: здѣсь s было защищено отъ перехода въ ch слѣдующимъ t. Въ болѣе отдаленномъ родствѣ съ перечисленными словами состоитъ pěsъkъ (дцс. пѣсъкъ «ἄμ-

μος»,б. пѣсъкъ, сх. pijèsak, с. pȇsək, ч. písek, вл. pěsk, п. piasek, р. пѣсбкъ), котораго корень *pēs- отражаетъ не высшую ступень *pōis-, а *среднюю* *pē(i)s-, гдѣ второй компонентъ дифтонга исчезъ еще въ иде. эпоху. Поэтому популярное сопоставленіе съ др.-инд. pāṁsús «песокъ, пыль» (ср. Miklosich EW. 245, Uhlenbeck Ai. EW. 161, Hirt Ablaut § 807, Vondrák VSG. I 353, Преображенскій ЭС. II 50 и др.) можно спасти лишь при томъ предположеніи, что въ др.-инд. имени носовой элементъ принадлежитъ не къ корню, а къ суффиксу (ср. Pedersen IF. V 47 sq.). Семасіологически мало убѣдительно объясненіе Persson'a Zur Lehre 199 изъ корня *pēs- «дуть».

Образованія отъ другихъ ступеней корня *pōis- мы встрѣтимъ еще ниже, въ §§ 19, 29.

8. Прасл. smĕchъ (дцс. **смѣхъ** «risus», б. смѣхъ, сх. smȉjech, с. smêch, ч. smích, вл. směch, п. śmiech, р. смѣхъ) ведетъ свое начало отъ иде. *(s)moi-(s)-, ср. др.-инд. smáyatē «онъ смѣется» и слав. smějati sę (дцс. **смѣяти сѧ** «ἐπιγελᾶν», б. смѣйъ се, с. smȅjati se, ч. smáti se, п. śmiać' się, р. смѣяться). Ср. Fick⁴ 151, 575, Brugmann Gr² I § 877, Uhlenbeck Ai. EW. 352, Prellwitz EW². 286, Walde EW². 487, Pedersen IF V 41.

9. Прасл. spĕchъ (дцс. **спѣхъ** «τάχος», с. spȇh «поспѣшность», ч. spěch, вл. spěch, п. śpiech, р. спѣхъ) можетъ быть двоякаго происхожденія: или оно возникло изъ иде. *spoi-so-, или изъ иде. *spəi-so-; въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ потомкомъ иде. корня *spēi- «напрягаться, распространяться», исторія котораго подробно разсмотрѣна Persson'омъ въ его упомянутомъ капитальномъ трудѣ Beitr. 397 sq. Во всякомъ случаѣ, Pedersen IF. V 52 невѣрно объяснялъ ch въ spěchъ вліяніемъ аналогіи.

О srьsь, какъ образованіи отъ низшей ступени корня *spēi-, ср. § 30.

10. Прасл. strěcha (дцс. **стрѣха** «στέγος», б. стрѣха, сх. strȅcha, с. strȅha, ч. střecha, вл. třecha, п. strzecha, р. стрѣхá) мы выводимъ изъ *stroi-sā, гдѣ -sā есть суффиксъ, а *stroi- — корень, въ открытомъ видѣ сохранившійся, между прочимъ, въ дцс. **строи** «οἰκο-

νομία», б. строй «рядъ, линія; сортъ, видъ; сговоръ, помолвка», ч. stroj «приготовленіе, одежда», п. strój «нарядъ, уборъ», р. строй «рядъ, порядокъ, распорядокъ». Самый же корень *stroi-, какъ показалъ Persson о. с. 787, есть не что иное какъ расширенный дифтонгомъ -oi корень *st(e)r- «простираться». А если такъ, то strěcha первоначально обозначало «то, что распростерто надъ стѣнами дома», ср. лт. strãja «настилка, солома» [1]).

11. Прасл. těcha (дцс. **оу-тѣχа** «παράκλησις», б. у-тѣха, сх. ŭ-tjecha, с. u-têha, ч. ú-těcha, п. u-ciecha, р. у-тѣха) и těšiti (дцс. **тѣшити** «παρακαλέσαι», б. тѣшѫ, сх. tjěšiti, с. têšiti, ч. těsiti, вл. češić, п. cieszyć, р. тѣшить) образованы отъ корня *tois- «выпрямлять», ср. лт. taisýti «приготовлять, улучшать». Ср. Брандтъ РФВ. XXV 28, Pedersen IF. X 41, Zubatý BB. XVII 326.

Отъ другой ступени того же корня *teis- образовано tichъ, о которомъ ср. § 21.

12. Прасл. věchъ (ч. vích «пучокъ»), věcha (с. vêha «Krautblatt», ч. věcha «вѣнокъ изъ соломы», вл. wěcha, п. wiecha «метелка», р. вѣха «дорожный шестъ съ пукомъ соломы»), věchъtь (с. vêhət «связка сѣна», ч. věchet, вл. wjechć, п. wiecheć «метелка», мр. віхоть «мочалка, пукъ соломы», др. вѣхъть, р. вѣхоть «клокъ, пучокъ соломы») ведутъ начало отъ корня *u̯ō(i)-s- «вить, слетать», въ которомъ, согласно съ изслѣдованіями Persson'a Beitr. 321, s представляетъ детерминативъ корня *u̯ei- «вить». Ниже мы встрѣтимъ и другихъ потомковъ того же корня, ср. § 22, а теперь мы замѣтимъ только, что слав. věchъ звукъ въ звукъ соотвѣтствуетъ др.-инд. vḗṣas «одежда» (ср. Persson ib.). (Иначе и невѣрно о věchъ Geitler O kmenech 70).

II. Послѣ i.

13. Прасл. drichati (с. drîhati «дремать, спать», р. дрыхать) и drichnǫti (р. дрыхнуть, ср. также слц. dŕichnati, drichmati) обра-

1) Намекъ на возможность такого происхожденія слова данъ Горяевымъ ЭС. 351, сопоставлявшимъ стрѣха со стрѣти; напротивъ, Miklosich EW. 325, отрицаетъ (хотя и голословно) родство обоихъ словъ.

зованы отъ корня *drīs- «спать», гдѣ -s- представляетъ собой расширеніе базы *d(o)rēi-, сохранившейся въ чистомъ видѣ въ др.-инд. drāyatē «онъ спитъ». Отъ другой разновидности той же базы *d(o)rē- ведетъ свое происхожденіе, кромѣ др.-инд. drā́ti, ni-drā «сонъ», слав. drěmati (цс. дрѣмати, б. дрѣ́м'ъ, сх. drijȅmati, с. drȅmati, ч. dřímati, вл. drěmać, п. drzemać, р. дремать). Ср. Hirt, Ablaut § 228, Berneker EW I 223 sq. Что касается п. drzych «споръ, ссора», то, конечно, оно не имѣетъ ничего общаго съ перечисленными формами: скорѣе всего оно образовано отъ корня *dьr- «драть» + суфф. -ichъ (ср. konichъ и пр.).

О корнѣ *drьch- ср. ниже § 26.

14. Прасл. čichati (с. číchati «чихать», мр. чи́хати, р. чиха́ть) представляетъ собой iterativum къ čьchati, о которомъ ср. § 25.

15. Прасл. čichorъ (р. діал., напр., ярсл. чи́хоръ «чубъ, хохолъ») и *čicholъka (р. чихо́лка «чубъ, хохолъ») Буга РФВ. LXX 103 сравниваетъ съ лтш. ciesas pl. «пырей, triticum repens». Если это вѣрно, то оба слова могутъ отражать иде. корень *keis-.

О другой ступени того же корня ср. § 25.

16. Прасл. chodъ (дцс. ходъ «ὁδός», б. ходъ, сх. hȏd, с. hòd, ч. chod, вл. khód, п. chód, р. ходъ), choditi (дцс. ходити «ire», сх. hòditi, с. hóditi, ч. choditi, вл. khodzić, п. chodzić, р. ходи́ть), chadjati (дцс. хаждати, б. от-ха́ждамъ «отправляюсь», ч. od-cházeti «уходить прочь», вл. při-khadzéć «приходить», п. prze-chadzać się), šьdъ (дцс. оу-шьдъ «бѣглецъ») и т. п. получили свое ch, по всей вѣроятности, отъ тѣхъ сложныхъ словъ, первою частью которыхъ былъ префиксъ pri- или u-. Ср. Pedersen IF. V 62 sq., Uhlenbeck Ai. EW. 336. Къ этимологіи слова ср. еще Brugmann IF. XIII 85, Berneker EW. I 392 и Iljinskij ASPh. XXXIV 13 sq.

17. Прасл. miš-ьk-ovati «рѣзать» (ср. ч. miškovati «рѣзать, оскоплять», п. miszkować), miš-ьk-a (ч. miška «кладеный боровъ») мы производимъ отъ корня *meis- «рѣзать», съ высшей ступенью котораго *mois- мы уже познакомились выше (§ 4) на примѣрѣ měchъ. Воз-

можно, что отъ корня *mich- образовано также др.-русс. мишень «клеймо, печать» (засвидѣтельствованное уже въ XIV в.) и совр. русс. мише́нь «цѣль, мѣтка, куда стрѣляютъ, прицѣлъ». Обычное объясненіе этого слова изъ тур. нишān (Korsch ASPh. IX 658, Miklosich EW. 215, Преображенскій ЭС. I 540) плохо гармонируетъ съ др.-русс. мешина «печать» (1506 г.), котораго е легче всего вывести изъ древняго ě.

18. Прасл. michnǫti sę (р. об-михну́ться «ошибиться») и mišuliti (р. мишу́лить «плутовать», об-мишулить «обмануть») образованы или отъ корня *meis- или отъ корня *mīs- и, слѣдовательно, находятся въ отношеніи чередованія съ měšeliti (§ 5) и mьšelъ (§ 27). Въ виду формы мишу́лить, едва-ли правъ Преображенскій ЭС. I 540, объясняя об-михнуться изъ об-мишенить подъ вліяніемъ об-махнуться.

Быть можетъ, въ родствѣ съ перечисленными формами находятся р. діал. михлюй «розиня» и мишуля «простофиля»: первоначально это были ругательныя прозвища «людей довѣрчивыхъ, легко поддающихся на удочку»; изъ значенія «розини» легко могло развиться значеніе «неуклюжаго, неловкаго человѣка», которое мы наблюдаемъ, между прочимъ, въ р. діал. (пск., твр.) михрюкъ; во всякомъ случаѣ, съ мишкой (медвѣдемъ), какъ готовъ допустить Преображенскій о. с. 540, оно не имѣетъ ничего общаго.

19. Прасл. pichati (ч. pícháti «колоть, тыкать», р. пиха́ть), pichnǫti (ч. pichnouti, р. пихну́ть) и отглагольное имя pichъ (ч. pích «пестъ», р. пихъ «толчокъ») представляютъ собой удлиненія корня *pīs-, о которомъ см. ниже § 29.

20. Аналогичное образованіе мы имѣемъ также въ прасл. smichati sę > smisati sę (ср. дцс. **на-смисати сѧ**, б. на-сми́хамъ се, др.-русс. у-смихатися). Высшую ступень къ корню *smī- (которому въ лат. яз. вполнѣ точно соотвѣтствуетъ mī- въ mīrus, ср. Walde EW². 487) мы видѣли уже въ směchъ, ср. § 8.

21. Прасл. tichъ (дцс. **тихъ** «ἐπιεικής», б. тихъ, сх. tȉh, с. tȉh, ч. tichý, вл. cichi, п. cichy, р. тихъ), tišati (с. tíšati, п. ciszeć, р. ти-

шáть) и tišiti (ч. tišiti, п. ciszyć, р. тиши́ть) восходятъ, какъ показываютъ лт. tësá «истина», tẽsti «выпрямлять», къ иде. *teis-, чередующемуся съ разсмотрѣннымъ выше (§ 11) *tois-.

22. Прасл. vichъrь, vichъrъ «нѣчто сплетшееся, клокъ, пукъ» (ср. дцс. **вихъръ** «turba», с. víhər «завой, завитокъ волосъ», ч. vicher «стебли травъ, которыми кормятъ скотъ», р. вихóръ «завой, завитокъ волосъ») принадлежатъ къ семьѣ корня *u̯eis- или *u̯īs- «вить, плести», высшую ступень которыхъ *u̯ois- мы констатировали въ именахъ vĕchъ, vĕcha и пр. (§ 12). Вѣроятность происхожденія отъ первой разновидности корня (т. е. отъ *u̯eis-) значительно бы возрасла, если бы можно было быть увѣреннымъ въ этимологическомъ тождествѣ съ именемъ vichъrь «клокъ» имени vichъrь «вихрь, вѣтеръ вздымающій пыль столбомъ» (ср. б. вихъръ, сх. vȉhar, с. víchər, ч. vícher, вл. wichor, п. wicher, р. вихрь): въ такомъ случаѣ оба слова можно было бы сопоставить съ лт. vësulas «вихрь» и лтш. veĩsuõls, что, дѣйствительно, и дѣлаетъ Буга РФВ. LXX 247. Хотя въ отожествленіи обоихъ «вихрей» нѣтъ ничего невозможнаго,— ср. ихъ нѣмецкіе переводы Wirbelhaar—Wirbelwind,— но, все же, не слѣдуетъ упускать изъ виду и той возможности, что vichъrь «вѣтеръ» можетъ отражать также корень *vēi- или *vī- «вѣять». Этотъ же послѣдній есть не что иное, какъ расширеніе извѣстнаго корня *au̯ē- «вѣять» (ср. слав. vějǫ, лт. vė́jas, гт. waia «вѣю», др.-инд. vāyúṣ «вѣтеръ»), ср. Pedersen IF. V 70, Persson Beitr. 12 sq. Если это такъ, то vichъrь «вѣтеръ» придется отдѣлить отъ vichъrь «клокъ волосъ» и соединить съ

23. Прасл. vichati «вѣять, колыхать, махать» (мр. вихáти «махать, размахивать», р. вихáть «колебать въ разныя стороны») и vichъljati (с. vihljáti «тихо вѣять, колыхать», р. вихля́ть «ходить вяло, тяжело»). Что касается с. vė́hati «вѣять», vėhljáti, то, повидимому, они представляютъ контаминацію *vĕsati (съ которымъ ср. лт. vė́sulas «вихрь») и vichati.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ строго различать *veis- «вить» и *vēis- «дуть, вѣять», и очень жаль, что нѣкоторые современные этимологи, напр., Преображенскій ЭС. I 87 этого не дѣлаютъ.

III. Послѣ ь.

24. Прасл. čьchati (п. czchać, р. чхать) и čьchъ (р. чохъ) образованы отъ иде. корня *kĭs-, ср. др.-инд. chikkā «чиханье», ср. Berneker EW. I 166. Отъ этого čьchati и iterativ'a къ нему čichati (§ 14) слѣдуетъ отличать еще другое

25. Прасл. čьchati. Оно сохранилось лишь въ мр. чха́ти «съ трудомъ ѣхать, тащиться» и по происхожденію своему не совсѣмъ ясно. Судя по тому, что упомянутое выше čichorъ (§ 15) обозначаетъ, между прочимъ, *ползучее* растеніе, можно, по крайней мѣрѣ, *поставить вопросъ*, не связаны-ли оба слова отношеніемъ «чередованія гласныхъ»?

26. Прасл. drьchmati (слц. drchmati «дремать, спать») отличается только другою ступенью «чередованія гласнаго» отъ разсмотрѣннаго выше drichmati (§ 13).

27. Въ такомъ же отношеніи находятся другъ къ другу mьšelъ (ср. цс. **мьшелъ** «*αἰσχρόν κέρδος*») и вышеупомянутыя (§ 18) mišuliti и měšeliti. Невѣрно о первомъ изъ этихъ словъ Matzenauer LF. XI 164 sq. и не совсѣмъ точно Преображенскій ЭС. I 573.

28. То же слѣдуетъ повторить и о взаимоотношеніи plьchъ (ч. plchý «лысый», plchavý) и plěšь (ср. § 6). Первое изъ этихъ словъ представляетъ точную параллель къ лт. plìkas «голый», лтш. pliks.

29. Прасл. pьchъ (с. páh «толчокъ, засовъ», р. пёхъ «толчокъ»), pьšeno (рцс. **пьшено** «зерно пшеницы», сх. pšèna, с. pšenȏ, ч. pšeno, п. pszono, р. пшено), pьchati (дцс. **пьхати** «*παίειν*», б. пъ́хамъ, с. pháti, ч. pcháti, п. pchać, р. пхать), pьchnǫti (б. пъ́хнъ, с. pchníti, ч. pchnouti, п. pchnąć, р. пхнуть),—все это потомки иде. корня *pĭs- «толочь», ср. лт. pìsti «толочь», лат. pinso, гр. πτίσσω, др.-инд. pinaṣṭi «третъ», piṣṭás «смолоченый». Другія ступени того же корня см. въ §§ 7, 19. — Ср. Matzenauer LF XV 164, 168, Fick I⁴ 248, Brugmann Gr.² I § 87, KVG § 72, Pedersen IF V 40, Walde EW² 585, Prellwitz EW² 389, Uhlenbeck Ai. EW. 166, Преображенскій ЭС II 65.

30. Прасл. sрьsь, сохранившееся лишь въ влр. спесь «гордость, чванство», мы производимъ отъ корня *sрьs-, низшей ступени раз-

смотрѣннаго выше (§ 9) корня *spēis- «надуваться». Но конечно, р. спесь восходитъ къ прасл. *spьsь не прямо, а черезъ посредство *spьchъ, въ которомъ ch смягчилось въ ś подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго гласнаго. Слѣдовательно, мы здѣсь имѣемъ совершенно то же явленіе, что и въ мѣстоименіи

31. Прасл. *vьchъ > vьsь (дцс. кьсь «πᾶς», б. весь, сх. vȃs, sȃv, с. vəs, ч. veš, мр. весь, р. весь) изъ иде. *u̯ĭ-sos, ср. лт. vìsas. Подробно мы разсуждаемъ объ исторіи этого слова въ нашихъ Сложныхъ мѣстоименіяхъ[2] 107, куда мы и отсылаемъ читателя за деталями. Ср. теперь также Преображенскаго ЭС. I 79 sq. Въ частности, о др.-русск. формахъ ѣхоу (гр. Варлаама 1192 г.) и ѣхѣ=ѣхъ (I Нвг. лѣтоп.) ср. замѣчанія Ляпунова Изслѣдованіе 73[1]).

b) *Послѣ гласныхъ ряда -u-*

1. Послѣ u.

32. Прасл. bruchъ «животъ» (ср. с. bruh, вл. bruch) представляетъ собой расширеніе корня *bhrou- «надуваться», ср. свн. brūsche «шишки» (Iljinskij ASPh. XXIX 487, Berneker EW. I 95, Преображенскій ЭС. I 49). Чаще, какъ увидимъ ниже (§ 58), встрѣчается разновидность этого корня на ступени -e-.

33. Прасл. bruchati (с. brúhati «рвать, плевать», вр. бруха́ть «бросать, пачкать») Berneker EW I 89 оставляетъ безъ объясненія,

---

1) Что касается суффиксальныхъ слоговъ, то несомнѣнно прасл. происхожденія ch въ словахъ olьcha (ч. olše, вл. wólša, п. olcha, р. ольха) и jelьcha (пс. кельха, б. елха, сх. jȏha,, с. jȇlša, р. ёлха): какъ показываютъ двн. elisa и лат. alnus (< *alisnos), первое изъ этихъ словъ возникло изъ иде. *ălisa; вѣроятно, еще въ балт.-слав. эпоху (ср. лт. elksnis), это слово вступило въ контаминацію с. *edl- «ель» или el- (р. еленецъ «можжевельникъ»), продуктомъ которой и явилась elьcha. Къ литературѣ вопроса ср. также Pedersen IF. V 40, KZ. XXXVIII 316, Bezzenberger BB. XXIII 297, Walde EW.[2] 28, Berneker EW. I 453, Преображенскій ЭС. I 648. О суффиксѣ срав. степени -šь- и прич. проп. вр. -ъs- трактуетъ интересная статья Štrekelj'я «Der Ursprung des š-Lautes in einigen Casusformen des aksl. Comparativs und -ъs-Particips» въ ASPh. XXVI 569—570. — Въ оканчаніяхъ s переходитъ въ ch послѣ ь въ основахъ на -i-, ср. trьchъ, gostьchь и пр.

но нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ глаголъ отличается только другимъ детерминативомъ (именно s) отъ такихъ ономатопоэтическихъ образованій, какъ brujati «жужжать» (с. brújati), brukati (сх. brŭkati se «смѣяться», ч. broukati «жужжать», п. brukać «ворковать»), brunĕti (р. брунѣть) и мн. др. О другой разновидности этого же корня *brych- см. ниже § 90.

34. Прасл. buchati «ударять, кричать (о филинѣ)» (сх. búhati, с. búhati «толкать, бить», ч. bouchati, вл. buchać, п. buchać, р. бу́хать «падать съ шумомъ, глухо звучать; стрѣлять»), buchalъ (б. бухалъ «филинъ»), buchnǫti (б. бу́хнѣлъ «надутый», бу́хнъ «толкаю», с. búhniti «толкать; плюхнуть», п. buchnąć «съ шумомъ вытекать; бить», р. бу́хнуть) заключаютъ въ себѣ корень *bhous- «шумѣть». Такъ какъ изъ идеи «шума» одинаково легко могло развиться значеніе какъ «крика», такъ и «стука», то, по нашему мнѣнію, Berneker EW. I 97 напрасно возводитъ къ различнымъ корнямъ buchati «кричать» и buchati «стучать» (ср. также Преображенскій ЭС I 56[1]). Но Persson Beitr. 802, кажется, идетъ слишкомъ далеко, когда съ buchati и чередующимися съ нимъ bychati и bъchnǫti (о которыхъ ср. § 68, 91) отожествляетъ

35. Прасл. buchati «вздыматься, надуваться» (сх. búhati) и buchnǫti (с. búhniti, р. бу́хнуть). Какъ и родственныя съ ними б. бу́хнѣлъ «пышный»; кб. bucha «гордость»; др.-русс. бухонь «лепешка»; с. búhor «водяной пузырь», ч. bouchor «карманъ»; с. buhta «женщина съ одутловатымъ лицомъ», ч. buchta «родъ печенья», вл. buchta «куча», мр. бу́хта «складка въ одеждѣ», эти слова восходятъ къ корню *b(h)ous- «вздыматься», другіе потомки котораго встрѣтятся намъ ниже еще разъ (§ 67).

36. Прасл. duchъ (дцс. **доухъ** «animus», сх. dûh, с. dûh, ч. duch, вл. duch, п. duch, р. духъ), duša (дцс. **доуша** «anima», б. душá, сх. dúša, с. dúša, ч. dúše, вл. duša, п dusza, р. душá), du-

1) Вопреки Преображенскому ЭС. I 57, отъ послѣдняго нельзя отдѣлять и р. бушевать.

chati (дцс. доухати, сх. dúhati, с. dúhati. ч. douchati, вл. duchac', н.duchac'), dušiti (с. dušíti, р. души́ть), какъ общепризнано въ настоящее время наукой, восходятъ къ иде. *dhous-, ср. лт. daũsos pl. «воздухъ», гт. dius «дикій звѣрь», ср. Hirt Ablaut § 673, Berneker EW. I 235, Преображенскій ЭС I 204. Относительно имени duša слѣдуетъ оговориться, что оно могло возникнуть не только изъ *duchja, но и изъ *dusja; именно въ послѣднемъ смыслѣ толкуетъ форму Berneker EW I 239. Совершенно вѣрно этотъ ученый сюда же относитъ сх. dühnja «перина», ч. duchna, п. duchna «подушка», а равно и мр. пó-духа «подушка», ч. po-duška, п. po-duszka и р. по-душка. Первоначальное значеніе этихъ словъ было, вѣроятно, «нѣчто вздутое, взбитое».—О чередующихся съ *duch- корняхъ *dъch- и *dych- см. §§ 71, 92.

37. Прасл. paz-ducha (с. pâz-duha «пазуха») уже съ давнихъ поръ,—ср. Matzenauer LF XII 325, Miklosich EW 52, Pedersen IF V 36, Walde KZ XXXIV 510, Uhlenbeck Ai. EW. 131, Meillet Ét. 162, Зеленинъ Изв. VIII, 4, 258, Погодинъ Слѣды 188, Berneker EW I 234, Преображенскій ЭС II 4,—сравнивается съ др.-инд. dōṣ̌ «предплечье, рука, нижняя часть передней ноги у животнаго», ав. daoš- «плечо», ирл. dōe «рука», лтш. pa-duse «пазуха». Безъ префикса имя ducha сохранилось въ цѣломъ рядѣ русскихъ словъ, которыя, хотя и были приведены въ упомянутой статьѣ Зеленина, но не удостоились признанія Berneker'а. Таковы именно: вр. ду́шка «часть шейки противъ глотки и пониже; самая ямочка въ горлѣ», ду́шки f. pl. «мѣха, снятые съ лисьихъ или собольихъ шкурокъ», душчатый мѣхъ «снятый съ лисьихъ или собольихъ шкурокъ», бѣлодушка, бѣло-ду́шчатый звѣрь «у котораго душка, т. е. грудь, горло бѣлое», душка «ручка чайника, чайной чашки, кувшина и другой подобной посуды»; наконецъ, душе-грѣйка: она грѣетъ, конечно, не душу, а именно душку «пазуху»; ср. лтш. pa-duse «Busen des Kleides». По примѣру лтш. pa-duse, можно думать, что въ прасл. яз., рядомъ съ формой *paz-ducha, слышалась форма *po-ducha; съ теченіемъ времени, послѣдняя форма стала разлагаться въ сознаніи народа на pod-ucha,

причемъ pod- стало чувствоваться предлогомъ, а -ucha — самостоятельнымъ именемъ; при полномъ тождествѣ значеній именъ pod-ucha и paz-duha, легко могла произойти контаминація между обѣими, въ результатѣ чего и явилась новая форма *paz-ucha. Впрочемъ, это имя можно объяснить и иначе, если вмѣстѣ съ Эндзелиномъ Эт. 108 допустить, что «существовали рядомъ однозначущія pa-ducha (лтш. po-duse) и форма, соотвѣтствовавшая лт. pa-žastis, и что затѣмъ путемъ контаминаціи обѣихъ формъ возникла pazucha (какъ въ вост.-лт. говорахъ pazuse путемъ смѣшенія однозначущихъ формъ paduse и заимствованнаго pazuka) и далѣе pazducha смѣшеніемъ pazucha и paducha». Эти два объясненія имени pazucha представляются нами болѣе вѣроятными, чѣмъ 1) гипотеза Berneker'a EW. ib., согласно которой въ pazucha исчезло d, вслѣдствіе диссимиляціи съ предлогомъ pod- въ выраженіяхъ вродѣ pod pazduchǫ; 2) гипотеза Wiedemann'a BB. XXVII 256, которая предлагаетъ видѣть въ pazd-ucha и его фонетическомъ варіантѣ pazucha расширеніе корня paz- (ср. р. пазъ «углубленіе» и др.); 3) гипотеза Brückner'a (PF. VII 167, KZ. XLIII 309), выводящаго pazducha, наоборотъ, фонетически (!) изъ pazucha (отъ *paz-) и 4) гипотеза Pedersen'a IF. XXVI 293, выводящаго pazucha изъ pad-ducha (ср. Эндзелинъ, Эт. 108).

О чередующемся съ pazduha pazdiha ср. ниже § 93.

38. Прасл. gluchъ (дцс. глоухъ «κωφός», б. глу́хи, сх. glûh, с. glûh, ч. hluchý, вл. hłuchi, п. głuchy, р. глухъ) теоретически можно возстановить какъ *glousos или *ghlousos, но происхожденіе его совершенно неясно. Нѣкоторыя этимологическія (но довольно, впрочемъ, гадательныя) соображенія Буги будутъ приведены ниже (§ 72), когда будетъ идти рѣчь о низшей ступени того же корня *glъch-.

39. Прасл. gruchati (б. гру́хамъ «молочу, жру (о свиньѣ), хрюкаю», сх. grúhati «бухать (о пушкѣ), бить, хлопать, молотить», ч. діал. hrouchati «грохнуть, загремѣть», п. gruchać, мр. гру́хати), gruchnǫti (б. гру́хнъ, сх. grûhnuti, ч. діал. hrouchnouť, п. gruchnąć, р. гру́хнуть), gruchъ (с. grûh «гравій, журавль») заключаютъ въ себѣ корень *g(h)rous-, гдѣ -s-, конечно, является только «расшире-

ніемъ», ср. лт. griáuti «рухнуть, гремѣть», лат. ingruo, congruo, grus, гр. гом. ἔχραον, ср. Walde EW.² 664, Berneker EW.² I 358.

40. О прасл. chodъ, choditi, chadjati ср. § 16.

41. Прасл. kruchъ (цсл. кроухъ «frustum», сх. krȕh, с. krùh, ч. kruch, п. kruch, р. крухъ), krucha (п. krucha «кусокъ»), krušiti (сх. krùšiti «крошить», с. krúšiti, ч. krušiti, вл. krušić, п. kruszyć, р. круши́ть) образованы отъ корня *krous- «дробить»; въ чистомъ видѣ (безъ детерминатива) онъ сохранился, между прочимъ, въ гр. κρούω «толкаю, стучу»; другія иде. параллелли этого корня см. въ § 74.

42. Прасл. *muchъ «мохъ» (ср. б. мухълъ «плѣсень», му́хла), быть можетъ, представляетъ высшую ступень корня *mъch- «мохъ» (§ 77). Правда, въ Словарѣ Дювернуа б. мухла объясняется изъ нгр. μοῦχλα, но ни Miklosich EW. I 204, ни Matzenauer LF. X 352, ни многіе другіе этимологи (напр., Zubatý ASPh. XVI 400, Pedersen IF. V 34, Persson Beitr. 325, Walde EW.² 504) не считаютъ этого слова заимствованіемъ. Тѣмъ не менѣе къ этому примѣру (а, слѣдовательно, и къ возстанавливаемому изъ него прасл. *muchъ) слѣдуетъ относиться съ извѣстной осторожностью, такъ какъ гр. форма встрѣчается даже въ языкѣ южноиталійскихъ грековъ, гдѣ она и могла получить начало изъ итал. muffo. Ср. Meyer Alb. Wb. 288, Neugr. Stud. IV 56.

43. Прасл. mucha (дцс. моуха «κώνωψ», б. му́ха, сх. mȕha, с. múha, ч. moucha, вл. mucha, п. mucha, р. му́ха) образованы отъ корня *mous-,—высшей ступени корня *mъs- «жужжать», о которомъ ср. § 78. Не относятся-ли сюда также б. му́шъ «тыкаю» (собственно «жалить») и с. múšiti se «навязываться на знакомство» ?

44. Прасл. nušiti (ч. ko-noušiti «качать») образовано отъ корня *(s)nous-, высшей ступени къ корню *(s)nūs-, о которомъ ср. § 98.

45. Прасл. nuchati (вл. nuchać «нюхать», пл. nuchać) ведетъ свое начало отъ корня *nous- «нюхать», со средней ступенью котораго *neus- мы будемъ имѣть случай познакомиться ниже (§ 61).

46. Прасл. puchati (б. пу́хамъ «ударяю») и puchnǫti (б. пу́хнъ «ударю»)—образованія отъ звукоподражательнаго корня *p(h)ous-, на-

раллельнаго buchati (см. § 34) и, можетъ быть, тождественнаго со слѣдующимъ.

47. Прасл. puchati (ск. púhati «дуть», ч. puchati, вл. puchać, н. puchać, р. пухáть «вздуваться, вздываться»), puchnǫti (ск. púhnuti «дуть», с. púhniti, ч. puchnouti, вл. puchnyć, н. puchnąć, р. пýхнуть «вздуваться»), puchъ (с. pûh «дыханіе, пухъ», ч. puch «паръ, дымъ, гусиный пухъ», н. puch «дымъ, паръ, запахъ», р. пухъ «перистое или волокнистое вещество»), pucha (ск. pûha «маленькій прыщъ»), puchyrь (ч. puchyř, вл. pucheř, н. pęcher) и мн. др. подобныя образованія восходятъ къ иде. «корню» *p(h)ous- «дуть», гдѣ -s- является, конечно, лишь опредѣлителемъ болѣе древней морфемы *p(h)ou-, ср. лт. pūsti «дуть», pūslẽ «пузырь», лат. pustula, гр. φῦσα, др.-инд. pupphusas «легкое» и нѣкоторыя другія формы, приведенныя Matzenauer'омъ LF. XIV 407, 415, Потебней РФВ. IV 186, Zubaty'мъ ASPh. XVI 409, Uhlenbeck'омъ Ai. EW. 169, Prellwitz'емъ EW.² 498, Walde EW.² 626, Младеновымъ РФВ. LXVIII 386 sq., Persson'омъ Zur Lehre 199, 200, Beitr. 248 sq. Весьма возможно, что отъ корня *phous- получили свое начало также н. o-puch «хвость», o-pucha «выпушка, уборъ», р. о-пуха; дч. o-puš «хвостъ», р. о-пушь «опушка одежды, косматый хвостъ собаки»; н. o-puška «выпушка, уборъ», р. о-пушка «пушистый край, кромка, край лѣса». Ср., впрочемъ, Prusik KZ. XXXV 602.

Другія разновидности корня *puch- см. въ §§ 81, 100.

48. Прасл. ruchati (ч. ruchati «хрюкать») представляетъ собой -s-расширеніе извѣстнаго корня *rēu- «ревѣть» (цс. рюти ρεκ и пр.); о чередующемся съ нимъ rjuchati см. § 63.

49. Прасл. ruchъ (ч. ruch «движеніе», н. ruch, мр. рух, р. рухъ), rucha (с. ruha «платокъ», ч. roucha), rucho (цс. ρογχο «кусокъ полотна», б. рýхо «одежда», ск. rûho, с. rúhô, ч. roucho), ruchъlo (мр. рухло «движимое имущество», др.-русс. рухло «грузъ корабля»), ruchъlъ (мр. рýхлий «подвижной»), ruchati (с. rúhati «касаться», ч. ruchati «разрушать», р. рýхать «трогать»), ruchnǫti (б. рýхнъ «обрушиваюсь», с. rúhniti «выламывать», р. рýхнуть «упасть съ шумомъ»), rušiti

(цс. рогшити «καταλύειν», б. ру́шъ «разваливать, разрушать», сх. rȗšiti, с. rúšiti, ч. rušiti, н. ruszyć «трогать», р. руши́ть «трогать, разрушать») и другія т. п. образованія восходятъ къ иде. корню *rou-s- «рвать; рыть; двигать», ср. лт. ráuti «вырывать», двн. rod, лат. ruere и пр. Ср. Fick I⁴ 119, 528, Brugmann Gr.² I § 381, Miklosich EW. 285, Потебня РФВ. IV 191, Matzenauer LF. XVII 193, 197, 199, Hirt Ablaut § 418, Osthoff MU. IV 28, Uhlenbeck Ai. EW. 245, Walde EW.² 664, Iljinskij ASPh. XXIX 495, Persson Zur Lehre 161, Beitr. 288 sq.

О другихъ ступеняхъ корня *rouch- ср. §§ 64 и 101.

50. Прасл. sluchъ (дцс. слоүхъ «ἀκοή», б. слухъ, сх. slȗh, с. slȗh, ч. sluch, н. słuch, р. слухъ), sluchati (ч. slouchati, вл. słuchać, н. słuchać, р. діал. слу́хать), slušati (дцс. слоүшати «ἀκούειν», б. слу́шъ «подобаю», слу́шямъ «слушаю», сх. slȗšati, с. slúšati, ч. slušeti, вл. słušeć, н. słuszeć, р. слу́шать) выводятся обыкновенно изъ иде. корня *kleus-, ср. лт. klausīti «спрашивать», др.-инд. śróṣati «слышитъ», ср. Fick I⁴ 47, Brugmann Gr. I² § 113, 116, 334, KVG. § 157, 177, Uhlenbeck Ai. EWb. 319, 320, Prellwitz EW.² 226, 227, Walde EW.² 382, Persson Zur Lehre 80 sq., Beitr. 554, Zupitza GG. 54, Pedersen IF. V 36, 52, Hirt Ablaut § 489. О лт. k вм. ожидаемаго š ср. Schmidt KZ. XXV 126, Hirt BB. XXIV 285.

О корняхъ *slъch- и *slych- см. §§ 83, 102.

51. Прасл. suchъ (дцс. соүхъ «ξηρός», б. сухи, сх. sȗh, с. sȗh, ч. suchý, н. suchy, р. сухъ), suša (цс. соүша «siccitas, terra», сх. sȗša, с. súša, ч. souše, р. суша), sušiti (дцс. соүшити «ξηραίνειν», б. сушъ, сх. súšiti, с. sušíti, ч. sušiti, вл. sušić, н. suszyć, р. сушить) объясняются изъ иде. *sāus-, ср. лт. saũsas «сухой», гр. αὖος, др.-инд. śóṣas «высыханіе». Ср. Fick I² 559, Brugmann Gr. I² § 213, KVG. § 140, Prellwitz EW.² 65, Uhlenbeck Ai. EW. 317, Walde EW. 753, Hirt Ablaut § 757, Meillet Ét. 228.

О корняхъ *sъch- и *sych- ср. §§ 85, 103.

52. Прасл. trucha (р. труха́ «перетертое сѣно, избитые остатки»), truchlъ (сх. trȗhao, trȗo «гнилой», р. тру́хлый «гнилой»), truchnǫti

(ск. trȕhnuti «гнить», р. трухнуть), truchnĕti (с. truchnĕti, ч. trouchnĕti) образованы отъ корня *trous- «теретъ», который, въ свою очередь, предполагаетъ базу *t(e)rou-s-, ср. гр. τρῡχω «reibe auf», лт. trušķėti «prasseln, knistern, beim Brechen von Holz» Zubatý ASPh. XVI 416, Prellwitz EW.² 457, Persson Beitr. 777.—О корнѣ trъch- ср. § 86.

53. Прасл. truchliti (цс. на-трογχлити «gravidare», х. na-truhliti) и truchlъ (ск. діал. trȕo, trȕhla «беременный»)—неяснаго происхожденія. Нельзя-ли сопоставить ихъ съ лт. trūsas «занятость»? Ср. цс. синонимъ р. «беременной» непраздьна.

54. Мр. штȕхати «толкать» возникло, конечно, не изъ шьтухати, какъ думаетъ Шахматовъ О полногласіи (§ 12, 13), а контаминаціей šuchati (о которомъ см. ниже) и tuchati, которое отличается лишь другимъ детерминативомъ отъ извѣстнаго корня *tou-d- «толкать», ср. лат. tundere, tuditāre, др.-инд. tudáti «толкаетъ», ср. Walde EW.² 798.

О корнѣ *tych- ср. § 105.

Быть можетъ, съ корнемъ tuch- «толкать» родственно

55. Прасл. tucha (п. o-tucha «надежда», po-tucha «мужество») и tušiti (б. рас-тȕшъ «утѣшаю», ч. tušiti «предчувствовать», п. tuszyć, мр. тушити «надѣяться») нельзя отдѣлять отъ того tucha, которое, какъ показываетъ р. тȕха, имѣло значеніе «снѣжная метель»; съ другой стороны, tušiti въ значеніи «надѣяться, предчувствовать» нельзя отдѣлять отъ tušiti въ значеніи «успокаивать, гасить», ср. ск. діал. túšiti «чадить», с. túšiti «чадить, прятать», р. тушȉть «гасить». Первоначальное значеніе корня *tous- и его низшей ступени *tъs- (о которой ср. § 87), какъ показалъ Буга РФВ. LXVI 252, было «дуть; испускать послѣдній духъ = утихать = умирать; тушить (мясо, рыбу); издавать (противный) запахъ = гнить = разлагаться; гаснуть». Подобнымъ образомъ, корень *p(h)ū- имѣетъ значеніе не только «дуть» (ср. puhati и пр. § 47), но также «надѣяться» (дцс. оу-повати) и «гнить», точнѣе «вонять» (ср. лат. pūs-, putesco и пр.); то же слѣдуетъ сказать о семасіологической эволюціи корня *dheu-, который значитъ то «дуть» (ср. гр. θύελλα

«бурный вѣтеръ», др.-инд. dhūka- «вѣтеръ»), то «вонь» (ср. лт. dvõkas «вонь отъ протухлаго мяса»), то «гаснуть» (ср. лт. dvìsti). Ср. Буга ib. 252.

Ниже мы вернемся къ корню tuch- еще не одинъ разъ (§§ 65, 87).

56. Прасл. ucho (дцс. ουχο «οὖς», б. ухó, сх. ȕho, с. uhô, ч. ucho, вл. wucho, п. ucho, р. ухо), какъ извѣстно, отражаетъ иде. корень *aus-, ср. лт. ausis, гт. ausō, лат. auris, гр. οὖς. Новѣйшіе этимологи (ср. въ особенности Persson'a Beitr. 723) видятъ въ -s- этого корня детерминативъ и полагаютъ, что въ чистомъ видѣ онъ обозначалъ вообще «воспринимать впечатлѣніе». Такимъ образомъ, является возможность соединить ucho въ одну семью со словами umъ, javiti и нѣк. др.[1]).

II. Послѣ 'u.

57. Мр. блюхави́на «ненастная погода» образовано отъ недошедшаго до насъ прилаг. *bljuchavъ, которое заключаетъ въ себѣ тотъ же суффиксъ -avъ, что и, напр., въ словѣ pljug-avъ. И судя по тому, что рядомъ съ послѣднимъ прилаг. употребляется глаголъ pljugati, можно догадываться, что въ прасл. яз. при прил. *bljuhavъ существовалъ глаголъ *bljusati > *bljuchati. Это предположеніе косвенно подтверждается с. bljûzgati «переходить черезъ грязь», п. bljuzgać «плевать», р. блюзга́ть «пустомелить», гдѣ корень *bljus- расширенъ детерминативомъ -g-, и сх. bljúštiti «брызгать», гдѣ онъ же распространенъ детерминативомъ -k-. Но и самъ корень *bljus-, безъ сомнѣнія, есть не что иное, какъ расширеніе извѣстнаго корня blju- «блевать».

О родственномъ съ *bljuchati blichati ср. § 89.

---

1) Къ этимъ примѣрамъ измѣненія иде. s > ch въ корняхъ мы прибавимъ несомнѣнно весьма древній примѣръ того же явленія въ суффиксѣ -uch- въ словахъ čerm-ucha «р. Prunus padus» (мр. черемуха, вр. черемуха) и čerm-uša «р. Allium ursinum» (п. trzemucha, р. черем-ушка). Оба слова образованы отъ корня *kerm-, о которомъ мы будемъ подробно говорить ниже § 88. Отъ параллельнаго корня *k'erm- ведутъ свое начало сх. srijem-uš, srijem-uša «Opsonii genus» (ср. Berneker EW. I 145). Безъ сомнѣнія, отъ суффиксовъ -uch- и -uš- нельзя отдѣлять увеличит. и уменьшит. суффиксъ -uchъ, который получилъ такое огромное распространеніе въ слав. языкахъ. Ср. о немъ Belić, ASPh. XXIII 184 sq.

58. Прасл. brjuchъ «животъ» (дч. břuch, вл. brjuch, п. brzuch) и brjucho (ч. břicho, п. brzucho, р. брюхо) чередуются съ разсмотрѣннымъ выше (§ 32) bruchъ.

59. Прасл. čuchati (с. čȗhati «выслѣживать», ч. čichati «обнюхивать», вл. čuchać, р. чу́хать «чуять») и čuchъ (ск. ćùh «дыханіе», с. čȗh «запахъ, вонь», ч. čich «чувство», п. czuch «запахъ, вонь, чутье») представляютъ -s- расширеніе корня *ču-, столь извѣстнаго по примѣрамъ дцс. чоути «γιγνώσκειν, κατανοεῖν», б. чу́йъ, ск. čȗti, с. čúti, ч. číti, вл. čuć, п. czuć, р. чуть (нар.) и столь точно соотвѣтствующаго гр. ἀ-κεύω при ἀ-κούω, ср. Bezzenberger BB. XXVII 145, Berneker IF. X 151, EW. I 162, Iljinskij ASPh. XXXIX 488.

60. Прасл. jucha (цсл. юха «похлебка, супъ», ск. júha «супъ», с. júha, ч. jícha, вл. jucha, п. jucha «кровь животныхъ», мр. юха́ «похлебка, кровь», р. уха́) съ давнихъ поръ сопоставляется съ лт. júšė, дпр. juse «мясная похлебка», лат. jūs «похлебка», гр. ζῦμη «кваша», др.-инд. jūṣas «похлебка», ср. Fick I⁴ 114, Persson Zur Lehre 44, Pedersen IF. V 53, Walde EW.² 399, Berneker EW. I 458.

61. Прасл. njuchati (ч. niuchati, п. niuchać, р. нюхать) и njušiti (ск. njȗšiti) образованы, какъ и упомянутое выше nuchati (§ 45), отъ иде. корня *neus-, resp. *nous-, ср. нѣм. nüstern, nustern. Ср. Berneker IF. X 253, Iljinskij ASPh. XXIX 493; неточно Преображенскій ЭС. I 623 и совершенно невѣрно Miklošich EW. 222, Matzenauer LF. XI 331 и Соболевскій РФВ. LXVII 210.

62. Прасл. pljuchati (р. плю́хать «шлепать») и pljucha (р. плю́ха «пощечина») невозможно отдѣлять отъ лт. pliauškinu «хлопаю въ ладоши», а, слѣдовательно, и отъ слав. pljusnǫti (б. плю́снъ «хлопаю», ск. pljȗsnuti «пролить воду», с. pljuskniti, pljúsniti «издать звукъ», ч. plisnouti, вл. plusnyć, р. плю́снуть «шлепнуть») и pljuskati (б. плю́скамъ «хлопаю», ск. pljúskati «издавать звукъ», ч. plískati «обрызгивать», вл. pluskać, п. pluskać). Все это—потомки иде. корня *pleu-s- «ударять» (ср. Iljinskij ASPh. XXIX 493).

63. Прасл. rjuchati (р. рю́хать «ревѣть какъ олень») возникло изъ извѣстнаго иде. корня *rēu- «ревѣть» + детерминативъ s, ср. Iljin-

skij ASPh. XXIX 494; сюда же, конечно, относится рю́ха «свинья», а вовсе не къ корню *rū- «рыть», какъ думалъ Соболевскій РФВ. LXX 96.—О высшей ступени того же корня *rous- см. выше § 48.

64. Прасл. rjucha (с. rjucha «платокъ», р. рю́ха «волчья яма, засада, чурка») и rjušati (р. діал. рю́шать «рушать, нарушать») чередуются съ разсмотрѣнными выше ruchъ, rucho и пр. (§ 49).

65. П. cuch «запахъ гнили», какъ показалъ Буга РФВ. LXVI 252, нельзя отдѣлять отъ tucha, о которомъ ср. выше § 55. Не относится-ли сюда же загадочное мр. у-щухати «утихнуть, успокоиться», у-щухнути (изъ въз-чухати, въз-чухнути)? Гипотеза Шахматова, О полногласіи 79, что щухнути родственно съ влр. шуха́ть «прогонять, толкать», намъ не представляется правдоподобной.

66. П. žuchać «жевать» можетъ быть расширеніемъ на -s- корня *ĝ̯eu- «жевать», сохранившагося, между прочимъ, въ ч. діал. (мор.) žuti, вл. žuć, п. żuć, мр. жути. Хотя такое расширеніе и засвидѣтельствовано гр. ζεύσασθαι «пробовать, вкушать», все же къ п. глаголу слѣдуетъ относиться съ осторожностью; вѣдь его ch можетъ быть аналогическаго происхожденія.

III. Послѣ ъ.

67. Прасл. blъcha (рцсл. блъха, б. бълха́, сх. bùha, с. bólha, дч. blcha, вл. діал. pcha изъ *bl̓cha, п. pchła изъ *bl̓cha, мр. блоха́, р. блоха́) ведетъ начало отъ иде. *blusā, ср. лт. blusà, афг. vraža. Ср. Berneker EW. I 62; относительно п. формы ср., въ частности, замѣчанія Brückner'a PF. VII 182 и Ułaszyn'a Por. Jęz. IX 33, PF VII 425.

68. Сх. bȁh «шумъ», bȁhat «шопотъ»; б. бъ́хтъ «бью, колочу», п. bechtać «подущать, дразнить»; сх. bȁhnuti «неожиданно придти», с. na-bȁhniti «случайно встрѣтить, натолкнуться» образованы отъ низшей ступени ономатопоэтическаго корня *buch-, о которомъ ср. § 34. Объ удлиненіи корня *bъch- *bych- см. ниже § 91.

69. И п. becha «толстякъ» заключаетъ въ себѣ низшую ступень корня *bheus- «вздыматься» (§ 35). Вмѣсто того, чтобы сопоставить

это слово съ тѣмъ, которое такъ близко къ нему по звукамъ и значенію,—съ кб. bucha, Sl. W. выводитъ его изъ bękart!

70. Дцс. **бъχъ** adv. «ὅλως», б. бъхъ (усиленіе отрицанія), сх. bȁh; сх. bȁš «именно, совершенно», с. bȁš; дцс. **бъшьж** adv. «ὅλως», **бъχъма** adv.; сх. za-bašiti «отрицать» Berneker EW. I 107 не безъ натяжекъ надъ значеніемъ связываетъ со звукоподражательнымъ корнемъ *bъch-, о которомъ только что была рѣчь (§ 68). Но, какъ мы показали въ нашихъ Сложныхъ мѣстоименіяхъ [2]90, есть полная возможность вывести эти формы изъ корня *bhū-«быть». Косвенно наша гипотеза подтверждается дцсл. написаніями **бышьж**, **бъχъма** и т. п., извѣстными не только Супр. ркп., но и цѣлому ряду древнѣйшихъ р. текстовъ: Чуд. Псалт., Житію Ѳеодосія Печ., Богословію Іоанна Дам., Житію св. Саввы Освящ., Выголекс. сб. и др. Вѣдь ихъ **бъ-** трудно объяснить иначе, чѣмъ какъ образованіе на -i- тему отъ корня *bhu̯i-, ср. гр. φῖτυ «отпрыскъ», лат. fīō, др.-кельт. biu, двн. bis, дцс. **бимь** и пр. Правда, Соболевскій РФВ. LXIV 116 пытался объяснить ь въ **бышьж** ассимиляціей гласныхъ, но такому предположенію прямо противорѣчатъ имъ же приведенныя изъ трехъ памятниковъ XIII в. написанія **бъχъма**, **бєχма**.

71. Прасл. dъchъ (б. дъхъ «дыханіе, запахъ», дсх. dâh, ч. dech, п. dech, р. діал. дохъ), dъchati (б. дъхамъ «дышу, пахну, воняю», сх. dáhati «храпѣть»), dъchnǫti (б. дѣхнъ, сх. dàhniti, с. dəhniti, ч. dechnouti, п. tchnąć, р. дохнýть), dъchorь «хорекъ» (сх. tvȏr, tvôr, с. dəhôr, ч. tchoř, вл. tchóř, п. tchórz, др.-русс. дхорь, совр. хорь)—образованія отъ низшей ступени корня *dheus-, о которомъ ср. § 36.

72. Прасл. glъchnǫti (рцс. **о-глъχнѫти** «оглохнуть», с. za-gȍlhniti «задушить», ч. ohlechnúti «оглохнуть», дл. o-khnǫć) восходитъ къ корню *glъch-, низшей ступени корня *gluch-, о которомъ ср. § 38. Недавно Буга РФВ. LXVI 236 нашелъ довольно точную фонетическую параллель первому варіанту корня въ лт. glusnùs «послушный». «Основное значеніе корня *glus-, говоритъ онъ, было «слышать, слушать». Въ семасіологическомъ отношеніи глухъ можно сравнить съ жем. klùsas «глухо-

ватый»: klausíti «слушать». Въ виду этого, болѣе, чѣмъ гадательной, является мысль Brückner'a KZ. XLV 299 о первоначальномъ тождествѣ głuchъ и głuръ.

73. Быть можетъ, низшую ступень разсмотрѣннаго выше корня *gruch- (§ 39) заключаетъ въ себѣ р. грóхнуть «упасть съ шумомъ»: ъ, находясь подъ удареніемъ среди цѣлой группы согласныхъ, могло легко избѣжать выпаденія.

74. Прасл. krъcha «mica» (цс. **крѫха**, р. кроха́), krъšь (б. кършъ «крутая скала», сх. kr̀š m., с. krš m.), krъšiti (дцс. **кръшити** «frangere», b. крѣшъ, сх. kr̀šiti, с. kŕšiti, п. krzsyć, р. крошúть) относятся къ разсмотрѣнному выше kruchъ и пр. (§ 41) какъ низшія ступени къ высшей. Изъ родственныхъ образованій въ другихъ языкахъ можно указать лт. krùšti «толочь, разбивать», krušà «градъ», др.-англ. hruse «земля», гр. κρύος «морозъ» и пр. Ср. Pedersen IF. V 36, Persson Zur Lehre 168, Meillet Ét. 253, Berneker EW. I 628, 630, Преображенскій ЭС. I 393 и пр.

75. Прасл. kъchъ (с. kȁh «чохъ, кашель»), kъšiti (ч. kšíti «чихать»), kъhnǫti (с. kȅ́hniti «чихнуть», дп. khnąć) восходятъ къ извѣстному звукоподражательному корню *ku-, расширенному детерминативомъ -s-; ср. Berneker EW. I 658.—Объ его измѣненіи *kych- см. ниже § 95.

76. Б. лъхамъ «обдаю вѣтромъ, вѣю», лѣхнъ; лъхъ «легкій вѣтеръ»; сх. lahoriti, lavo̍riti «вѣять» не вполнѣ ясны по происхожденію. Berneker въ своемъ EW. не упоминаетъ о нихъ совсѣмъ.

77. Прасл. mъchъ «мохъ» (цс. **мъхъ**, б. мъхъ, сх. mȁh, с. mȁh, ч. mech, п. mech, р. мохъ) восходитъ къ иде. *mūs-, ср. лт. musaĩ (pl.) «плѣсень», лат. muscus, гр. μύαξ. Ср. Fick I⁴ 511, Miklosich EW. 204, Brugmann Gr. I²§ 105, Prellwitz EW² 301, Walde EW² 504, Matzenauer LF. X 352, Pedersen IF. V 34, Persson Beitr. 325, Преображенскій ЭС. I 562. Отъ того же корня Matzenauer ib. 353 и Zubatý ASPh. XVI 401 производятъ р. мохóрь, мохра, мохрома «каждая отдѣльная часть кисти, бахромы», мохровый, а также р. мохна, мохнатый и сх. mȁlje изъ mȁhlje «пушинка», но, кажется,

послѣдній идетъ слишкомъ далеко, когда сюда же относитъ ч. chtyr, chtyří «пухъ», гдѣ будто бы мы имѣемъ такую же перестановку ch и t, какъ и въ словѣ hmla изъ mhla. Наконецъ, замѣтимъ, что Pedersen ib. готовъ корень *mūs- «мохъ» сближать съ корнемъ *mūs- «мышь» на томъ основаніи, что «плѣсень», какъ и «мышь», являются какъ бы врагами или «ворами» съѣстныхъ припасовъ.—О спорномъ muchъlъ см. выше § 42.

78. Прасл. mъcha (р. діал. мха «мушка», мóха ib.) и mъšica (рисл. **мъшица** «culex», ч. mšice, нл. pšyca «муха») обыкновенно возводятся къ корню *mūs- (ср. пр. muso, лт. musẽ, лат. musca, гр. μυῖα), который Persson Zur. Lehre. 181, въ свою очередь, производитъ отъ корня *mŭ- «грызть», а Pedersen IF. V 34, вмѣстѣ съ myšь (§ 97), сближаетъ съ иде. корнемъ *mūs- «воровать». Эти этимологіи, по нашему мнѣнію, менѣе вѣроятны (ср. Брандтъ Доп. зам. 106), чѣмъ объясненія изъ звукоподражательнаго корня *mu- (ср. Fick I⁴ 511, Uhlenbeck Ai. EW² 209, Prellwitz EW². 302, Walde EW². 503, Meillet Alt. 364, Boranić Rad. CLXVIII 58, Преображенскій ЭС. I 572). Совершенно невѣрно разсуждаетъ о mъcha, mъšica Matzenauer LF. XI 165.—О другихъ варіантахъ корня much- и mych- см. §§ 43, 96.

79. Прасл. *prъchati (б. прѣхамъ «фыркаю», с. prhati) и *prъchnǫti (б. прѣхнъ, с. prhniti) объясняются изъ иде. корня *prūs-, ср. лт. prausiù «мыть», др.-исл. frūsa «фыркать», др.-инд. pruṣṇóti «прыскаетъ», ср. Matzenauer LF. XIV 171, Uhlenbeck Ai. EW. 181, Pedersen IF. V 67, Walde EW² 620.—О другой разновидности корня *prych- см. ниже § 99.

80. Б. пъхчъ «крехчу, пыхчу», пѣшкамъ, конечно, нельзя отдѣлять отъ разсмотрѣнныхъ выше (§ 46) пýхамъ «ударяю», пýхнъ и пр.

81. То же самое слѣдуетъ сказать объ отношеніи бр. рас-пóхлый «распухлый» къ глаголу puchati «вздуваться, вздыматься», о которомъ ср. §§ 47 и 100. По аналогіи *prъch-, ch проникло и въ корень *pǫs-, сохранившійся въ ч. puchýř, вл. pucheř и п. pęcherz.

82. C. ráh «рыхлый, слабый», с. ráhəl «рыхлый, слабый», б. ръшелъ «instabilis», р. рóхля заключаютъ въ себѣ корень *rūs-,—низшую ступень корня *rous-, о которомъ ср. § 49.—О *rych- см. § 101.

83. Прасл. slъchъ (ч. slech «слухъ») и slъchnǫti (дцс. **слъχнѫти**, ч. pře-slechnouti) происходятъ отъ корня *k̂lūs-,—низшей ступени корня *k̂lous- (ср. § 50).—О *slych- см. § 102.

84. Прасл. snъcha (дцс. **снъχа**, б. снъха, сх. snàha, с. snəha, п. sneszka, р. сноха) образовано отъ идс. корня *snūs-, ср. двн. snur, лат. nurus, гр. νυός, др.-инд. snušā, ср. Fick I⁴ 545, Brugmann Gr²I § 99, IF. XXI 317, Miklosich EW. 312, Pedersen IF. V 34, 67, KZ. XXXVI 279, Walde EW². 531, Wiedemann BB. XXVII 214, Prellwitz EW². 316, Uhlenbeck Ai. EW. 349. Новѣйшая гипотеза Sütterlin'a IF. XXIV 51, что *snūs- представляетъ нулевую ступень корня *sūn- «сынъ», фонетически менѣе правдоподобна, чѣмъ семасіологически.

85. Прасл. sъchnǫti (дцс. **съχнѫти** «ξηραίνεσθαι», б. съхнъ, сх. sàhnuti, с. səhníti, ч. sechnouti, schnouti, вл. skhnyć, п. schnąć, р. сохнуть) неотдѣлимо, конечно, отъ *suchъ и пр. (§ 51).—О корнѣ *sych- ср. § 103.

86. Дцс. **тръχоть** «mica», повидимому, относится къ trucha, truchlъ и пр. (§ 52) какъ низшая ступень къ высшей. Ср. Leskien, Handbuch⁵ 36, Brückner ASPh. XVII 562 и въ особенности Zubatý ASPh. XVI 416, который не отдѣляетъ отъ trucha и с. strhəl «гнилой, трухлый».

87. Р. тóхнуть «дохнуть (о рыбѣ)», тхнуть; бр. тхлиць «дѣлать гнилымъ», р. тóхлый, дц. teszny,—все это образованія отъ корня *tūs-,—низшей ступени разсмотрѣннаго выше корня *tous- (§ 55). По аналогіи tъchnǫti, ch проникло въ *tǫsnǫti (гдѣ та же, т. е. низшая, ступень назалирована), откуда б. тѣхнъ «тухну», ч. tuchnouti «запахнуть тухлымъ», вл. tuchnyć, п. tęchnąć, р. тýхнуть.

88. Прасл. vъšь (цсл. **къшк** «φθείρ», сх. vâš, ûš, с. vəš, vuš, ч. veš, вл. woš, п. wesz, р. вошь), какъ указалъ Mikkola IF. XXVI

295 sq., находится въ ближайшемъ родствѣ съ лт. діал. vẽ-vesa «вошь, блоха». Буга РФВ. LXVII 247, присоединяясь къ этой этимологіи, полагаетъ, что первоначальное значеніе корня *ǫes- (низшую ступень котораго представляетъ прасл. *ъšь) было «ѣсть» [1]).

IV. Послѣ y.

89. Сх. blíhati «заливать, плевать, имѣть поносъ», по всей вѣроятности, восходитъ къ иде. *bhlūs-, ср. гр. φλύω «переливать, вскипать», лат. fluo. Рядомъ съ этимъ предположеніемъ Berneker EW. I 61 (ср. также Persson Beitr. 801) допускаетъ и другое, именно то, что blichati родственно съ корнемъ гр. φλίδω, φλιδάω id. Въ виду наличности формы блюхавина (§ 57) и въ виду параллелизма образованій этого слова со слав. pljuti «плевать», — ср. въ особенности сх. blíha (<blycha) «пощечина» съ р. плюха id. (§ 62), — едва-ли можно сомнѣваться, какой изъ этихъ двухъ гипотезъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

90. Ч. brychati «ширинцевать, течь» мы разсматриваемъ какъ удлиненіе корня *brъch-; ср. bruchati и т. п. (§ 33).

91. Такое же отношеніе констатируется между buchati «стучать, шумѣть» (§ 34) и второю частью р. діал. (петроз.) ше-бы́хнуть «бросить камнемъ», мр. ж-бихнути «сильно толкнуть», р. діал. (кодымск.) чу-быхать «класть поклоны». Неточно о послѣднихъ словахъ Шахматовъ О полногласіи 78, 79.

---

1) Изъ примѣровъ измѣненія s>ch въ суффиксальныхъ слогахъ приведемъ здѣсь какъ несомнѣнно праслав. слѣдующіе: *čermъcha «Prunus padus» (с. črę̃mha, ч. třemcha, п. trzemcha, р. черёмха) и *čermъša «Allium ursinum» (р. черемша), произведенныя, повидимому, отъ одного и того же корня *kerm-; ср. лт. kermúše «дикій чеснокъ», гр. κρόμυον «лукъ»; ср. Bugge KZ. XIX 419, Zupitza GG. 122, Pedersen IF. V 33, Berneker EW. I 146, Эндзелинъ Эт. 52, 59; далѣе vetъchъ (дцс. ветъхъ, б. ветъхъ, сх. vẽtah, ч. vetech, п. wiotchy, р. ве́тхій), образованное отъ корня *ǫet-, ср. лат. vetus, гр. ϝέτος, алб. vjet «годъ», др.-инд. vatsaras «годъ» (Pedersen IF. V 35). О лт. vẽtušas (не vẽtušas!), которое особенно точно соотвѣтствуетъ слав. vetъchъ, ср. новѣйшія замѣчанія Эндзелина Эт. 59 и Буги РФВ. LXVII 246. О суфф. прич. прош. вр. -ъš- ср. вышеупомянутую статью Štrekelj'я.—Въ окончаніяхъ s переходило въ ch въ м. п. мн. ч. у основъ на -u-.

92. Прасл. dychъ (с. dîh «дыханье», ч. dych, вл. dych, мр. дих, вр. ды́хи «ноздри животныхъ»), dychati (дцс. дыхати «дышать, дуть, вѣять», б. ди́хамъ «дышу», сх. díchati, с. díchati, ч. dýchati, вл. dychać, п. dychać, мр. ди́хати, р. от-дыхать), dyšati (б. ди́шъ «дышу», с. díšati «пахнуть», п. dyszeć «дышать», р. дыша́ть) восходятъ къ одной изъ разновидностей низшей ступени корня *dhous-, о которомъ ср. § 36.

93. С. paz-dîha подобнымъ образомъ относится къ paz-duha и пр. (ср. § 37).

94. Менѣе достовѣрные примѣры представляютъ мр. кри́ха «кроха», крихки́й «хрупкій, ломкій». Они могли возникнуть фонетически изъ кръха, кръхкии, о которыхъ ср. § 74.

95. Прасл. kychъ (с. kîh «чохъ»), kychati (б. ки́хамъ «чихаю», сх. kíchati, с. kíchati, ч. kýchati, вл. kichać, п. kichać, мр. киха́ти), kychnǫti (б. ки́хнъ, сх. kíhnuti, с. kíhniti, ч. kýchnouti, п. kichnąć) заключаютъ въ себѣ удлиненную ступень корня *kъch- (ср. § 75).

96. Mutatis mutandis то же самое можно повторить о цсл. мышьца и мышица «culex» по отношенію къ приведеннымъ выше мъха, мъшица и пр. (§ 78).

97. Прасл. myšь (дцс. мышь, б. мишка, сх. mȉš, с. mìš, ч. myš, вл. myš, п. mysz, р. мышь) ведетъ свое происхожденіе отъ корня *mūs- «мышь», ср. двн. mūs «мышь», лат. mūs, гр. μῦς, др.-инд. mūṣ. Ср. Fick I⁴ 520, Потебня, Къ ист. зв. III 84, Miklosich EW. 208, Walde EW². 503, Uhlenbeck Ai. EW. 229, Преображенскій ЭС. I 577. У послѣдняго же приведены данныя относительно этимологическаго тождества myšьka, myšьca «мышь» и myšьka «musculus» (ср. р. мышка «впадина подъ плечомъ», б. ми́шка «подмышка», сх. mȉška «мускулъ», ч. myška, вл. myška, п. myszka) и myšьca id. (б. мишца «мускулъ», др.-русс. мышьца).

98. Прасл. nychati (сх. níhati «качать», с. níhati), nyšati (б. ни́шамъ «качаю», мр. нишати) и nyšiti (дцс. въз-нышити «воспарить»,

б. нишъ се «прижимаюсь», ч. ko-nýšiti «качать») происходятъ отъ идe. корня *(s)nūs- «склоняться, кивать», ср. гр. νεύω изъ *sneusō. Ср. Fick I⁴ 98, 503, Uhlenbeck Ai. Wb. 144, Prellwitz EW². 311, Walde EW². 530, Matzenauer LF. XI 329.—О чередующемся съ nyšiti nuchati ср. выше § 44.

99. Удлиненія разсмотрѣннаго уже нами корня *ргъch- (§ 79) представляютъ б. прúхамъ «фыркаю», мр. прихати, съ одной стороны, и б. прихнъ, съ другой.

100. Прасл. pychъ (с. pȋh «дыханіе», ч. pych «дыханіе, гордость», р. пыхъ «дыханіе»), pycha (с. píha «гордость», ч. pýcha, вл. pycha, п. pycha, р. пы́ха), pychati (с. píhati «дуть», ч. pýchati, р. пы́хáть «сильно дышать»), pychnǫti (с. píhniti «подуть», ч. pýchnouti, р. пы́хнуть «дохнуть сильно») образованы отъ корня *p(h)ūs-,—разновидности низшей ступени корня *p(h)ous-, ср. §§ 47 и 81.

101. Прасл. rychъlъ (ч. rychlý «быстрый», вл. rychły, п. rychły, р. рыхлый «разсыпающійся, слабый») и ryšiti (ч. ryšiti «быстро гнать») чередуются съ образованіями отъ корня *ruch- (§§ 49 и 82).

102. Прасл. slychъ (ч. slych «слышаніе», вл. słych, п. słych, р. слыхъ), slychati (ч. slýchati, вл. słychać, п. słychać, р. слыха́ть), slyšati (дцс. **слышати**, сх. slȉšati, с. slíšati, ч. slyšeti, вл. słyszeć, р. слышать) дополняютъ собой чередованіе корней *sluch- (§ 50) и *slъch- (§ 83).

103. То же самое скажемъ объ *sychati (цс. **оу-сыхати** «arescere», сх. ù-sihati, с. u-síhati, ч. u-sýchati, п. u-sychać, р. у-сыхать) по отношенію къ suchъ (§ 51) и *sъch- (§ 85).

104. Ч. sychrati «дрожать отъ холода», sychravý «холодный», sychravice—для насъ неясны.

105. Мр. ш-ти́хати, конечно, нельзя отдѣлять отъ ш-ту́хати (§ 54).

В) Звукъ ch послѣ согласныхъ.

I. Послѣ r.

106. Прасл. *boršьno изъ *borchьno (дцс. брашьно «кушанье, пища», б. бра́шно, сх. brȁšno, с. brášnò, мр. бо́рошно «мука», р. бо́рошно «ржаная мука») Berneker EW. I 74 возводитъ къ иде. *bhar-s-ino-m «то, что относится къ ячменю» и сравниваетъ съ гт. barizeins- «ячменный» и лат. far, farīna. Мнѣніе Hirt'a PBB. XXIII 331 о заимствованіи имени брашьно изъ герм. яз. справедливо при этомъ отвергается. Ср. Младеновъ Герм. елем. 20, Hirt Indogermanen II 653 и Преображенскій ЭС. I 43.

107. Прасл. čьrnъ изъ *čьrchnъ (дцс. чрънъ, б. чъ̀рни, църни, сх. cȓn, с. črn, ч. černý, вл. čorny, п. czarny, р. чорный) уже съ давнихъ поръ сопоставляется съ др.-пр. kirsnan «черный» и др.-инд. kr̥ṣṇás id., ср. Schmidt Voc. II 33, Miklosich EW. 34, Fick I⁴ 190, Mikkola BB. XXII 245, Hirt BB. XXIV 253, Brugmann Gr. I² 471, 569, Jagić ASPh. XIX 279, Соболевскій РФВ. LXIV 105, Berneker EW. I 170, Osten-Sacken ASPh. XXXV 57 и др.; но недавно Krček Grupy 82 sq. подвергъ обстоятельной критикѣ такой взглядъ на взаимное отношеніе всѣхъ трехъ формъ и, опираясь на тотъ фактъ, что въ слав. языкахъ нѣтъ достовѣрныхъ примѣровъ перехода s > ch передъ n, пришелъ къ выводу, что слав. čьrnъ можетъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ двн. harn «urina», исл. skarn «калъ», лтш. k̂ernāt «чернить». Что касается до пр. kirsnan и др.-инд. kr̥ṣṇas, то они, по мнѣнію Krček'a, также образованы отъ корня *ker- «чернить», но съ тѣмъ отличіемъ, что послѣдній расширенъ у нихъ звукомъ -s-. Но ниже мы приведемъ примѣръ, гдѣ переходъ s > ch передъ n весьма вѣроятенъ (см. § 142). Поэтому нѣтъ серьезной необходимости отдѣлять čьrnъ отъ др.-инд. kr̥ṣṇas, какъ это задолго до Krček'a дѣлалъ еще Uhlenbeck ASPh. XVI 379, возводя первое къ иде. *kr̥-nos.

108. С. čȑh «слабый звукъ», čŕha id., čŕhniti «издать слабый звукъ», повидимому, представляютъ расширеніе на -s- звукоподражательнаго корня *ker-, разумѣется, на его низшей ступени *čьr-. О другой разновидности той же ступени *kъr-ch- см. ниже § 111.

109. Аналогичнымъ образомъ дчш. črcha «черта, линія» образовано отъ низшей ступени не менѣе извѣстнаго иде. корня *ker- «рѣзать» — *kьr-s-; его детерминативъ -s- повторяется и въ другихъ иде. языкахъ, ср. skeřsas «поперекъ», др.-пр. kirsa, гр. ’εγκάρσιος и пр. Ср. Berneker EW. I 149.

110. Прасл. *gorchъ «горохъ» (б. грахъ, сх. gràh, с. gràh, ч. hrách, вл. hroch, н. groch, р. горóхъ) обыкновенно сравнивается съ др.-инд. ghárṣati «онъ третъ», лт. garšvà «Giersch», ср. Matzenauer LF. VII 189, Fortunatov KZ. XXXVI 37, Torbiörnsson LM. II 26 sq., Berneker EW. I 231, Преображенскій ЭС. I 149.

111. Б. кръхýкамъ «хриплю», сх. kŕhati «фыркать (о конѣ)», ч. krchlati «кашлять» ведутъ начало отъ ономатопоэтическаго корня *kъrs-. Не относятся-ли сюда также р. коршунь, с. kršak и мр. коршак?

112. Р. корхъ «кулакъ, сжатая рука, принимаемая за мѣру въ два вершка»; цс. **крѣшьня** «pugnus», р. коршня, діал. (ниж.) корошня (изъ къръшьня?); р. корхáть «бить кулакомъ»; мр. при-корхнýтися «согнуться, прижаться»; бр. при-корхнýць — неяснаго происхожденія. Berneker EW. I 667 склоненъ выводить ихъ изъ *kъrk-so- (kъrčiti и т. д.), но такъ какъ само *kъrk- представляетъ задненебное расширеніе корня *kъr- «рѣзать», то было бы еще проще объяснять *kъrch- непосредственно изъ корня *kъrs-. Если это дѣйствительно такъ, то kъrchъ оказалось бы въ ближайшемъ родствѣ съ разсмотрѣннымъ выше čьrcha (§ 109). Мало того, такъ какъ понятія «рѣзать» и «рвать» весьма близки другъ къ другу, то въ данную семью словъ можно было бы включить упомянутыя въ предыдущемъ § р. коршунъ и его родичей: еще Потебня Эт. III 5 объяснялъ ихъ основное значеніе какъ «терзающій», сопоставляя съ лт. karšti «чесать, скрести», др.-инд. karṣati «влечетъ, тащитъ» (ср. также Преображенскій ЭС. I 364). Возразить что-нибудь противъ этихъ комбинацій также трудно, какъ и противъ ономатопоэтическаго объясненія названія нашей хищной птицы.

113. Загадочное происхожденіе имѣютъ прасл. kъrchъ (ч. krchý «лѣвый», вл. korch) и образованныя отъ него сц. krchňák «лѣвша»,

kršňák, а также ч. kršňavý «лѣвша» и п. karśniawy. Berneker EW. I 667 готовъ видѣть въ нихъ такъ называемыя «свободныя образованія» отъ *kъrsъ (ч. krs «карликовое дерево», мр. корс «новь, чищоба» и пр.), но мы не видимъ причины, почему и *kъrch- и *kъrs- не могутъ быть параллельными расширеніями одного и того же корня *ker- «рѣзать»: въ то время какъ *kъrch- имѣетъ детерминативомъ -s-, *kъrs- распространенъ детерминативомъ -k̂-. Несомнѣнно этотъ послѣдній слышится и въ п. karśniawy. Если наше предположеніе вѣрно, то *kъrch- «лѣвый» придется признать этимологически тождественнымъ съ разсмотрѣннымъ въ предыдущемъ § р. корхъ «кулакъ» и пр.

114. Прасл. mьrcha (с. mŕha «падаль», ч. mrcha «мертвое тѣло», п. marcha «падаль, стерво») и mьrša (б. мрѣ́ша «падаль») образованы отъ корня *mer- «умирать»+детерминативъ s. Ср. Miklosich EW. 190, Krček Grupy 131. Отъ прасл. mьrcha въ значеніи «падаль» слѣдуетъ отличать то прасл. *mьrcha, которое имѣетъ значеніе «скота» (ср. сх. mrha, с. mŕha, ч. mrcha, п. marcha): послѣднее заимствовано изъ герм., ср. двн. marah «конь». Ср. Zupitza GG. 209, Bezzenberger BB. XXVII 184, Krček Grupy ib. 131. Отъ п. marcha въ первомъ значеніи Brückner ASPh. XXI 69 не отдѣляетъ и п. z-murszały, но какъ объяснить его u?

115. П. mierzchnąć «смеркаться», mierzch «сумерки», по всей вѣроятности, происходятъ отъ иде. корня *mers-, который только другимъ детерминативомъ отличается отъ корня *mork- (цсл. мракъ, р. морокъ и пр.). Быть можетъ, сюда же относятся мр. мо́рох «плѣсень, мохъ», р. діал. (вят.) мо́рохъ «мельчайшій дождь, ситникъ, бусъ», мороха́, но р. моро́шки «ягода» «Rubus Chamaemorus» принадлежитъ скорѣе къ семьѣ marati и т. п. словъ, ср. Berneker EW. II 77.

116. Прасл. *porchъ (дцс. прахъ «κονιορτός», б. прахъ, сх. prâh, с. prâh, ч. prach, вл. proch, п. proch, р. порохъ) и *porcha (р. поро́ха «первый снѣгъ», пороша) восходятъ къ иде. *pors- «разсѣивать». Ср. Torbiörnsson LM. II 54. Отъ той его разновидности, которая въ иде. яз. звучала какъ *pᵘr̥s-, образованы:

117. Прасл. *pъrchnǫti (б. прѣхнѫ «вспархиваю, сохну», сх. pŕhnuti, с. pŕhniti, ч. prchnouti «убѣгать, улепетывать», р. порхну́ть «взлетѣть»), *pъrchati (б. прѣхамь «вспархиваю», сх. pŕhati, с. pŕhati, ч. prchati, р. порха́ть), *pъrchъ (с. pr̂h «пыль», ч. prch «бѣгство вразсыпную», пл. parch «перхоть» и заимствованное изъ послѣдняго р. пархь), *porsь (бр. порши «шолуди»). Ср. лт. purslas «пѣнистая слюна», spùrsti «вспархивать», др.-исл. fors «водопадъ». Напротивъ, разновидность низшей ступени *p̥rs- имѣемъ въ

118. Прасл. *pьrchnǫti (вл. pjeřchnuć «вспорхнуть, распылиться», п. pierzchnąć «распылить, паршивѣть», мр. перхнути «побѣжать», р. по-перхну́ться), pьrchati (вл. pjeřchać «пылить», п. pierzchać «пылить», мр. перхати «порхать», р. перха́ть «харкать слюной»), *pьrchъ (п. pierzch «перхоть»), pьrša (р. перша «перша»), pьršiti (ч. pršeti «разлетѣться, идти дождю», вл. pjeršić, п. pierszyć, р. пе́ршить «щекотать, скрести въ горлѣ»), *pьrchoть (б. прѣхотъ, с. prchôt, р. пе́рхоть), *pьrchut (сх. pr̂hut, с. prhût f.) и т. п. — Къ литературѣ о всѣхъ разновидностяхъ корня ср. Schmidt Voc. II 6 sq., Horn KZ. XXXIII 443, Pedersen IF. V 54, KZ. XXXVIII 329, Torbiörnsson LM. II 54, Miklosich EW. 241, Uhlenbeck Ai. Wb. 159, 174, Walde EW.² 728, Krček Grupy 145, Persson Beitr. 875, Преображенскій ЭС. II 19, 48, 49.

119. Прасл. *soršati (цс. **къ-сращати** «erigi») и soršiti (п. stroszyć «ерошить», др.-русс. в-сорбшити «взъерошить») объясняются изъ иде. корня *k̂ors-, ср. Torbiörnsson LM. I 30, II 65. На ступени -e- тотъ же корень дошелъ до насъ въ

120. Сх. ko-strijèšiti «взъерошить волоса», с. ko-strềšiti id., а также въ цс. **срѣшь** «faex», сх. srȋješ, strȋješ «tartarus», с. srềš. Наконецъ, низшая ступень *sьrch- сохранилась въ

121. Рцс. **къ-срѫхнѫти** «erigi», сх. stŕšiti «взъерошивать», с. srŕšiti «взъерошивать волоса или перья»; цс. **срѫшати** «erigi», с. srŕšati «взъерошивать»; с. sr̂h «содроганіе», sr̂h «шершавый»; цс. **срѫхъкъ** «asper»; с. srŝàv «шершавый», р. шерша́вый; дп. sierzchl «pili»,

sierchl. Ср. лт. šurkštus «шероховатый», двн. harsch «твердый, крутой», нвн. harsch «шероховатый, твердый», ср. Bugge BB. III 103, Fick II 72, Pedersen IF. V 53, 76, Foy IF. VI 333, Krček Grupy 170.

122. Отъ корня *serch- «шероховатый» послѣдній ученый не отдѣляетъ и названіе «овода» *sьršę (дцс. **сръша** «vespa», сх. sȓšljen, stȓšljen, с. sȓšen, ч. sršen, вл. šeršeń, п. sierszeń, мр. шершенъ, р. шершень), но, кажется, болѣе правъ Boranić Rad. CLXXVIII 76, производя это слово, какъ и соотвѣтствующія ему лт. širšũ, лтш. sirsis, двн. hornaz, лат. crābro (изъ crāsro), изъ ономатопоэтическаго корня *k̑r̥s-. Еще иначе Walde EW.² 197: онъ сближаетъ названіе «шершня» съ гр. κέρας «рогъ» и т. п.

123. Прасл. *vorchъ «шумъ» (мр. ворох «трескъ, шумъ», п. zawroch «вѣтеръ, несущій пыль»), *vorcha (р. завороха «вьюга, метель; замѣшательство; ссора, суматоха»), *vorša (р. арх. вороша «просвѣтъ, прогалина въ дремучемъ лѣсу»), *voršiti (р. ворошúть), *vorchati (р. ворóхать «трогать, шевелить»), по всей вѣроятности, заключаютъ въ себѣ звукоподражательный корень *u̯er-, расширенный детерминативомъ -s-; параллельный детерминативъ k имѣемъ въ извѣстномъ глаголѣ vъrčati. Ср. Krček Grupy 184, Преображенскій ЭС. I 98.

124. Отъ низшей ступени того же корня *vъrs- образованы с. vršȅti «шумѣть, кипѣть» и п. warch «гнѣвъ», откуда по Brückner'y ASPh XXII 572 и Warszawa. Послѣдній ученый, впрочемъ, невѣрно подводитъ п. слова подъ формулу tart.

125. Прасл. *vorchъ (дцс. **врaχъ** «trituratio», б. врахъ «гумно, снопы хлѣба, предназначенные для молотьбы», р. вóрохъ «куча зерна») производится обыкновенно (ср. Fick I⁴ 550, Miklosich EW. 383, Pedersen IF. V 54, Torbiörnsson LM. II 93, Преображенскій ЭС. I 98) отъ иде. корня *u̯ers- «тащить», ср. двн. wërran «запутывать, производить безпорядокъ», лат. verrō «скользить, тащиться по землѣ», гр. ἔρρω «тащусь, плетусь». Отъ ворохъ не отдѣляютъ по большей части и ворошить, ворохнуть, но ср. о нихъ § 123.

126. Съ *vorch- чередуется *verch- въ цс. **врѣшти** «ἀλοᾶν», сх. vrijèći «молотить лошадьми», и, можетъ быть, р. діал. (великоуст.) вирёхать «ворочать». А низшая ступень того же корня имѣетъ представителями:

127. Цс. **връхж** «молочу», б. връхъ́, сх. vŕšem, с. vŕšiti, а также с. vŕš f. «хлѣбъ въ зернахъ», р. вершь «стогъ, скирдъ».

128. Р. діал. (сар., астр.) верёха «долгая жердина, рѣшетина на кровлѣ, длинный стержень, цѣвье бурава, которымъ просверливаютъ бревна; слега у виноградныхъ полатей», (нижне-колым.) верёшка «древко стрѣлы» мы не отдѣляемъ отъ

129. Прасл. *vьrchъ (дцс. **връхъ** «cacumen», б. вре́хъ, сх. vŕh, с. vŕh, ч. vrch, вл. wjeřch, п. wierzch, р. верхъ) и *vьršiti (цс. **връшити** «perficere», б. вре́шѣ «дѣлаю, совершаю», сх. vršiti, р. верши́ть). Какъ показываютъ лт. viršùs «верхъ», лат. verrūca «бородавка», др.-инд. várṣman- «высота» и пр. (ср. Fick I⁴ 132, 150, Miklosich EW. 384, Pedersen IF. V 54, Foy IF. VI 332, Uhlenbeck Ai. EW. 276, Scheftelowicz BB. XXIX 19, 33, Walde EW². 823, Krček Gruby 191, Преображенскій ЭС. I 78), основное значеніе корня *u̯ers- было «быть острымъ» или вообще «рѣзать»: онъ только другимъ детерминативомъ отличался отъ корня *u̯erd- (цсл. **врѣдъ**, р. вередъ и пр.), *u̯erg- (цс. **врагъ**, р. воро́гъ и т. д.). А если такъ, то число членовъ этой семьи словъ можно будетъ увеличить еще однимъ,—именно словомъ vьrša «родъ рыболовной сѣти» (б. вре́ша, сх. vŕša, с. vrša, ч. vrše, п. wiersza, р. ве́рша): послѣдняя могла получить свое названіе или какъ сѣть *коническої* формы, или какъ связка *срѣзанныхъ* прутьевъ. Ср. Zubatý SF. IV 257 sq., гдѣ даются и другія соображенія о семасіологическомъ взаимоотношеніи vьrchъ и vьrša. И они такъ цѣнны, что мы ни на минуту не колеблемся предпочесть изложенное объясненіе новѣйшей этимологіи Persson'a Beitr. 506, согласно которой vьrša возникло изъ *vьrzs̯a (къ *vrěz-ti «плести» и пр.).

130. Прасл. *vьrchъ (п. warch «кабанъ») образовано отъ иде. корня *vr̥s- «оплодотворять», ср. лт. veršis «теленокъ», лат. verrēs,

др.-инд. vr̥ṣas «быкъ». Ср. Fick I⁴ 131, Miklosich EW. 384, Uhlenbeck Ai. EW. 294, Walde EW.² 823.

II. Послѣ k.

131. Прасл. *šiръ (б. шипъ «игла, колючка; палка съ желѣзнымъ наконечникомъ; громовая стрѣла», сх. šȋр «особаго вида гвоздь; остріе», ч. šíp «терніе на розовомъ кустѣ, стрѣла», вл. šip «стрѣла», мр. шип «острая палка», р. шипъ «ость, игла, колючка») мы посвятили спеціальную замѣтку въ РФВ. LXX 257 и пришли къ выводу, что это слово находится въ ближайшемъ родствѣ съ гр. ξίφος, и что, слѣдовательно, оно восходитъ къ иде. корню *kseiph- «рѣзать, рубить». На этомъ объясненіи мы настаиваемъ и теперь, хотя принципіально не можемъ ничего возразить и противъ сопоставленія Petersson'a ASPh. XXXIV 370 съ арм. xaiṫe'm «колю» (<иде. кор. *khəipṫ-). Нѣкоторымъ объективнымъ подтвержденіемъ нашей этимологіи пусть служитъ чередованіе словъ šiръ и ščiръ (с. ščȋр «neka vinska trta»), точнымъ эхомъ котораго является чередованіе гр. ξίφος: σκίφος. Что касается мнѣнія Brückner'a KZ. XLVII 326 о родствѣ šiръ съ *šib- (см. § 137), то оно едва-ли заслуживаетъ даже упоминанія.

132. Кромѣ корня *ksei- «рѣзать, острить», иде. языкъ зналъ еще параллельный корень *ksou- того же значенія. Именно отъ него съ помощью форманта -oj-, resp. -oi̯- образовано имя chvoja «иглистый листъ» (сх. hvòja, с. hvǫ́ja, hǫ̑ja, ч. chvůje, п. choja, р. хвоя́), съ которымъ Pedersen KZ. XXXVIII 394, Zb. u slavu Jag. 218 сравниваетъ не только лт. skujà «хвоя» (<*(s)khuiā̃), но и ирл. scē «шипъ». Высшую ступень того же корня P. видитъ въ р. хуй «penis» изъ *(s)khouios. Послѣднія комбинаціи нельзя признать весьма убѣдительными, хотя съ ними готовъ согласиться даже Berneker EW. I 408; и Uhlenbeck IF. XVII 98 ихъ оспариваетъ, предпочитая выводить начальное ch имени chvoja изъ ks-, будто бы чередующагося съ sk въ лт. skujà. Но какими причинами было такое чередованіе обусловлено, объ этомъ U. не говоритъ ни слова.

133. Повидимому, не что иное, какъ причастіе прош. вр. страд. залога отъ глагола *kseu-ti «рѣзать» представляетъ б. шутъ «безрогій»,

шуто «недостаточно», п. szuły «безрогій», мр. шутии: какъ показалъ Petersson ASPh. XXXIV 381, эти слова невозможно отдѣлять отъ гр. ξύω «скребу», ξυρός, ξυρόν, др.-инд. kṣurás «бритва». А такъ какъ корень *kseu- чередовался въ иде. яз. съ *ksou-, то является возможность сюда же присоединить п. chusta «платокъ» (< *ksout-tā). Также какъ *poltьno, plachъta (§ 146), rucho (§ 49) chъlstъ и др., первоначально это слово обозначало «обрубокъ полотна, ткани». Слѣдовательно, Kawczyński ASPh. XI 609 не былъ близокъ къ истинѣ, когда утверждалъ, что chusta находится въ родствѣ съ chytati «хватать»; по его мнѣнію, chusta возникло изъ *chut-tā и обозначало первоначально «схваченное, похищенное, желаемое». Отъ этой этимологіи принципіально мало отличается гипотеза Brückner'a PF. VI 16, VII 158: именно, онъ полагалъ, что п. chusta и chustka (которыя, вѣроятно, изъ п. устъ перешли въ нѣкоторые мр. и вр. говоры), какъ и дп. chąźba «грабежъ, воровство», ведутъ начало.... отъ нѣмецкой Ганзы! Значеніе «платка, платья» эволюціонировало изъ значенія «грабежа» такимъ же образомъ, какимъ, напр., изъ сх. ǒ-dora «добыча» развилось представленіе «одежды, платья». Эту этимологію въ главныхъ чертахъ принялъ Berneker EW. I 400, но съ той оговоркой, что легшее въ основу польскихъ именъ нѣм. hanse имѣло скорѣе значеніе не извѣстнаго сѣверонѣмецкаго торговаго союза, а «опредѣленнаго денежнаго налога, подати, уплачиваемой даннымъ торговымъ обществомъ». Но прошло немного лѣтъ и Brückner самъ отказался отъ мысли о ганзейскомъ происхожденіи п. chądźby (ASPh. XXIII 233, KZ. XLV 25, 311, Dzieje² 159) и сталъ учить, что это слово, какъ и дп. chąsić «воровать», родственно цс. хоусл «insidiae», хоусити «грабить», хоусовати «грабить», хоусарь «разбойникъ» (откуда мадьяр. húszár «гусаръ»); что въ этихъ словахъ оу возникло изъ ѫ, объ этомъ прямо говоритъ свидѣтельство Свиды: «χονσὰ παρὰ Βουλγάροις οἱ κλέπται». Въ виду этихъ данныхъ, В. рѣшительно возстаетъ противъ мнѣнія Berneker'a, что хоусарь возникло диссимиляціей изъ «cursarius», и что хоусл представляетъ позднѣйшее къ нему новообразованіе, и предпочитаетъ задать вопросъ, не возникло-ли chǫsiti изъ *chǫps-iti, ср. chopiti «хватать» (KZ XLV 25). Но въ виду значенія п. chusta, по нашему мнѣнію, глаголъ chǫsiti вѣрнѣе объяснять какъ об-

разованіе отъ корня *ksŭns-, т. е. отъ корня *ksŭs- «рѣзать» (ср. упомянутое др.-инд. kṣŭrás «бритва) съ носовымъ инфиксомъ.

134. Отъ того же корня *ksou- «рѣзать, разбивать» + формантъ -dъ образовано chudъ (дцс. χουδъ «маленькій, незначительный, плохой», б. худи «плохой», с. hud, сх. hûd «дурной, злобный», ч. chudý «бѣдный», п. chudy «тощій, дурной», р. худой), которое еще Pedersen IF. V 60 весьма убѣдительно сравнилъ съ др.-инд. kṣódati «разбиваетъ, размельчиваетъ», kṣudrás «маленькій, незначительный, низкій», ср. степ. kṣodīyas. Этой этимологіи Berneker EW. 1405 справедливо отдаетъ предпочтеніе передъ предложеннымъ Meillet Et. 174 сравненіемъ съ гт. hauns «низкій» и арм. xun «малый».

135. Прасл. chyliti (б. хилѣ се «смѣюсь», собств. «сгибаю ротъ», дсх. hiliti «гнуть, кривить», с. híliti, ч. chýliti «клонить», вл. khilić, п. chylić «клонить, гнуть», р. хили́ть «нагибать, наклонять») и chylъ (с. hil «кривой, согнутый», ч. chylý «склонный», п. po-chyły «наклонный, согнутый», мр. хи́лий «согнутый, болѣзненный», р. хи́лый «слабый, больной») Berneker EW. I 413, вслѣдъ за Pedersen'омъ IF. V 64, сравниваетъ съ алб. uńem, hunem «сгибаюсь», un'ete, huńete «маленькій, низенькій», діал. (скутарійск.) ul', ul'em «сижу», замѣчая при этомъ, что алб. h отражаетъ въ этихъ словахъ или ks или kh. Какой же именно звукъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ гр. ξύλον «срубленное дерево, полѣно», корень котораго указываетъ на нулевую ступень корня *kes- «рѣзать», т. е. на ks-. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальное значеніе слав. *chylъ было «обрубленный, короткій», и уже отсюда развилось понятіе «наклонный». И если высшая ступень корня *ksul- лежитъ въ основѣ с. húliti «гнуть, склонять» и ч. chouliti «вить, склонять», въ с. húla «изгибъ» и т. п. (< *ksoul-), то средняя ступень, по всей вѣроятности, скрывается въ с. šúliti «гладить, скрести; ползти изгибаясь», а также въ сх. šûlj «чурбанъ, колода», с. šûlj, šûl «овенъ съ короткими ногами», šúla «овца съ маленькими рогами», мр. шу́лий «волъ съ рогами внизъ». Но мр. шу́ла «столбъ въ заборѣ», р. шула, какъ показываютъ лт. šùlas «столбъ» и с. sûlj «сосудъ», восходитъ къ идс. *kseulā (ср. Persson Beitr. 383, неточно Эндзелинъ Эт. 89 sq.).

И подобно тому какъ при širъ мы имѣемъ ščirъ (§ 131), и šuljь «чурбанъ» чередуется со ščuljь (ср. с. ščûljək = šuljək, ср. также гр. σκύλλω Prellwitz EW.² 319).

Отъ chyliti, какъ вѣрно замѣтили Berneker EW. I 413 и Petersson ASPh. XXXV 360, нельзя отдѣлять также chyniti (сх. hiⁿ̃ti «обманывать», с. hiníti, п. chynąć «склонять», р. діал. хи́нить «бранить, ругать»); но послѣдній ученый, кажется, идетъ слишкомъ далеко, когда отъ chyliti и chyniti не отдѣляетъ даже ч. šurý «косой, наклонный» (см. ниже).

136. Наконецъ, съ детерминативомъ -g(h)- нашъ корень *kseu- скрывается, вѣроятно, въ сх. šu̍ga «scabies», šu̍gati «производить чесотку».

137. Прасл. chobotъ, resp. chobъtъ (с. hàbât «роскошно растущій», дч. chobot «хвостъ», совр. «узкій кончикъ пруда», мр. хобот, вр. хоботъ «хвостъ, продолженіе трубой носа или губы животныхъ») и chobot-ьnica (сх. hòbotnica «видъ полипа») восходятъ къ прасл. *chvob- изъ иде. *ksu̯əbh- «колебать, качать» (Ильинскій РФВ. LXI 260 sq.). Въ слав. языкахъ представлены и двѣ другія разновидности низшей ступени того же корня *chъb- (изъ иде. *ksŭbh-) въ *chъbъtъ (сх. hàbat «Sambucus ebulus», с. habât, həbât, hébət, ч. chebd, п. chebd), которое Vasmer RS. IV 178 недавно напрасно пытался вывести изъ алб. языка (ср. Ильинскій ПГ. § 33), и *chyb- (изъ иде. *ksūbh-) въ chybati (с. híbati «порицать», ч. chybati «сомнѣваться, колебаться», п. chybać «качаться, двигаться туда и сюда», мр. хиба́ти «сомнѣваться, быть нерѣшительнымъ»), *chybiti (ч. chybiti «ошибиться», вл. khibić, п. chybić, мр. хиби́ти «недоставать, ошибиться»), *chyba (с. híba «ошибка», ч. chyba «сомнѣніе, кромѣ (adv.)», вл. khiba «кромѣ», мр. хи́ба «недостатокъ, ошибка»), *chybъkъ (п. chybki «быстрый», мр. хибки́й «неустойчивый, шаткій»). Что касается средней ступени корня, то она, повидимому, сохранилась только въ ч. діал. (мор.) šubati «бить», а также въ мор. šubenica «висѣлица», п. szubienica, но косвенно ея существованіе доказываютъ также формы šibati (мр. шиба́ти «бросать, ударять», р. шиба́ть «бросать, кидать»), šibiti (р. шибить «бросать,

швырять»), šinǫti (с. pre-šiniti «проникнуть», ч. šinouti «гнуть», п. szynąć «ударять, пронизывать») [1]), šiba (р. о-шибка), šibъkъ (п. szybki «быстрый», мр. шибки́й, р. ши́бкій), šibь (цс. **о-шибь** «хвостъ»), которыхъ *šib- трудно объяснить иначе, чѣмъ древней контаминаціей корней *chyb- и *šʼub-. Правда, Brückner KZ. XLIII 325 попытался недавно ослабить значеніе п. szubienica гипотезой, что его и замѣнило і въ болѣе древнемъ szybienica, подобно тому какъ то же самое произошло въ иностранныхъ словахъ szumować «пѣниться» (при болѣе древнемъ szymować) или szudzić «höhnen» (при szydzić). Но, во-первыхъ, заимствованныя слова не всегда подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, что и туземныя; во-вторыхъ, надо еще доказать, что у въ нихъ *дѣйствительно* древнѣе u: по крайней мѣрѣ, мр. шумовати «пѣниться» и нл. šužić «обманывать» скорѣе свидѣтельствуютъ о противоположномъ; въ третьихъ, спорадическій характеръ перехода i>ʼu уже принципіально возбуждаетъ большія сомнѣнія; наконецъ, B. совершенно замалчиваетъ чехо-мор. формы šubati и šuběnica: вѣдь не могли же они *случайно* совпасть съ пл.? Между тѣмъ, значеніе слав. образованій такъ точно совпадаетъ со смысломъ др.-инд. глагола kṣubhyati, kṣobhyatē «качается, колеблется, дрожитъ», что мы не только отстаиваемъ наше сближеніе съ послѣдними словами глаголовъ chybati и šibati, но даже считаемъ возможнымъ присоединить сюда же прасл. chvostъ (ск. hȏst, [діал. hust, о которомъ ср. Štrekelj ASPh. XXVII 48 sq.], ч. chvost, п. chwost, мр. хвіст, р. хвостъ), *chvoštjь (б. хвощъ «р. Equisetum», с. hvǫ̑šč «соломенное помело», вл. khošćo «метла», п. chwoczcz «Equisetum», вр. хвощь id.) и chvastъ (п. chwast «сорная трава»), возстановляя ихъ основу какъ *chvob-st-. Съ такой точки зрѣнія, *chvostъ первоначально должно было означать «то, что находится въ состояніи колебанія, качанія» (ср. нѣм. Schwanz при schwingen). Во всякомъ случаѣ, нельзя думать ни объ исконномъ родствѣ этихъ словъ съ двн. questa (мнѣніе Matzenauer'a LF. VIII 7), ни о заимствованіи ихъ изъ послѣдняго (мнѣніе Uhlenbeck'a ASPh. XV

1) Какъ показалъ Zubatý SF. IV 252 sq., не всегда можно отличить образованія глагола šinǫti отъ формъ глагола šьiti «шить».

486), ни объ измѣненіи исконнаго *gvostъ въ *khvostъ подъ вліяніемъ *khvějati и *khvorstъ (мнѣніе Эндзелина Эт. 127), ни о родствѣ ихъ съ гр. πόσθη «membrum virile», будто бы восходящимъ къ иде. *qhǫosthо- «прутъ, палка» (мнѣніе Petersson'a ASPh. XXXV 370). Что касается Berneker'a EW. I 410, то онъ считаетъ слав. chvostъ «темнымъ», но для насъ непонятно, какъ одинъ и тотъ же ученый можетъ сопоставлять chobъtъ и chъbotъ и въ то же время отдѣлять оба слова отъ chvostъ, хотя значенія ихъ совпадаютъ во всѣхъ оттѣнкахъ, а звуки почти тождественны... (Болѣе подробныя указанія относительно происхожденія chobotъ ср. въ нашей статьѣ въ РФВ. LXI 230 sq.).

138. Прасл. brechati (ск. brèhati «тяжело дышать, громко кашлять», с. brę̀hati id., ч. břechati «лаять», п. brzechać, мр. брехати, р. брехáть «лаять, кричать») Berneker EW. I 33 выводитъ изъ корня *breks-; безъ расширенія s тотъ же корень мы имѣемъ еще въ лтш. brẽkt «кричать», двн. praht «шумъ» и нѣк. др. Ср. Преображенскій ЭС. I 45.

139. Кб. barch «глупость, глупая мысль», barchnić «глупѣть, терпѣть головную боль», можетъ быть, образованы отъ корня *bъrks-, который болѣе часто употребляется безъ детерминатива -s-. Ср. Berneker EW. I 108. s. v. bъrkati.

140. Прасл. drę̀chlъ (дцс. дрѫхлъ «tristis», мр. дряхлúй «дрожащій, хилый», вр. дря́хлый) и drǫchlъ (рцс. дрѫхлъ, ср. также дп. s-drǫchnąć) Jokl ASPh. XXVIII 12, XXIX 44 весьма остроумно возстановляетъ какъ *drę̀gslъ > *drę̀kslъ, *drǫgslъ > *drǫkslъ, которыхъ корень *drę̀g- тождественъ съ корнемъ р. дрягáть «подергивать, дрожать». Что касается до s въ дцс. дрѫселъ «σκυθρωπός», дсх. drẽseo «мрачный» и с. dresę̀́, то оно возникло или изъ ch по закону Бодуэнъ де-Куртенэ (ср. Meillet Ét. 412, Berneker EW. I 223), или же (что̀, по нашему мнѣнію, и вѣроятнѣе) изъ сочетанія -ksk-, которое Jokl предполагаетъ въ глаголѣ *drę̀sknǫti и его причастіи *drę̀sklъ > drę̀slъ. Какъ бы мы ни относились къ этой гипотезѣ,—Berneker EW. ib. смотритъ на нее не безъ скептицизма,—все же мы должны признать, что она находится въ большемъ согласіи съ фактами, чѣмъ сближеніе Pedersen'a

IF. V 56 съ лт. drę̆sùs «дерзкій», гр. θρασύς «смѣлый» и др.-инд. dhr̥ṣ̌nuš «смѣлый, храбрый», или чѣмъ сравненіе Osthoff'a EP. I 163 съ лат. tristis, гр. δριμύς (< δρῑσμύς), или чѣмъ сопоставленіе Fick'a KZ. XXI 4 съ лт. drumstùs «мрачный». (ср. также Charpentier ASPh. XXIX 3), или чѣмъ комбинація Соболевскаго съ дремать и дрыхнуть, или чѣмъ новѣйшее словопроизводство Wood'a KZ. XLV 62 изъ корня *dhrens- (съ др.-исл. drasenn «вялый, косный», др.-англ. drōs «осадокъ» и пр. Къ литературѣ ср. еще Преображенскій ЭС. I 199 sq.

141. Прасл. lachъ (ч. lach «лоскутъ», п. ŀach, мр. лах), lacha (мр. ла́ха «изорванное платье»), lachoпь (р. лахонь «тряпье»), lachъma (р. лахма «лоскутъ»), съ одной стороны, и lochъ (п. діал. ŀoch «клочья, тряпки», мр. лох «Elaegnus hortensis»), lošь «плохой» (цс. лошь «vilis», б. лошь, сх. lȏš), lochoпь (р. ло́хонь «ветошь»), lochъma (р. ло́хма «ветошь»), lochъmotъ (р. лохмотъ «клочья, тряпки»), съ другой, конечно, не заимствованы изъ свн. lachen «полотно», какъ думалъ Karłowicz SW. 351 и за нимъ даже Преображенскій ЭС. I 473, но, согласно этимологіи Matzenauer'a CS. 235 и Solmsen'a KZ. XXXVII 580, могутъ отражать иде. чередованіе корней *lāks-: *ləks- «отдѣлять, рвать», ср. лат. lacer «разорванный», гр. λαχίς «лохмотье», гр. λάχος. Эту этимологію принимаетъ Walde EW². 403, но Berneker EW. I 686 соглашается признать ее вѣроятной лишь съ той оговоркой, что *lok-: *lāk- были вытѣснены новѣйшими т. н. «свободными образованіями» *loch-: *lach-, хотя и не находитъ нужнымъ, вслѣдъ за Brückner'омъ KZ. XLIII 310, искать въ нихъ «сокращенія» имени lata: по его мнѣнію, слав. *loch- представляетъ скорѣе подобное «сокращеніе» того корня *lăs- (ср. дат. и нрв. *las «лохмотья» и пр.), изъ котораго выводилъ наши слова еще Matzenauer LF. IX 186. Но если иде. яз. зналъ и корень *lăs- и корень *lak-, то оба они могли вступить въ контаминацію между собой, въ результатѣ которой возникло, съ одной стороны, *lăks- > слав. *lach-, а, съ другой стороны, *lăsk-, откуда лт. lāskana «лохма» и р. лоск-утъ (ср. Буга РФВ. LXVII 242). Отсюда видно, какъ далекъ былъ отъ истины Погодинъ Слѣды 734, когда разлагалъ послѣднее имя на loch + skutъ. Что касается р. діал. лахудрый «ра-

стрепанный, оборванный», то о немъ недавно возникла цѣлая полемика: въ то время какъ Обнорскій РФВ. LXXII 380 sq., LXXXIII 347 sq. относитъ его сюда же, разлагая на лох-кудрый, Марковъ РФВ. LXXIII 101 sq. стоитъ за его финское происхожденіе. Изъ финскаго же языка послѣдній выводитъ р. діал. (твр.) лоха «дура, простофиля» и произведенное отъ него на р. почвѣ лашу́ня «дурачокъ, юродивый».

142. Прасл. luna (дцс. **лоуна** «luna», б. луна́ «веснушка», сх. lúna «čovjek, koji so rodi u marčanoj svijeći [luni] da prije nego je kršten prijegje preko njega mačka ili druga kakova pogana životinja», с. lúna «luna», ч. luna «пламя огня», дп. luna «luna», мр. луна́ «отблескъ», р. луна́) обыкновенно производится отъ иде. *louksnā и сравнивается съ др.-пр. lauxsnos pl. «созвѣздіе», ср.-ирл. luan «созвѣздіе», лат. lūna, гр. λύχνος, ав. raoxšna- «блестящій», п. raoxšnā f. «свѣтъ», ср. Fick I⁴. 534, KZ. XVIII 416, Brugmann Gr. I § 911, Zupitza GG. 134, Pedersen IF. V. 66, Trautmann Altpr. Sprachdenkm. 370, Walde EW². 446, Berneker EW. I 745, Преображенскій ЭС. I 477. Впрочемъ, фонетически, вполнѣ возможно вывести luna и непосредственно изъ *luknā, ср. Fick I⁴ 534, Mikkola BB. XXII 245, Vondrák VSG. I 359 и особенно Krček Grupy 82.

143. Прасл. lichъ (дцс. **лихъ** «превышающій мѣру, излишній, дурной, нечетный», б. лихъ «своенравный, злобный, лихой», сх. lȉh «нечетный», с. lîh «нечетный», ч. lichý «нечетный, лукавый, пустой», вл. lichi «голый, свободный», п. lichy «плохой, бѣдный, нечетный», р. лихъ «нечетный, лишній, безполезный, дурной»), п. lišiti (дцс. **лишити**, б. ли́шѣ «хитрю», сх. lȉšiti «отнимать», с. líšiti, ч. líšiti «портить», п. liszyć «отнимать», мр. лишити «покидать», р. лишить) восходятъ къ иде. корню *leiqⁿs- «оставлять, покидать», ср. лат. linquere, гр. λείπω, λείψανον «остатокъ». Ср. Pedersen IF V 60, Berneker EW. I 718. Правда, нѣкоторые лингвисты (ср. Matzenauer LF. IX 204, Miklosich EW. 169, Vondrák VSG. I 357, Эндзелинъ Эт. 52, 198, Преображенскій ЭС. I 460) отдѣляютъ lichъ въ значеніи «дурной» отъ lichъ въ значеніи «излишній» и сближаютъ первый съ лт. lẽsas «тощій», но едва-ли съ достаточнымъ основаніемъ: вѣдь понятіе «излишка» можетъ

имѣть не только положительный, но и отрицательный смыслъ, и потому идея «дурного» могла развиться здѣсь также легко, какъ и идея «нечетности».

Въ виду р. лихо-имство, лихо-датель и т. п. весьма правдоподобна мысль Matzenauer'a CS. 56 и Mladenov'a Герм. елем. 75, что отъ имени lichъ образованы, между прочимъ, дцс. **лихва** «τόκος», б. лихва, сх. lȉhva, с. lȉhva, ч. lichva, вл. lichwa, п. lichwa, р. лихва́, которыя обыкновенно (въ послѣдній разъ Berneker'омъ EW. I 717 и Преображенскимъ ЭС. I 459) выводятся изъ гт. leihƀa (ср. leihƀan).

Не лишена также извѣстнаго правдоподобія гипотеза Berneker'a EW. I 724 (ср. также Горяевъ ЭС. 189, Преображенскій ЭС. I 460), что съ именемъ lichъ родственно б. ли́шяй «impetigo», сх. lȉšaj, с. lȉšāj, ч. lišej, п. liszaj, р. лиша́й; вл. lišawa «лишай»; б. ли́ший и т. п.: лишаи могли получить такое названіе по своему разрушительному дѣйствію на кожу.

144. Цс. **мошьна** «πήρα», ч. mošna, р. мошна́; сх. mȍšnje «scrotum», с. mȍšnja «кошель, мошонка», р. діал. (пск., твр.) мошня́; сх. mòhuna «стручокъ, оболочка, мѣшочекъ», máhuna id. мы сопоставляемъ, вслѣдъ за Matzenauer'омъ CS. 60, со сканд. smockr «tubus, vagina», шв. smog, и вслѣдъ за Бугой РФВ. LXVII 243,—съ лт. mākšt̃s pl. «ножны», лтш. maks «мошна». Объ эти этимологіи можно объединить, если предположить, что и сканд., и слав., и балт. слова образованы отъ корня *mok-s-. Во всякомъ случаѣ, mošьna (какъ и образованное отъ него р. мошенникъ) не могло быть заимствовано изъ бав. mosche «корзина», какъ полагали одно время даже Miklosich EW. 203 и Vondrák VSG. I 355. Ср. Преображенскій ЭС. I 564.

145. Прасл. pachъ (вл. pod-pach «подмышка», р. пахъ «id., сгибъ лядвеи внутри») и pacha (п. pacha «подмышка», мр. паха́) Pedersen IF. V 49, 60 и, вѣроятно, за нимъ Uhlenbeck Ai. EW. 162 выводили изъ корня *pāqs-, сближая первое слово съ др.-инд. pājasyàm «брюшная область, ягодица». Эта этимологія блистательно подтверждается формами съ детерминативомъ -g-, нерасширеннымъ s, ср. вл. pod-paha = pod-

pachа и ч. paží, paždí. Послѣднія формы Brückner KZ. XLIII 309 считаетъ даже единственно-исконными, въ pachъ же и pachа онъ видитъ позднѣйшія сокращенія нефонетическаго характера. Но такъ какъ громадное большинство такихъ сокращеній наблюдается лишь въ области уменьшительныхъ и увеличительныхъ именъ, въ именахъ же pachъ и pachа даже самая пылкая фантазія не отыщетъ ничего подобнаго, то едва-ли берлинскій профессоръ находится на вѣрномъ пути. Но то же слѣдуетъ сказать, въ виду *pachъ, и объ гипотезѣ Преображенскаго, что пахъ относится къ группѣ пахнуть, пахáть и пр. «Значеніе или отъ паховыхъ железъ (ср. пухнуть), или же отъ колебанія мышцъ на бокахъ при сильномъ дыханіи (ибо пахами называютъ также мягкое пространство на бокахъ къ низу отъ реберъ); ср. выраженіе (сѣвск.) о часто и сильно дышащей лошади: «пахами водитъ». Что касается до гипотезы Потебни Эт. III 85 и Prusík'a KZ XXXV 601 о родствѣ pachъ съ др.-инд. pásas, гр. πέος, лат. penis, то ее приходится отвергнуть уже изъ фонетическихъ соображеній.

146. Прасл. plachа (цс. плаχа «segmentum», сц. plachа, р. плаха «доска»), plachъta (сх. plâhta «платокъ или покрывало изъ грубой ткани», ч. plachta, вл. płachta, п. płachta, р. плáхта), съ одной стороны, и прасл. plochа (ч. plochа «плоскость»), plochъ (ч. plochý «плоскій», п. płochy, р. плохóй «дурной»; с. s-ploh «вообще»), plošь (цс. ино-плошь «continuo», р. плошь «хуже», с-плошь), съ другой, отражаютъ иде. чередованіе гласныхъ въ корняхъ *plāks-: *pləks-, восходящее къ еще болѣе древнимъ *plāgs-: *pləgs < *pelāgs-: *peləgs-, ср. двн. flah «плоскій, гладкій», лат. plăga «сѣть», гр. πλάξ «плоскость», πέλαγος «открытое море». Ср. Брандтъ Доп. зам. 131, Persson Zur Lehre 22, 220, Prellwitz EW². 357, Walde EW². 587. Слѣдовательно, отношеніе plachъ и plochъ вполнѣ аналогично отношенію разсмотрѣнныхъ выше lachъ и lochъ (см. § 141). И такъ какъ послѣднія возникли контаминаціей корней *lās- и *lāk-, то можно думать, что и корень *plăgs- представляетъ собой продуктъ контаминаціи корней *plāg(k)- и *plās-. И подобно тому какъ первая пара въ результатѣ контаминаціи могла давать не только *lāks-, resp. *ləks-, но и *lāsk-,

resp. *ləsk-, и два другіе корня, при скрещеніи, порождали не только *plāgs-, resp. *pləgs-, но и *plāsk-, resp. *pləsk-. Къ послѣднимъ двумъ разновидностямъ корня я и возвожу, съ одной стороны, ч. plaský «плоскій», п. płaski, мр. плаский, а, съ другой, дцс. плоскъ «πλατύς», б. плóсъкъ, сх. plȍsan, с. plôsk, ч. ploský, р. плóскій; с. plǫ̂ska «плоскость», plǫ́šča; цс. площадь f. «πλατεῖα», с. ploščâd, р. площадь; ср. лтш. plaskains «гладкій», лт. plókščas (<*plāsk-tias) при б. плоча «доска», сх. plȍča, с. plóča; лтш. plakt «дѣлать плоскимъ», гр. «πλακίς» «скамья» и пр. (Prellwitz EW². 372 sq.). Формы съ детерминативомъ -g->-k- дѣлаютъ, слѣдовательно, излишней гипотезу Meillet Ét. 332 (ср. также Преображенскій ЭС. II 76), что ploskъ возникло изъ *ploths-ko-. Скорѣе къ корню *plāsk-, чѣмъ къ *plāt- (какъ думаетъ Преображенскій ib. 70 въ противоположность Miklosich'у EW. 249), относятся и дцс. плащь «χλαμύς», сх. plâšt, с. plâšč, ч. plášť, вл. płašč, п. płaszcz, р. плащъ; почти несомнѣнно можно утверждать это про п. płaszczyca «блоха» при ч. ploštice, п. płoszczyca, р. площи́ца.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія «чередованія гласныхъ» всѣ эти разнообразныя и многочисленныя слова объясняются довольно просто, и потому слѣдуетъ лишь удивляться, что такъ часто являлись охотники ловить среди нихъ заимствованія изъ другихъ языковъ. Такъ поочередно были объявлены заимствованіями (изъ нѣм. flah) placha, plachъta (Miklosich EW. 248, Преображенскій ЭС. II 70), plochъ (Vondrák VSG. I 355); даже несомнѣнно образованная отъ послѣдняго р. плошка (<plošьka) выводится то изъ двн. flaska (Преображенскій ib. 78), то изъ Flasche (Фасмеръ Эт. III, 153). Преображенскій ib., соблазненный примѣромъ Pedersen'а IE. V 56, пошелъ даже такъ далеко, что р. плохой готовъ считать полонизмомъ, вытѣснившимъ исконное *полохой при уцѣлѣвшемъ пóлохъ.

147. Послѣднее имя дѣйствительно находится въ родствѣ съ plochъ, хотя и не въ столь близкомъ, какъ думаетъ Преображенскій. Дѣло въ томъ, что законы иде. чередованія гласныхъ вполнѣ допускаютъ возможность чередованія базы *pelāg-: *peləg- (ср. вышеупомянутое гр. πέλα-

γος) съ базой *pelg-. А если такъ, то ничто не можетъ мѣшать намъ думать, что одновременно съ корнями *plāgs- > *plāks- > *plāch-, *pləgs- > *pləks- > *ploks- > *ploch- возникъ и корень *polgs > *polks-, *polch-, откуда дцс. плазъ «боязливый», б. плахъ, сх. plȁh «быстрый», с. plȁh «боязливый», ч. plachý «легкій, увертливый», п. płochy, мр. по́лохъ «смятеніе, ужасъ», р. поло́хъ «тревога, набатъ»; ч. pláchati «мыть»; х. s-plahnut «вымыть», с. s-pláhniti, ч. s-pláchnouti. Безъ расширенія -s- корень *polk- имѣемъ далѣе въ вл. płokać «мыть», п. płokać, мр. поло́кати «мыть». Но инослав. параллели: дцс. плакати «мыть», сх. plákati, с. plákati «мыть, рыдать», въ виду р. плакать и п. płakać, вѣрнѣе выводить изъ иде. базы *p(e)lāk- «бить», ср. лт. plakù «бью», двн. fluohhōn «проклинать», лат. plango, гр. πλήσσω и т. д. (ср. Hirt Ablaut § 286, Solmsen PBB. XXVII 367, Walde EW². 556, Преображенскій ЭС. II 66). Въ частности, существованіе корня *plāgs- прямо подтверждается ср.-ирл. lēssaim «сильно бью» (ср. Stokes IF. XXII 336), и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что онъ представляетъ собой контаминацію базы *p(e)lāg- и *p(e)lās-. Плодъ контаминаціи въ другомъ направленіи мы видимъ въ прасл. корнѣ *polsk-, отъ котораго образованы цс. пласкати «eluere», с. plȁskati «хлопать, хлестать, шумѣть», ч. plaskati, р. полоска́ть.

Какъ бы то ни было, но совокупность приведенныхъ образованій не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что первоначальное значеніе прасл. *polchъ было «забитый», и что уже изъ послѣдняго развилось значеніе «робкій, пугливый, боязливый». А если такъ, то нельзя-ли въ данную семью словъ включить еще сцс. плъхъ «glis», б. плъхъ «mus rattus», сх. pȕh «glis», с. pólh «соня, бѣлка», ч. plch, п. pilch? Крайняя пугливость этого животнаго могла послужить достаточнымъ поводомъ для такого названія, и эта мысль до извѣстной степени подтверждается р. полчокъ, въ которомъ трудно не видѣть только что констатированный нами чистый нерасширенный детерминативомъ -s- корень *polk-.

148. Прасл. *socha (цел. сохл «колъ, палка», б. соха́ «колъ, соха», сх. sòha «колъ, вилообразный кусокъ дерева, вилообразная вѣтвь», с. sóha ib., ч. socha «колъ, столбъ, пень; идолъ, дубина; руко-

ятка плуга; вилообразный кусокъ дерева, вилообразная вѣтка», вл. sokha «колъ, вилообразная палка», п. socha «плужный рѣзецъ; вилообразный кусокъ дерева, вилообразная вѣтка», мр. соха «столбъ, вилообразная подпорка; родъ плуга», р. соха́ «колъ, подпорка; палка; родъ плуга; вилообразная вѣтка») и sochъ (цс. по-сохъ «fustis», р. по-сохъ) Brugmann Gr[1]. I 444 сопоставлялъ съ др.-инд. śásāmi «рѣжу», но не объяснилъ при этомъ появленія слав. ch на мѣстѣ ожидаемаго s. Поэтому Pedersen IF. V 49 sq. предпочитаетъ сравнивать слав. соху съ лт. šakà «вѣтвь», др.-инд. śā́khā «сукъ». Въ семасіологическомъ отношеніи эта гипотеза не заставляетъ желать ничего лучшаго, но она имѣетъ тотъ недостатокъ, что не обращаетъ вниманія на отношеніе санскр. имени къ его синониму śaṅkúś «сукъ»: очевидное тождество его съ слав. sąkъ ib. какъ будто говоритъ въ пользу того, что kh въ др.-инд. śākhā непервоначально. Въ виду этого, вполнѣ понятно, что въ научной литературѣ не перестаютъ появляться новые опыты этимологіи слова. Такъ, Zubatý и Janko O prav. slov. 61 выводили соху изъ иранск. языковъ, а Meringer IF. XVII 117 старался произвести ее изъ двн. яз. (suohha); но какъ справедливо замѣтили Štrekelj ASPh. XXVIII 493 и Pedersen KZ. XL 177, это слово звучало бы въ такомъ случаѣ какъ *suky (ср. buky<buohha). Между тѣмъ, едва-ли можно считать случайнымъ то обстоятельство, что четыре лингвиста: Zupitza GG. 138, Uhlenbeck IF. XVII 93, Štrekelj o. c. и Persson Beitr. 140, независимо другъ отъ друга, пришли къ одному и тому же выводу,—что первоначально socha обозначала «рѣжущее орудіе», и что поэтому ея названіе съ успѣхомъ можетъ быть выведено изъ извѣстнаго корня *sek- «рѣжу» (ср. лат. secare и пр.): все различіе между ними заключается только въ томъ, что первый ученый возстановляетъ иде. форму сохи какъ *soksā, второй и третій — какъ *sǝksā, сравнивая при этомъ ее съ др.-сѣв. sax, двн. sahs «ножъ», лт. saxum, а четвертый на томъ же основаніи — какъ *sāksā. Въ частности, изъ слав. языковъ Štrekelj сюда же относитъ глаголъ sěkǫ и o-soka «carex acuta». Что касается семасіологической стороны нашего слова, то Š. изслѣдовалъ ее съ такой исчерпывающей полнотой, что едва-ли происхожденіе названія сохи отъ корня *sek- «рѣзать» можетъ теперь оспариваться на *этой* почвѣ. Ср.

Эндзелинъ Эт. 120. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть, что, не смотря на такія достоинства, гипотеза покойнаго словенскаго ученаго все еще не вполнѣ завоевала въ научной литературѣ права гражданства, и что понынѣ встрѣчаются въ ней убѣжденные сторонники этимологіи Pedersen'a (ср. Meillet Les dial. 90, Зеленинъ, Русская соха 21, Petersson ASPh. XXXV 357). Отдаетъ ей преимущество передъ объясненіемъ Š. и Brückner KZ. XLIII 311, хотя въ то же время тономъ непререкаемаго авторитета увѣряетъ, что socha есть не что иное какъ «Kurzform» къ *soka! Sapienti sat!

149. Прасл. strachъ (дцс. **страхъ** «terror», б. страхъ, сх. strȃh, с. strȃh, ч. strach, вл. trach, н. strach, р. страхъ) Jagić ASPh. I 394 сближалъ съ корнемъ *sъrch- «морозить» (ср. § 121), но послѣдній, какъ принадлежащій къ корнямъ типа tъrt, лишь насильственно можетъ быть сближаемъ со strachъ. Въ 1877 г. Geitler Ø kmenech na u 88 выводилъ strachъ изъ *strak-s-, сближая съ лт. strõkas «поспѣшность», не смотря на то, что значеніе послѣдняго очень мало напоминаетъ смыслъ славянскаго имени. Болѣе близко въ семасіологическомъ отношеніи къ слав. strachъ лат. strāgēs «поверженіе на землю», съ которымъ сопоставилъ наше имя Pedersen IF. V, 49, 60, возводя его къ иде. *strāgsos. Съ этой этимологіей соглашаются Walde EW². 743 и Charpentier ASPh. XXIX 9, отдающіе ей рѣшительное предпочтеніе передъ попыткой Jokl'я ASPh. XXIX 28 связать слав. strachъ съ лат. terreo: Walde подчеркиваетъ, что убѣдительности гипотезы Jokl'я мѣшаетъ отсутствіе s mobile въ семьѣ лат. глагола. Нѣсколько иначе посмотрѣлъ на интересующее насъ слово Brückner KZ. XLIII 309: онъ признаетъ его за «Kurzform» къ strastь (вродѣ Pech къ Petr, Stach къ Stanisław и пр.). Но откуда возникла сама страсть? B. не отвѣчаетъ. Кромѣ того, какъ справедливо замѣтилъ Эндзелинъ Эт. 70, «страхъ по своему значенію не подходитъ подъ категорію тѣхъ «Kurzformen», про которыя самъ B. говоритъ l. c. 303: «Es sind Vertraulichkeit- (Kose-) und Grobheitsformen, Formen mit augmentativem oder peiorativem Nebensinn». Поэтому, самъ Э. предпочитаетъ объяснять страхъ иначе: онъ именно думаетъ, что оно возникло изъ *strāksos, гдѣ k есть звукъ вставной; совер-

шенно случайно это k отсутствуетъ, по его мнѣнію, въ лтш. struôstît и struostêt «stark verwarnen» (ср. р. стращать). Но гдѣ другіе примѣры подобной вставки k въ прасл. яз.? Э. только *обѣщаетъ* привести ихъ въ другомъ мѣстѣ!

Лучшая этимологія имени strachъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, Persson'у Beitr. 450. Указывая, что Pedersen'ово сближеніе этого слова съ лат. strāgēs не выдерживаетъ критики ни въ семасіологическомъ, ни въ формальномъ отношеніи, — въ послѣднемъ отношеніи потому, что имя *strāgēs- не имѣетъ ничего общаго съ основами на -s-, отъ одной изъ разновидностей которыхъ, именно *strāgs- выводится strachъ,—знаменитый шведскій лингвистъ возстановляетъ исконную форму слав. имени какъ *strōgs-, гдѣ *strōg- есть высшая ступень корня *strēg- «starren», точнѣе его базы *sterēg-. Въ качествѣ наиболѣе вѣроятныхъ иноязычныхъ параллелей къ нему въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ приводитъ слѣдующія слова: англо-сакс. strec «оцѣпенѣлый, крѣпкій, упрямый, строгій», снн. strack «выдающійся, крутой, упрямый», двн. strach «растянутый, прямой», лт. stregti «оцѣпенѣть, превратиться въ ледъ» и нѣк. др.

Если эти комбинаціи справедливы, — а возразить противъ нихъ что нибудь трудно, — то первоначальное значеніе имени «страхъ» было бы «остолбенѣніе, оцѣпенѣніе».

150. Отъ той же базы *st(e)rēg-s-, но уже не въ переносномъ ея значеніи, а прямомъ, можетъ быть, образовано также прасл. strěcha (цс. стрѣха «στέγος» б. стрѣха, сх. strȅha, с. strȅha, ч. střecha, вл. třecha, п. strzecha, р. стрѣха́): ея основнымъ значеніемъ, слѣдовательно, было бы «то, что торчитъ, то, что выдается», «навѣсъ» и т. п. Но, какъ мы видѣли выше, strěcha можетъ быть толкуема и иначе (§ 10).

151. Происхожденіе прасл. šestь «6» (дцс. шесть, б. шесть, сх. šȅst, с. šȅst, ч. šest, вл. šěść, п. sześć, р. шесть), послѣ изслѣдованій о немъ Zupitz'ы BB. XXV 94 и Эндзелина Эт. 46 sq., можетъ считаться въ значительной степени выясненнымъ. Какъ мы думаемъ, эти лингвисты вполнѣ убѣдительно показали, что въ иде. яз., кромѣ *sụeks «6», слышался дублетъ *ksụeks, къ которому и восходитъ прасл. šestь.

Во всякомъ случаѣ, эта гипотеза не заставляетъ проходить нашу форму столь длинный и сложный путь, какъ этимологія Pedersen'a IF. V 77 (ср. также KZ. XXXVIII 229), который предполагаетъ, что прасл. *sestь (<иде. *sqeks-) перешло сначала въ *seštь въ силу диссимиляціи съ послѣдующимъ t, затѣмъ *seštь измѣнилось въ *šeštь уже вслѣдствіе ассимиляціи начальнаго s š, пока, наконецъ, изъ *šeštь обратной диссимиляціей не получилось *šestь! При дуализмѣ иде. формъ *sqeks и *ksqeks (который, кстати сказать, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ кимр. chvech «sex» и гр. ξέστης «sextarius»), отпадаетъ необходимость, какъ вѣрно замѣтилъ Э. ib., вмѣстѣ съ Kretschmer'омъ KZ. XXXI 419 и Brugmann'омъ Gr². I § 826, объяснять š въ вост.-иде. языкахъ семитическимъ вліяніемъ (ср. евр. šeš «6»). Къ литературѣ вопроса ср. еще Schmidt KZ. XXV 121, Hübschmann KZ. XXVII 105, Saussure MSL. VII 73, Brugmann Gr². II, 2, 17, Petersson Studien zu Fortunatovsregel 112.

152. Мр. тахнути «медленно угасать, чахнуть, худѣть» мы производимъ отъ *tāksnǫti, т. е. видимъ въ немъ расширенный детерминативомъ -s- корень *tāk-; ср. гр. τήκω «таю», ταχερός «рыхлый, тающій», τηκεδών «исхуданіе, разложеніе» (Walde EW². 759). Слѣдовательно, мр. тáхнути совершенно напрасно приводится Jokl'емъ ASPh. XXIX 38 въ качествѣ подтвѣрженія его закона диспалатализаціи носового сопанта передъ согласными. Повидимому, J. былъ сбитъ съ толку той совершенно ошибочной этимологіей глагола тухнуть, которую предложилъ Pedersen IF. V 57, вслѣдъ за Брандтомъ Доп. зам. 172: оба ученые думаютъ, что tǫchnǫti находится въ родствѣ съ лт. tamsà «мракъ», но, какъ показалъ Osthoff EP. I 357, безъ достаточнаго основанія: вѣдь слово tǫchnǫti невозможно отдѣлять отъ пр. tussise «да замолчитъ», tusnan «тишина», др.-инд. túṣyati «успокаивается». Къ схожему мнѣнію, какъ мы видѣли выше (§§ 55, 65, 87), пришелъ и Буга РФВ. LXVI 252[1]).

---

1) Переходъ ks > ch наблюдается иногда и во флексіяхъ, ср. цсл. рѣхъ изъ *rěksъ, тѣхъ изъ *těk-sъ и т. д.

ОТДѢЛЪ II.

Звукъ ch изъ иде. kh.

А) Корни незвукоподражательнаго происхожденія.

153. Прасл. chabiti «схватывать». Оно засвидѣтельствовано двумя славянскими языками: дп. o-chabić «овладѣть» и др.-р. хабити; въ совр. р. яз. сюда же относятся глаг. о-хаба́нивать «захватывать съ жадностью» и сущ. о́-хабень «верхняя крестьянская одежда, зипунъ; сарафанъ, юбка», но послѣднее слово было извѣстно и въ старину, обозначая «верхнюю долгую одежду, съ прорѣхами подъ рукавами и съ четвероугольнымъ откиднымъ воротомъ». Но такъ какъ изъ понятія «схватывать» могло легко развиться значеніе «овладѣвать», а изъ послѣдняго,— особенно въ соединеніи съ извѣстными префиксами, — «воздерживаться, отстраняться», то едва-ли имѣлъ право Berneker EW. I 381 выдѣлать въ особую рубрику еще слѣдующія образованія: цс. **хабити сѧ**, **о-хабити сѧ** «abstinere», о-хаба «полное обладаніе», сх. діал. hábati se «остерегаться», hábati «обращать вниманіе», с. hábati, hábiti «щадить», hábati se, hábiti se «чего-либо остерегаться, отъ чего-либо воздерживаться», ч. o-chabiti «воздерживаться», мр. о-хаби́ти ся «воздерживаться, забыть, потерять что-н.» и др.-р. о-хабитися «удаляться, остерегаться». А такъ какъ изъ представленія «держащійся отдѣльно, особнякомъ» легко развивается, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (РФВ. LXXIII 300), значеніе «чванный, гордый», то число членовъ этой семьи словъ можно

увеличить еще однимъ—с. o-šâbən «гордый» (<*o-chēbьnъ). (Иначе, но едва-ли вѣрно объ этомъ словѣ Štrekelj ASPh. XXVII 43).

Лучшая этимологія chabiti sę «abstinere» etc. дана, по нашему мнѣнію, Младеновымъ Герм. Елем. 120. Отрицая, вмѣстѣ съ Štrekelj'емъ ib. и Berneker'омъ EW. I 381 и въ противоположность Uhlenbeck'у ASPh. XV 485, G.EW.² 68, Kluge Gr. Germ. Ph. I² 362, Hirt'у PBB. XXIII 342, Peisker'у Bez. 93 sq., Walde EW. 358 и др., всякую возможность заимствованія этого глагола изъ герм. яз. (гт. ga-haban sich «удерживаться» и пр.), М. совершенно вѣрно указываетъ, что разъ современная лингвистика принуждена была допустить существованіе въ иде. яз. двухъ параллельныхъ синонимическихъ корней *kăr- (лат. carere и пр.) и *ghăbh- (лат. habere и пр.), то признаніе третьей варіаціи *khāb(h)- (откуда слав. хабити) не можетъ заключать въ себѣ ничего особенно смѣлаго. Съ другимъ детерминативомъ -p- тотъ же корень сохранился еще въ слѣдующихъ образованіяхъ: на ступени -o- въ глаголахъ chopiti «схватывать» (ч. chopiti, вл. khopić, п. chopić, мр. хопи́ти, р. діал. хопи́ть) и *chopnǫti (п. chopnąć); на ступени ō (или ā ?) въ глаг. chapati (рцс. о-хапати, ч. chápati, р. хáпать); на ступени ē — въ сх. šâpa «лапа», с. šâp «горсть», šâpiti «ударять рукой», šâpniti и, быть можетъ, даже въ б. шáка «горсть», сх. šȁka и с. šáka, если только послѣднія три слова дѣйствительно возникли изъ *šaръka, какъ полагаетъ Štrekelj l. c. 67 sg.; наконецъ, чередованіе назалированныхъ корней *chǫp-: *chęp- имѣемъ въ цсл. хапати «схватывать», охѫпити «обнять» при сбг. шѭпа «горсть», б. шепа, которыя Š. ib., конечно, напрасно пытался вывести фонетически изъ вышеупомянутаго šapa. Что касается chǫpati, то одно время Petersson ASPh. XXXIV 347 считалъ его родственнымъ съ палійскимъ chupati «касается», но теперь (ib. XXXV 369) онъ отказывается отъ этой гипотезы и, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе вѣрно сравниваетъ слав. глаголъ съ арм. xumb «толпа, войско», выводя оба слова изъ иде. *khomp-. А такъ какъ понятіе «схватыванія» черезъ посредство понятія «схватываніе пищи» легко переходитъ въ значеніе «кусаніе», то коллекцію примѣровъ корня *khop- можно умножить еще дцс. хапати «кусать», б. хáпъ, с. hápiti, hâpati, п. chapnąć, а также цс. хопати, хопити id. При-

нимая же далѣе во вниманіе, что «прыгать» значитъ «быстро занимать или захватывать мѣсто», мы едва-ли бы рѣшились отдѣлять отъ перечисленныхъ образованій и мжм. «моментальнаго прыжка» choръ! (б. хопъ! сх. hȍp, с. hòp, п. chop!) и образованные отъ него глаголы chopati «прыгать» (б. хо́памъ, с. hǫ̑pati) и chopnǫti «прыгнуть» (б. хо́пнъ, сх. hȍpnuti, с. hòpniti, п. chopnąć). Впрочемъ, вмѣстѣ съ Berneker'омъ EW. I, 381, 384, 394 (ср. также Uhlenbeck IF. XVII 96), можно думать и наоборотъ, именно, что корни *chop- и *chob- представляютъ ономатопоэю[1]), но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться ни съ Kozlovski'мъ ASPh. XI 392, который выводилъ chopiti изъ иде. корня *x²aph-, ни съ Uhlenbeck'омъ ASPh. XV 485, который сравниваетъ chopiti «кусать» съ нвн. happen «schnappen», ни съ Matzenauer'омъ LF. VII 224, сближавшимъ chopiti «схватывать» съ свн. sappen id., ни съ Pedersen'омъ, который сопоставлялъ тотъ же глаголъ съ лат. habēre, гт. haban «haben» и даже съ арм. хар̓anem «препятствую» (IF. V 64, KZ. XXXVIII 394), ср. Эндзелинъ Эт. 121.

Что касается ч. chvapiti, то оно, очевидно, представляетъ контаминацію chapiti и chvatiti, о которомъ ср. § 167.

154. Отъ chabiti въ значеніи «схватывать, овладѣвать, обладать» слѣдуетъ отдѣлять то chabiti, которое имѣетъ значеніе «рѣзать (и слѣдовательно) портить». Ср. цс. хабити «портить», б. хаб'ъ, дсх. habiti, с. hábiti, сх. hȁbati, р. по-ха́бить, мр. о-ха́бити. Изъ понятія «надломленнаго, разбитаго» легко развилось значеніе «физически разбитаго, вялаго, слабаго» въ цс. хабленъ «жалкій», ч. chabý «слабый, вялый»; въ мр. яз. идея «слабости», въ приложеніи къ лошади, сообщила ея названію оттѣнокъ «клячи», ср. ха́ба, хабе́та, а въ отношеніи къ женщинѣ—оттѣнокъ «неповоротливости», ср. хабо́тя. Изъ глагольныхъ образованій сюда же относятся, конечно, с. o-chabȅti «ослабѣть» и ч. o-chabiti.

Впрочемъ, если принять во вниманіе, что въ переносномъ значеніи «рѣзать» значитъ часто «бранить, хулить», то сюда же можно будетъ

1) Хотя, конечно, гораздо болѣе древнюю, чѣмъ праслав. эпоха, къ которой относитъ ея возникновеніе Uhlenbeck l. c.

присоединить еще ск. hàbati «позорить», с. hábiti «сквернословить», вр. по-хáбить «ругаться», діал. (влг., смл.) хабáлить и далѣе — такія имена, какъ р. діал. (кур.) хáбила «бранчивая женщина», хабýня «наглая, бестыжая женщина», мск., ярсл. хабáлда «любовникъ», мр. хабáль «любовникъ», хабáльница «любовница», р. по-хáбство, по-хáбщина. На ступени -ē- тотъ же корень, можетъ быть, скрывается въ ювр. шабалá «пустомеля, болтунъ», шабáлдá.

Главныхъ представителей этой семьи словъ (chabiti, chabъ и пр.) Petersson ASPh. XXXV 365 недавно сопоставилъ съ гр. κωφός «тупой, безсильный» и арм. xaut‘ «слабый», выводя всѣ три слова изъ иде. корня *khēbh-: *khōbbh-: *khəbh-; сюда же онъ готовъ присоединить и лат. hebes «тупой», hebēre «быть тупымъ», при чемъ въ его ē видитъ результатъ «вторичнаго чередованія гласныхъ звуковъ». Но мы склонны думать скорѣй наоборотъ, что искони иде. яз. зналъ только чередованіе *khēbh-: *khēbh-: *khōbh-: *khōbh-, корень же *khəbh- (если только не смѣло его конструировать на основаніи одного лишь арм. имени) возникъ по аналогіи чередованія тяжелыхъ базъ.

Какъ бы то ни было, но первоначальное значеніе корня *khēbh-, какъ показываютъ классическія слова, было «рѣзать, обрубать». А если такъ, то мы получимъ нѣкоторое право считать его потомками еще слѣд. слав. слова: ч. діал. cháb «вѣтвь, прутъ», chabí «маленькія вѣтви», дп. chabie «кустарникъ»; ч. chabina «вѣтвь, прутъ», п. діал. и дп. chabina, мр. хабúна; дп. и діал. п. chabaź «сорная трава», мр. хабáз «хворостъ» и р. діал. (арх.) хабазúна «шестъ, колъ»; дп. и діал. chabuź «сорныя травы», мр. хабýз «хворостъ»; п. chaber, chabrek. Слѣдовательно, не правъ былъ Berneker EW. I, 380, 412, сближая большинство этихъ словъ съ именемъ choboть (§ 137), а послѣднія два — съ основой *charbo- (§ 161), будто бы измѣнившейся путемъ перестановки въ chabr-. Ср. Krček, Grupy 60.

Отъ понятія «сломанныхъ вѣтокъ», «хвороста» всего одинъ маленькій шагъ къ представленію «стараго лома» и вообще «всякой ветоши и хлама». Такое именно значеніе имѣетъ мр. хабóття «хламъ, лохмотье», съ которымъ, конечно, родственны р. (тб.) шéболы «лохмотья», (ряз.) шебалá, шабалá «лохмотья, щепенная посуда».

Наконецъ, при близости понятій «толкать» и «рѣзать», возможно, что перечисленнымъ словамъ сродни еще с. hábati «толкать», hábiti «толкать, хлопать крыльями, т. е. летать». Отъ habiti образовано с. же hába «крылья», а отъ послѣдняго — нарѣчіе hábno «поспѣшно». Слѣдовательно, Berneker EW I 380 не имѣлъ достаточнаго повода считать эти слова совершенно темными и ставить вопросъ объ ихъ иноземномъ происхожденіи. А о старомъ сближеніи Matzenauer'a LF. VII 217 глаг. chabiti съ гр. σαβάζω «разламывать» едва-ли стоитъ теперь и говорить.

155. Прасл. *choldъ (дцс. хладъ, б. хладъ, сх. hlâd, с. hlâd, ч. chlad, п. chlód, р. холодъ), по всей вѣроятности, относится къ иде. корню *khold-, котораго kh есть т. н. «Anlautvariation» къ иде. g (лат. gelidus, гт. kalts), ĝh (др.-инд. hlā́date «освѣжается») и k̂ (др.-инд. śiśiras «холодный», осет. sald «холодъ», лт. šáltas «холодный»), ср. Zupitza KZ. XXXVII 387, Младеновъ Герм. елем. 122 sq., Berneker EW. I 393. Попытка Козловскаго ASPh. XI 387 вывести *choldъ и др.-инд. hlādatē изъ одного и того же корня потерпѣла крушеніе изъ-за невозможности вывести др.-инд. h изъ гипотетическаго звука X^2, хотя бы Грюненталь Изв. XVIII, 4, 127 и ссылался для вящшаго подкрѣпленія сходства на р. про-хладъ и от-хлань. Но не болѣе удачны были попытки: Pedersen'a KZ XXXVIII 391, XL 179 вывести начальное ch прасл. choldъ, какъ и начальное š лт. šaltas, изъ иде. ks (ср. Berneker ib., Эндзелинъ Эт. 41), Uhlenbeck'a ASPh. XV 485, XVI 381, G. EW. 90 — непосредственно изъ гт. kalds (ср. Berneker ib., Младеновъ ib.) и Эндзелина Эт. 125 — изъ прагерм. *haldas. Послѣднія двѣ этимологіи особенно не вѣроятны. Неужели у славянъ могла когда-либо возникнуть нужда заимствовать у другихъ народовъ слово, обозначающее «холодъ»?!

156. Прасл. *cholstъ (цсл. хластъ «caelebs», р. холостой, мр. холóст «пустой», с. hlâst «виноградная лоза безъ ягоды») и *cholstiti «рѣзать» (мр. холости́ти «стуча вышелушивать», р. холости́ть). До послѣдняго времени происхожденіе этихъ словъ было крайне загадочно. Pedersen IF V 64 сопоставлялъ *cholstъ, равно какъ и *cholkъ (дцс. хлакъ «caelebs», др.-р. холóкъ), съ лат. solus изъ *ksŏl-, но послѣднее имя допускаетъ

и другія объясненія (ср. Walde EW² 723). Впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ этого сближенія, и сталъ выводить оба слова изъ корня *cholp- (ср. § 177). Но уже въ семасіологическомъ отношеніи подобное объясненіе возбуждаетъ большія сомнѣнія (Uhlenbeck IF. XVII 97). Напротивъ, фонетически не вѣроятна болѣе старая гипотеза Prusik'a KZ. XXXIII 157, по которой въ основѣ цсл. хлъстъ и хлакъ лежитъ иде. корень *selk- «рѣзать» (ср. гр. ὁλκός «Zug», лат. sulcus и пр.): вѣдь она оставляетъ открытымъ вопросъ, почему начальное s перешло въ этихъ словахъ въ ch. Ближе всѣхъ къ истинѣ подошли, по моему мнѣнію, Младеновъ Герм. елем. 123 sq. и Berneker EW I 395, которыхъ гипотезы взаимно дополняютъ одна другую. Именно Младеновъ совершенно вѣрно указалъ, что въ др.-инд. яз. имѣются слова khalatiṣ «лысый», khalvāṭas id., корень которыхъ, дѣйствительно, можетъ быть сродни съ *cholstъ и *cholkъ, но не потому, чтобы оба эти имени первоначально обозначали «безбородаго юношу», а потому, что исконное значеніе корня *khel- было «рѣзать, рвать». Изъ этого значенія легко выводится не только представленіе «лысаго» (черезъ посредство представленія «ощипанный»), не только значеніе «хромоты» (ср. др.-инд. khala-khalāyatē «дѣлаетъ хромымъ», khaṭa-khaṭāyatē id., skhálatē «спотыкается»), но и понятіе «кастрата», которое, какъ показываетъ р. холостить «оскоплять», было исконно и въ прасл. *cholstъ и прасл. *cholkъ (ср. Prusik ib.). Относительно перваго изъ этихъ словъ къ такому же выводу пришелъ и Berneker EW I 394, хотя промежуточнымъ этапомъ въ эволюціи его значенія онъ считаетъ не «рѣзать», а «бить, ударять» [1]). Но оба эти понятія такъ близки другъ къ другу, что спорить о томъ, какое изъ нихъ могло получить скорѣе значеніе «кастраціи», значило бы спорить о словахъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, ясно одно, что Berneker не имѣлъ серьезныхъ основаній отдѣлять отъ него абсолютно тождественное съ нимъ по смыслу и весьма схожее по звукамъ *cholkъ и, вслѣдъ за Schmidt'омъ Voc. II 139, Uhlenbeck'омъ ASPh. XV 485, Got. Wb² 72, Hirt'омъ PBB. XXIII 341, Schrader'омъ

1) Въ древности при кастраціи нерѣдко употреблялся такой пріемъ: били по члену до тѣхъ поръ, пока онъ не приходилъ въ воспалительное состояніе.

RL 665, Peisker'омъ Germania VIII 5 и др., считать его заимствованіемъ изъ гт. halks «χενός»: вѣдь между значеніями обоихъ словъ нѣтъ ничего общаго! Поэтому вполнѣ правъ Соболевскій РФВ. LXXI 444, когда онъ отрицаетъ возможность такого заимствованія, но, кажется, идетъ слишкомъ далеко, когда сближаетъ съ *cholstъ и *cholkъ не только pacholę- (§ 158), но даже *cholpъ (р. холопъ и т. д.), въ которомъ также видитъ прежде всего «раба-кастрата». То же основное понятіе во всѣхъ трехъ словахъ: *cholpъ, *cholstъ и *cholkъ констатируетъ и Oštir WS V 220 sq. Именно первое онъ возстановляетъ какъ иде. *kholpos «penis» (нѣм. halb «половина» и пр.), второе — какъ *kholp-kstós, гдѣ вторая часть слова находится въ родствѣ будто бы съ корнемъ *kes- «рѣзать», а третье — какъ *kholpkro-, гдѣ kro- восходитъ къ извѣстной базѣ *kere- «рѣзать»: изъ *kholpkro- посредствомъ ассимиляціи r предыдущему l возникло *kholpkl̥ъ и диссимиляціи обоихъ l *kholpkъ > *kholkъ > *cholkъ. Подобнымъ образомъ, изъ близкаго понятія «импотента» исходитъ Petersson Studien 112, сближая *cholkъ (< *xoldh-kъ) и *cholstъ (< *xoldh-to-) съ др.-инд. śaṇḍhás «евнухъ» и нѣм. selten. Но зачѣмъ прибѣгать къ такимъ сложнымъ до смѣшного конструкціямъ, когда *cholkъ можно объяснить гораздо проще какъ *chol- «рѣзать» + суффиксъ -kъ, а *cholstъ — какъ chol- + суффиксъ -sto-, обозначающій извѣстное «состояніе»? Слѣдовательно, послѣднее имя буквально значитъ «тотъ, кто находится въ состояніи оскопленія». Понятіе «обрѣзка, куска», вѣроятно, было также основнымъ въ р. холстъ, холстúна «грубая льняная ткань». Въ фонетическомъ отношеніи *chъlstъ (откуда и с. hust «cannabis degener», если только оно не возникло изъ hlast приравненіемъ къ chvost, какъ полагаетъ Štrekelj ASPh. XXVII 48 sq.) относится къ *cholstъ какъ низшая ступень къ высшей, а въ семасіологическомъ отношеніи представляетъ самую точную параллель къ chusta (см. выше § 133), *polt̥no «полотно» (корень *pel- «рѣзать»), и мн. др. названіямъ «ткани».

157. Если въ предыдущихъ словахъ корень *khel- «рѣзать» нѣсколько замаскированъ слишкомъ тѣснымъ сроществленіемъ съ формальными элементами, то въ другихъ онъ лежитъ, такъ сказать, на поверхности.

Это именно р. шелуха́ «скорлупа, кожура», шелуши́ть «лущить»; бр. шелупи́на; р. шо́луди (pl.) «сыпь по тѣлу, струпья», шолуди́вый, которыя недавно Petersson ASPh. XXXV 374 sq. вывелъ, — по нашему мнѣнію, вполнѣ удачно — изъ иде. базы *khelou-. Въ частности, это далоему возможность указать въ р. шелупинѣ весьма точную параллель въ гр. κέλυφος «кожура, скорлупа», возникшемъ, по всѣмъ признакамъ, изъ *χέλυφος по закону Грасманна. Низшую ступень корня *khĕl- Р. видитъ въ ч. šlupina, но оно скорѣе возникло контаминаціей lupina и нѣм. Schlaube.

Такъ какъ «рѣзать» очень часто значитъ также «дѣлать кривымъ» (ср. гр. σχάλις «вилы, крюкъ»), то едва-ли читатель упрекнетъ насъ въ смѣлости, если мы позволимъ себѣ включить въ семью перечисленныхъ словъ еще р. діал. шо́лымя «горка, возвышенная сторона гумна», др.-р. ше́лымя «насыпное возвышеніе, валъ». Какъ мы показываемъ въ другомъ мѣстѣ, эти слова не возникли фонетически изъ chъlmъ (дцс. χλъмъ «βουνός», сх. hûm, с. hȍlm, ч. chlum, вл. khoľm, п. chełm, р. холмъ), но представляютъ параллельныя образованія отъ высшей ступени того же корня *khel- + суфф. -ymę. Такимъ образомъ, вполнѣ подтверждается мнѣніе Младенова Герм. елем. 125, что этимологія имени chъlmъ, какъ названія «складки земной коры», совсѣмъ не нуждается въ гипотезѣ заимствованія изъ герм. языковъ.

158. Отъ корня *khel- «рѣзать» Petersson ib. 368 sq. отдѣляетъ однозвучный корень *khel- «дѣлать спокойнымъ». Его потомками онъ считаетъ гр. χαλάω «ослаблять», эолич. χολάω, χαλία «спокойствіе», эолич. ἄχολος «безпокойный» и даже σχολή «досугъ, занятія на досугѣ, школа». Изъ другихъ языковъ, кромѣ арм. χałaχ «спокойный, тихій», по его мнѣнію, сюда же относится вся семья славянскаго глагола cholіti, т. е. мр. холити «наряжать», р. хо́лить «нѣжить, баловать», далѣе р. хо́ля «чѣжное обереганіе», хо́ленъ «баловень»; вл. pa-choť «мальчикъ»; ч. pachole, п. pa-cholę; б. о-холъ «гордый», с. о-hȏl; б. о́-хо́ленъ «находящійся въ довольствѣ, довольный»; ч. chlácholiti «лелѣять». На ступени ō нашъ корень сохранился, вѣроятно, еще въ б. о-ха́ленъ «живущій въ довольствѣ, довольный», ч. o-chálebný «adulatorius» и р. на-ха́лъ. Слѣдовательно, невѣрно о послѣд-

немъ словѣ разсуждали Matzenauer LF. XI 348, Wiedemann BB. XXVIII 50, Iljinskij ASPh. XXIX 167, Berneker EW. I 393 и Соболевскій РФВ. LXXI 444.

Но этими словами потомство корня *khel- «быть спокойнымъ» не ограничивается.

Во-первыхъ, какъ явствуетъ изъ новѣйшихъ указаній Zubat'aго SF. III 199 sq., отъ chlácholiti и т. п. невозможно отдѣлять удвоенныя формы на низшей ступени корня—дч. o-che-chule, o-cho-chule «sirena, draco; кокетка», o-chechlati «льстить».

Во-вторыхъ, принимая во вниманіе, что «успокаивать» и «обуздывать», въ сущности, значитъ одно и то же, мы получимъ право цс. въсхластити «χαλινοῦν», о-хластати id. разложить на -*chъl-as-t-i-ti, гдѣ *chъl- есть низшая ступень изучаемаго корня, а -as- суффиксъ, несомнѣнно родственный суффиксу -ĭσ- въ гр. *χαλῐσνός > χαλῑνός «узда». Слѣдовательно, невѣрно послѣднее имя Petersson Studien 83 сближалъ съ др.-инд. ghāṭā «выйная связка». Что касается корня *chъl-, то существованіе его фактически подтверждается ссылкой на дп. o-chełznąć, o-chełstać «взнуздывать, укрощать», дп. chełzno «узда», мр. хóвстó, хóвстá «узда».

159. Разсмотрѣнному выше корню *chel- «рѣзать, дѣлать кривымъ» (§§ 156, 157) представляетъ во многихъ отношеніяхъ параллель синонимичный корень *cher-. Какъ показалъ недавно Petersson ASPh. XXXV 372 sq., именно отъ этого корня происходятъ не только др.-инд. khárjati «скребетъ, третъ», khṛgala «щетка», kharjú- «зудъ, скребня», др.-сѣв. harka «сгребать», голл. hark «грабли», но и р. хорь «тля платяная», діал. хоркать «мыть съ дресвой»; с. šáriti «копаться, рыться», р. шáрить, шáркать. Но на самомъ дѣлѣ число слав. потомковъ этого корня гораздо больше, чѣмъ думаетъ P. Такъ, отъ корня *char-, удлиненія *chor-, образовано мр. хáрити «чистить», хáрно «чисто, опрятно»; отъ нормальной ступени *cher- ведутъ начало р. діал. шера-ббрить «шарить», шерыкáть, а также бр. шóрхаць «шаркать», шорхнуць, если они образованы отъ основы *šer-ъch-; даже мр. шер-éпа «безобразная женщина», шер-еп-áтий «шершавый», шерпáтий, повидимому, отно-

сятся сюда же. Принимая же во вниманіе смыслъ мр. харно, мы, конечно, не преступимъ границъ научной осторожности, если въ семью нашихъ словъ включимъ еще ч. šer-ed-ný «чистый, опрятный» и дч. šer-eď, šer-ád, šer-ad-ný: вопреки Brückner'y KZ. XLV 313, эти слова, конечно, не имѣютъ ничего общаго со skaredъ или skarędъ. Дп. szaradność, przeszarzedny переносятъ насъ въ кругъ образованій удлиненной нормальной ступени *šar- (< *chĕr-). Кромѣ упомянутыхъ уже нами šariti и šar-ъk-ati, здѣсь можно еще упомянуть о р. діал. шара-бóрить «шарить», (череп.) шарóвить id., мр. шаруβáти «моя тереть мочалкой и пр.», бр. шархаць (конечно, изъ *šar-ъch-); п. szarpać «рвать, разрывать», мр. шáрпати, р. шáрпать «шарить» (изъ *šar-ър-). Напротивъ, отъ šar-ar-, кажется, образовано вр. шарапъ «условный грабежъ» (откуда извѣстная фамилія Шараповъ).

160. Но слав. языки сохранили еще одно въ высшей степени любопытное образованіе — отъ низшей ступени того же корня. Я имѣю въ виду прасл. назв. вида охотничьей собаки chъrtъ (б. хъртъ, сх. hr̂t, с. hr̀t, ч. chrt, вл. khort, п. chart, р. хортъ). Какъ я показалъ въ спеціальномъ этимологическомъ этюдѣ (РФВ. LXIX 22), это имя первоначально обозначало, — а въ р. яз. и теперь означаетъ — «короткошерстную собаку», въ противоположность густошерстному псу. И какъ послѣднее имя представляетъ низшую ступень отъ корня *pek̂- «шерсть» (ср. Iljinskij ASPh. XXXIV 11), такъ chъrtъ представляетъ низшую ступень корня *cher- «рѣзать, обрубать, дѣлать короткимъ». Подробности см. въ упомянутомъ этюдѣ.

161. А высшая ступень этого же корня + детерминативъ -b(h)- сохранилась, повидимому, въ прасл. *chorbrъ (дцс. храбьръ, храбъръ, б. хрáбъръ, сх. hrábar, с. hrábər, ч. chrabrý, вл. khrobly, п. chrobry, р. хоробрый). Еще Meillet Ét. 403 сопоставилъ это слово съ греч. κάρχαρος «острый» и др.-инд. kharas «твердый, острый«, и это объясненіе, безукоризненное само по себѣ, получаетъ особенную вѣроятность, послѣ того какъ Эндзелинъ Эт. 126 подкрѣпилъ его указаніемъ на морфологическую параллель въ видѣ лтш. skarbs «острый, строгій, суровый, задорный» и на семасіологическую въ видѣ лат. acer

«острый, энергичный, пылкій», а Младеновъ Герм. елем. 135 выяснилъ возможность параллелизма корня *khăr- съ иде. корнемъ *kăr- въ др.-инд. karkaras «твердый», гр. κάρκαρος и гт. hardus id. А если такъ, то были одинаково не правы и Горяевъ ЭС. 401, сопоставлявшій *chorbrъ съ др.-инд. sāra «твердость, крѣпость» и гр. ἤρως, и G. Meyer Alb. St. III 48, производившій его отъ гт. harwa- «herb», и Hirt PBB. XXIII 333, выводившій его изъ гт. þrafstjan «утѣшать, ободрять», и Berneker EW. I 397, задававшій вопросъ объ его звукоподражательномъ происхожденіи . . .

Въ заключеніе — два слова объ интересной діалектической формѣ chabry. Кромѣ дч. яз., она сохранилась въ дп. chabry и кб. геогр. названіи Chabrowo. Что въ образованіи ея сыграла роль не одна только диссимиляція плавныхъ (какъ думаютъ Brückner KZ. XLIII 42 и Berneker EW. I 396), но и другой факторъ — контаминація съ chabiti «хватать» (§ 153), это доказываетъ не только упомянутое дп. chabry (не *chobry!), но и въ особенности прар. *хвабръ (ср. вр. діал. хвабрый и мр. Фа́брий). Что касается свр. хорабрый, то оно возникло, повидимому, контаминаціей исконно-русск. хоробрый съ заимствованнымъ цсл. храбръ. Иначе и невѣрно, по нашему мнѣнію, о р. діал. варіантахъ Шахматовъ О полногласіи 78, 107 [1]).

162. Прасл. *chorna (цс. храна «пища», б. храна́, сх. hrána, с. hrána, ч. chrana «мѣсто убѣжища», дп. chrona «защищенное мѣсто», вр. хорóна «защита») и *chorniti (дцс. хранити «оберегать», б. хран'ы́, сх. hrániti «питать, кормить», с. hrániti «содержать, прятать», ч. chrániti «прятать, защищать», п. chronić id., мр. хорони́ти «сохранять, защищать, погребать», р. хорони́ть id.) до послѣдняго времени представляли крайне загадочныя образованія. Pedersen IF V. 65 и за нимъ Brugmann Gr.[2] I § 920 и Krček Gruby 59 сближаютъ ихъ съ гр. κτέρας «имущество, имѣніе» и, слѣдовательно, выводятъ изъ корня *kper-. Но эта этимологія не вѣроятна уже потому, что предполагаетъ, что значеніе «пищи» древнѣе

1) Возможно, что въ отдаленномъ родствѣ съ *chorbrъ находятся слц. charva «защита», charvati sa «защищаться».

значенія «охраны», чему противорѣчатъ противоположныя параллели въ другихъ иде. языкахъ (ср. Berneker EW. I 398). Напротивъ, въ фонетическомъ отношеніи неправдоподобны гипотезы Jagic'a ASPh. IV 528, Matzenauer'a LF. VIII 1 и Torbiörnsson'a LM. II 29, сравнивавшихъ chorna съ лт. šérti «кормить скотъ»; Kalin'ы PF. II 776, выводившаго наше имя изъ корня *kar- «быть твердымъ»; наконецъ, Miklosich'a EW. 89, Schmidt'a Voc. II 140 и даже Berneker'a EW. I 398, сравнивавшихъ съ ав. haraitē «защищается», haurvaiti «охраняетъ» и лат. servāre.

Между тѣмъ мы проплывемъ вполнѣ благополучно мимо всѣхъ этихъ подводныхъ камней, если, вслѣдъ за Petersson'омъ ASPh. XXXV 366 sq., возстановимъ первоначальную форму имени *chorna какъ *khord-na. Его корень *kher-, означавшій «оберегать, охранять», повторяется въ др.-инд. chardíš «защита, ограда», гдѣ *ch- представляетъ результатъ смягченія звука kh передъ слѣдующимъ иде. e> др.-инд. a. Полной убѣдительности этимологіи Р. мѣшаетъ лишь нѣкоторая спорность чтенія самого др.-инд. примѣра.

163. Исходя изъ того наблюденія, что въ составъ позвоночнаго столба у животныхъ входятъ «хрящи», Berneker EW. I 404 sq. выводитъ изъ звукоподражательнаго корня *chrob- (§ 178), между прочимъ, и прасл. chrъbьtъ (дцс. **хрьбътъ** «αὐχήν, cervix», б. хръбе́тъ «позвоночный столбъ», сх. hr̀bat «спина», с. hrb̀at, ч. chřbet id., дп. chrzbiet, мр. хребе́т, р. хребе́тъ), отъ котораго, разумѣется, нельзя отдѣлять также цс. **хрибъ** «холмъ», дсх. hrib, с. hríb, ч. chřib, затѣмъ цс. **хрибътъ** «становая кость», вл. khřibjet, п. chrzybet. Но, по нашему мнѣнію, гораздо ближе подошелъ къ истинѣ Petersson ASPh. XXXV 371, когда возстановилъ обѣ серіи формъ какъ *khrĭbh-: *khreibh-: и въ томъ и въ другомъ варіантѣ онъ видитъ расширеніе корня *kher-b- «быть твердымъ, сухимъ» (и мы бы сказали «острымъ»), съ которымъ мы уже ознакомились выше (§ 161) на примѣрѣ *chorbrъ. Если это такъ, то отъ chrъbьtъ можно не отдѣлять также сб. **хридъ** «скала», сцс. **хридъ**, сх. hrîd какъ возникшія изъ *chribdъ. Невѣрно поэтому Berneker EW. I 402 сближаетъ ихъ съ гт. dis-kreitan. Что касается

ч. hřbet и п. grzbiet, а равно ч. hřibet, то они возникли, по всей вѣроятности, контаминаціей корней *chrьb- и gъrb-. Уже поэтому Lorentz KZ. XXXVII 267 (и за нимъ Berneker EW. I 404) не имѣлъ права выводить первыя двѣ формы изъ *chr̥bьtъ фонетически черезъ посредство γr̥bьtъ, не говоря уже о томъ, что существованіе звука γ въ прасл. яз. совершенно не доказано.

164. Прасл. chajati (б. не хáйъ «не безпокоюсь о чемъ», сх. hȁjati «заботиться, безпокоиться о чемъ», с. hájati «заботиться, безпокоиться о чемъ») съ его Imp. 2 л. ед. ч. (ne)chaji (б. не-хай «пусть, пускай», п. nie-chaj, мр. не-хáй, хай «пусть, пускай») Berneker EW. I 382 сравниваетъ съ др.-инд. kṣ̌iṇā́ti, kṣ̌iṇóti «уничтожаетъ, губитъ», гр. φθίνω «уничтожаю», лат. sitis «чахотка» и т. п. формами, образованными отъ корня *kᵘþōi-. Слѣдовательно, онъ думаетъ, что первоначально chajati значило «мучить, чахнуть отъ чего», и уже изъ послѣдняго значенія постепенно образовалось значеніе «безпокоиться, обращать вниманіе». Но самъ же В. на скрываетъ отъ себя крайней проблематичности подобнаго рода объясненія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему условно отнести къ перечисленнымъ словамъ не только šajati (цс. о-шаꙗти «отстранять, воздерживаться», о-шавати «воздерживаться»), но и р. хáять «осуждать, хулить, порицать».

Намъ думается, однако, что есть возможность объяснить ne-chajat гораздо проще и, главное, не опираясь на проблематическій законъ перехода иде. kþ > ch, если мы сопоставимъ его съ др.-инд. глаголомъ khyāti «видитъ, смотритъ». Послѣдній глаголъ, по всѣмъ признакамъ, представляетъ образованіе типа др.-инд. hīyatē «оставляется, покидаться», т. е. представляетъ расширеніе корня *khēi- «видѣть». Его высшая ступень должна была звучать какъ *khōi-, а на слав. почвѣ какъ—*chaj-. Эту послѣднюю и содержитъ въ себѣ глаголъ chajati: значеніе «смотрѣть (а, слѣдовательно) и заботиться» въ немъ развилось такимъ же путемъ, какъ и въ его синонимѣ pasti, образованномъ отъ корня *peḱ- «смотрѣть» (лат. inspicio и пр.).

Такъ какъ тяжелыя базы еще въ иде. яз. иногда утрачивали передъ согласными свой неслоговой элементъ, то иде. *khō(i)-ti- на слав. почвѣ

должно было дать chati. Эта форма, дѣйствительно, и сохранилась въ с. ne-háti «перестать, оставлять», ч. ne-chati «оставлять, покидать, позволять», вл. nje-chać «не желать», н. nie-chać «оставлять, оставлять въ покоѣ», мр. не-ха́ти «не трогать». 2 л. Imp. отъ этого глагола по типу sta, da, ču и т. п. должно было бы звучать какъ *ne-cha, но оно дошло до насъ или въ акопированномъ видѣ, — ср. ч. ne-ch «пусть, оставь», вл. nie-ch «пусть», н. nie-ch, —или въ состояніи контаминаціи съ част. -ko (ср. фразы вродѣ иди-ко и т. п.),—ср. б. ne-ka, сх. nȅ-ka, ne-k.

Что касается формы o-chajati (чередующейся съ o-šajati), то она относится сюда лишь въ томъ случаѣ, если ея семасіологическая эволюція могла пройти путь: «осматриваться кругомъ; держаться осторожно, удерживаться; воздерживаться». Но р. хаяти навѣрное представляетъ звукоподражательное образованіе новѣйшаго происхожденія.

165. Ч. šurý «кривой, косой», šourý, п. szurny Petersson ASPh. XXXV 360 недавно остроумно сопоставилъ съ др.-инд. khora- «хромой»: значеніе «кривой» часто чередуется съ значеніемъ «хромой», что особенно ясно видно изъ примѣровъ, собранныхъ Lidén'омъ въ KZ. XL 262. Какъ и многіе другіе корни, и *khour- можетъ восходить къ двухсложной базѣ *kheuor-. Это даетъ возможность Р. присоединить сюда же не только ч. churavý «больной, худой» съ его производными, но и chvorъ (дч. chvorý «больной», совр. chorý, вл. khory, н. chory, мр. хво́рий, р. хворый), chyгъ (с. hȋr «чахотка»), chyra (п. chyra «болѣзнь») и chyrěti (б. хирѣ́йъ «болѣю», сх. -hirȅt, с. hirȅti), chyrati (п. chyrać «болѣть»). Слѣдовательно, прасл. chvorъ въ семасіологическомъ отношеніи такъ относится къ ч. šourý, какъ нѣм., напр., krank—къ англ. crank «кривизна». Во всякомъ случаѣ, обычную этимологію (Matzenauer LF. VIII 6, Pedersen IF. V 66, G. Meyer Alb. St. III 47, Berneker EW. I 409) имени chvorъ изъ ав. χvaга- «рана», двн. sueran «причинять боль» и т. п. слѣдуетъ отклонить какъ не объясняющую ch въ началѣ слав. слова.

166. Въ чистомъ, нерасширенномъ видѣ тотъ же корень *chū-, сохранился, по мнѣнію Р. о. с. 362, въ р. хивѝть «слегка волновать,

рябить воду». Если это такъ, то не случайно арх. хивóкъ «самый легкій вѣтерокъ» чередуется съ хилóкъ, хилинá, происхожденіе которыхъ отъ chyliti «наклонять» не подлежитъ сомнѣнію (ср. § 135). Принимая же во вниманіе, что изъ понятія «склонять» легко развивается понятіе «качать», «колебать» и вообще «двигать», мы не побоимся прибавить къ этимъ словамъ еще ч. chvíti «качать», п. chwiać, мр. хвїяти «склоняться къ чему, колебаться», др.-русс. хвѣятися «двигаться».

167. Прасл. chotěti (дцс. хотѣти «желать», сх. hòtjeti, с. hotěti id., мр. хотíти, р. хотѣ́ть), chotь (рцс. хоть «любовникъ, любовница», ч. choť «супругъ, супруга», п. choć «хотя», мр. хоть id., хіть «желаніе», вр. хоть «хотя») и chota (ч. o-chota «удовольствіе», п. o-chota, мр. хотá «страсть, желаніе», о-хóта «удовольствіе, желаніе, ловля», о-хвóта, р. о-хóта, о-хвóта), какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (ASPh. XXVIII 457, XXIX 168), восходятъ къ иде. корню *khu̯ət- (<*khu̯āt-), ср. гр. χατίς «желаніе»; слѣдовательно, въ семасіологическомъ отношеніи и слав. и греч. слова пережили тотъ же процессъ, что и, напр., лтш. gribė́t «желать», griba, которыхъ исконное значеніе было (какъ свидѣтельствуютъ лт. grẽbti «хватать», grìbšnis «рукоятка») «схватывать». Тотъ же корень *ch(v)ot-, но съ носовымъ инфиксомъ лежитъ въ основѣ имени chątь (ср. ч. chut f. «желаніе, склонность, вкусъ», п. chęć «желаніе, охота», мр. хуть «похоть», бр. хуць «хотя»). Другіе варіанты высшей ступени представляютъ: 1) корень *chut- (изъ *khōut- < *khou̯āt-) въ п. діал. chuć «желаніе, похоть», chutki «быстрый, ловкій» (которыя, вопреки Berneker'у EW. I 399, выводить изъ ч. яз. нѣтъ никакой нужды, ср. Brückner ASPh. XXIII 231, 234, IF. XXIII 236) и мр. хуткúй «ловкій, быстрый» и 2) šut- (< *khēut- < *kheu̯āt-) въ р. шустрый «бойкій, проворный» изъ šut-trъ, суффиксъ котораго тождественъ съ суффиксомъ прасл. bystrъ «citus» изъ *byd-trъ (Ильинскій, Zb. u slavu Jag. 291 sq.)[1]. Что касается низшей

1) Не относится-ли сюда также загадочное р. *шутъ* «потѣшникъ», съ которымъ ср. также с. šutəc «глупецъ»? Если—да, то основнымъ его значеніемъ могъ быть предикатъ «*ловкій*, ловкачъ». Подобнымъ образомъ, произведенный отъ него глаголъ *шутить* могъ первоначально имѣть значеніе «забавлять лов-

ступени нашего корня, то она въ слав. яз. имѣетъ два варіанта: 1) *chъt- въ chъtěti (дцс. **хътѣти**, б. шть, сх. ću, с. діал. ftèti, ч. chtěti, вл. chcyć, п. chcieć, мр. хтіти, р. хтѣть) и 2) *chyt- въ chytiti (др.-цс. **хытити** «хватать», сх. hȉtiti, ч. chytiti «хватать», вл. khicić «схватить», п. chycić, вр. по-хи́тить); chytati (дцс. -**хытати** «схватывать», б. хи́тамъ «спѣшу», сх. hȉtati «хватать, бросать; спѣшить», с. hítati «похищать, бросать», ч. chytati «хватать, ловить», п. chytać id., мр. хита́ти «шатать, качать»), chystati, по всей вѣроятности, возникшемъ изъ *chyt-st-ati (ч. chystati «приготовлять», п. діал. chystać, chistać «колебать, шатать»), chystiti (мр. хисти́ти «защищать, припрятывать»), chystъ (мр. хист «способность, дарованіе»), chystъkъ (мр. хистки́й «шаткій, хилый; гибкій; способный»); chytrъ (дцс. **хитръ** «ловкій», б. хи́търъ «умный», сх. hȉtar «быстрый, ловкій, лукавый», ч. chytrý «лукавый, быстрый», вл. chětry «разсудительный», п. chytry «лукавый», мр. хи́трий «лукавый, быстрый», р. хи́трый). — Наконецъ, такъ наз. «вторую» разновидность высшей ступени базы *kheu̯ā- содержатъ въ себѣ слова: chvatiti (дцс. **хватити** «схватить», б. хва́тъ, сх. hvátiti, ч. chvátiti, р. хвати́ть); chvatati (дцс. **хватати** «схватывать», б. хва́штамъ, сх. hvȃtati, с. hvátati, ч. chvátati, вл. chwatać, п. chwatać, р. хвата́ть) и chvatъ (б. хватъ «оханка; кулакъ какъ мѣра; сх. hvât «сажень», с. hvât, ч. chvať f. «спѣхъ», п. chwat «смѣлый, ловкій человѣкъ», р. хватъ id.). П. и р. хватъ нѣкоторые ученые (Гротъ ИИА. 1882, 7, Uhlenbeck ASPh. XV 486, Peisker Bez. 94 и др.) выводили изъ др.-исл. huatr «острый», но безъ всякаго основанія; ср. Štrekelj у Peisker'a ib., Зеленинъ ФЗ. XLIII 3, Berneker EW. I 407, Младеновъ Герм. елем. 126.

Съ нашей этимологіей прасл. chot-, въ основныхъ чертахъ, согласился уже цѣлый рядъ ученыхъ: Berneker EW. I 398, 399, 407, 414, Lang SF. III 109 sq., Brückner KZ. XLII 349, Mikkola UG § 81

кими движеніями». Во всякомъ случаѣ, слав. šutъ не имѣетъ ничего общаго съ нѣм. діал. Schôte, какъ думалъ одно время Štrekelj ASPh. XII 470. Еще болѣе произвольно этимологизируетъ Горяевъ ЭС. 427. За то весьма возможно, что отъ šut- образовано дп. szustać «обманывать», o-szust «обманъ» и с. pre-šustvo «прелюбодѣяніе», о которомъ ср. Pintar ASPh. XXVII 314 sq.

и др. Отсылая читателя къ исторіи вопроса въ нашей статьѣ въ ASPh. XXVIII 457, а также къ Словарю Бернекера, я здѣсь упомяну лишь о новѣйшей попыткѣ вывести chotěti изъ *ksotěti: ее сдѣлали, уже послѣ выхода въ свѣтъ нашего этюда, независимо другъ отъ друга Uhlenbeck IF. XVII 96 и Ehrlich Zur idg. Sprachgeschichte 33; оба видятъ въ *ksotěti перестановку изъ *(s)kotěti, причемъ второй сопоставляетъ нашъ глаголъ съ гт. skatts «имущество», гр. κτῆσθαι (<*(σ)κτῆσθαι) и др.-инд. kṣatra- «господство», а первый съ арм. xanɫ, корень котораго будто бы утратилъ подвижное s. Къ сожалѣнію, обѣ этимологіи игнорируютъ др.-русс. о-хвоту, ясно указывающую на родство формъ chotěti съ chvatiti и т. п. формами. Къ мысли о перестановкѣ skh- > khs- въ предкѣ глагола chotěti склоняется теперь и Persson Beitr. 305, хотя при этомъ и не даетъ его новой этимологіи; онъ только протестуетъ противъ сближенія съ chotь гр. χατίς, считая послѣднее болѣе близкимъ къ др.-инд. hā- «оставлять».

168. Р. шестъ, какъ мы показали уже въ спеціальной замѣткѣ, посвященной этому слову (РФВ. LXX 271), возникло изъ *šьd-tъ <*khĭd-to-, котораго корень *khĭd- находится въ родствѣ съ гр. σχίζω, лат. scindo и пр. Мнѣ очень пріятно констатировать, что къ совершенно тождественному выводу независимо, но *уже послѣ меня* пришелъ и Petersson ASPh. XXXV 360, ссылающійся, между прочимъ, еще на др.-инд. khidáti «рветъ, давитъ».

169. Прасл. šęgъ (р. шагъ), šęga (цс. **шага** «εὐτραπελία», б. шéга «шутка», с. ší̏ga «обычай, мода»); šęgati (цс. **шагати** «iocari», р. шагать); šęgavъ (дцс. **шагавъ** «εὐμετάβολος», с. šȅgāv «умный, хитрый, остроумный») Petersson ASPh. XXXV 359 sq. недавно остроумно сравнилъ съ др.-инд. kháñjati «хромаетъ», khañja «хромой», двн. hinken. Основное значеніе šęgati было «прыгать, скакать»; отсюда развилось, съ одной стороны, значеніе р. шагать, а, съ другой стороны, «шутить» въ цс. **шагати**. Слѣдовательно, послѣднее представляетъ прекрасную семасіологическую параллель къ нѣм. scherzen: др.-инд. kū́rdati «прыгаетъ», гр. σκαίρω «прыгаю».

170. Прасл. machati (сцс. **махати** «agitare», б. ма́хамъ, сх. máhati, с. máhati, ч. máhati, вл. machać, п. machać, р. махать), machnǫti (б. ма́хнъ, сх. máhnuti, с. máhniti, ч. máchnouti, вл. machnyć, п. machnąć, р. махну́ть), machъ (б. махъ «взмахъ», сх. mȁh «ударъ», с. màh «взмахъ, ударъ», ч. mách «маханіе», п. mach «быстрое движеніе рукой», р. махъ «взмахъ рукой, ошибка») Petersson сопоставляетъ съ гр. μάχεσθαι, μάχη и пр., возводя и слав. и гр. слова къ иде. корню *mă̄kh- «быстро двигаться туда и сюда, колебать, качать»; отсюда же онъ готовъ вывести ново-перс. maxīdan «двигаться, ползать» и др.-инд. *makhá- «веселый, распущенный». Если эти комбинаціи вѣрны, то придется отдѣлить machati и пр. отъ majati, manǫti и т. п. глаголовъ, съ которыми обыкновенно его сравниваютъ этимологи, и которыя несомнѣнно относятся къ тяжелой базѣ *mā-. Но возможно, что арійскія параллели не имѣютъ ничего общаго со слав. machati и гр. μάχεσθαι, тогда какъ первое слово можетъ относиться ко второму какъ корень *mākh- къ корню *məkh-, гдѣ -kh- есть, конечно, детерминативъ извѣстнаго корня *mā- «agitare». Что касается гипотезы Jokl'я ASPh. XXVIII 5, XXIX 223, что machati родственно съ męti «мять», то оно, конечно, не заслуживаетъ даже опроверженія, ср. Charpentier ib. XXIX 8.

171. Прасл. plěšь (цс. **плѣшь** f. «φαλάκρωμα», с. plȇš m., ч. pleš f., р. плѣшь) и plěchъ (вл. plech, кб. plech) еще Meillect Ét. 174 (ср. также Pedersen IF V. 53) возстановлялъ какъ *ploikho-, ссылаясь на лт. plìkas «лысый». Въ подтвержденіе этой этимологіи, Petersson ASPh. XXXV 358 sq. приводитъ теперь новую параллель— гр. πλιχάς «мѣсто между бедрами и половымъ членомъ, которое трется при ходьбѣ», πλίχος id. Его корень, кстати сказать, вполнѣ совпадаетъ съ корнемъ не только лт. plìkas, но и ч. plchý «лысый» (<*plьchyjь). Невѣрно, во всякомъ случаѣ, Brückner KZ. XLIII 309.

172. Прасл. rěšiti (дцс. **рѣшити** «solvere», б. раз-рѣ́шъ, отрѣ́шъ̑, сх. d-rijȅšiti, с. rȅšiti, р. рѣши́ть), какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (РФВ. LXIX 14), находится въ ближайшемъ родствѣ съ др.-инд. глаголомъ rikháti «чертитъ, рѣжетъ», двн. rīhan «reihen», лт. rȇkti «рѣзать», raikī́ti, а, въ частности, р. про-рѣ́ха не отдѣлима отъ

др.-инд. rēkhā́ «черта, полоса». Хотя эта гипотеза и встрѣтила сочувствіе нѣкоторыхъ ученыхъ (ср. Oštir WS. V 220), однако мы должны теперь признать, что ей нисколько не уступаетъ въ вѣроятности и та этимологія rèšiti, которую предложилъ недавно Persson Beitr. 842: по его мнѣнію, данное слово находится въ ближайшемъ родствѣ съ ав. raēša- «трещина», др.-инд. riṣyati «причиняетъ ущербъ», лтш. risums «трещина». Отсылая читателя за деталями къ упомянутой нашей статьѣ, мы должны представить ему на выборъ обѣ этимологіи, но должны въ то же время оговориться, что и иде. *reikh- и иде. *reis- представляютъ расширенія корня *rei-, и при томъ расширенія, чередующіяся со многими другими детерминативами, какъ это прекрасно показано въ упомянутой книгѣ шведскаго лингвиста (839 sq.).

173. Возможно, что отъ одного изъ двухъ корней *roikh- или *rois- образовано прасл. o-rěchъ (сб. o-rěxъ, с. ó-rèh, ч. o-řech, вл. wořech, п. o-rzech, р. орѣхъ); его исконное значеніе въ такомъ случаѣ было бы «то, что легко срывается съ дерева», ср. имя брусника (Berneker EW. I, 90, Преображенскій ЭС. I 47). Что касается лт. rẽšutis, то оно (какъ и др.-пр. -reisis и лтш. rẽksts), можетъ быть, образовано отъ параллельнаго корня *reiḱ-, ср. др.-инд. riśáti «рветъ, отрываетъ», гр. ἐρείκω и пр. Uhlenbeck ib., Ai. EW. 250, Prellwitz EW.² 154.

B) Корни звукоподражательнаго происхожденія.

174. Прасл. мжм. cha! cha! Оно сохранилось въ б. ха! ха!, сх. ha! ha!, с. ha! ha!, ч. cha! cha!, вл. kha! kha!, п. cha! cha!, р. ха, ха! Судя по тому, что въ другихъ иде. языкахъ этому мжм. соотвѣтствуютъ корни съ краткимъ ă — ср. двн. kachazzen «громко смѣяться», лат. cachinnāre, гр. καχάζω, арм. xaxanǩ «громкій смѣхъ», др.-инд. kákhati «громко смѣется», — можно думать, что въ слав. chacha- и образованномъ отъ него глаг. chachati (ср. вл. khakhać) мы имѣемъ дѣло съ его удлиненіемъ ā. Напротивъ, къ ă восходитъ коренной гласный въ прасл. choch-ot-ati (с. hohotáti «громко смѣяться,

хихикать; кипѣть — о водѣ», р. хохота́ть) и choch-ъt-ati (ч. chochtati «чихать, громко смѣяться»). Съ носовымъ инфиксомъ нашъ корень сохранился еще въ цсл. хоухнати (< *хѫхнати) «бормотать», с. hohnjáti «гнусавить» и свр. хухна́ть «хулить, хаять, капризничать», — въ образованіяхъ, почему-то отдѣленныхъ Berneker'омъ EW I 393, 400 отъ chochotati, хотя ихъ значенія совпадаютъ иногда съ абсолютной точностью, ср. др.-русс. по-хо́хнати «смѣяться».

Въ виду поразительнаго сходства славянскихъ образованій съ соотвѣтствующими формами другихъ языковъ, мы не раздѣляемъ мнѣнія Эндзелина Эт. 121, что всѣ они — новѣйшаго происхожденія. Ср. также Meillet, Les dial. 80.

175. Возможно, что тотъ же ономатопоэтическій корень *cho- (< инде. *khŏ- или *khă-) расширенъ формантомъ -k- въ б. хо́камъ «кричу, браню, зову» и б. ха́камъ «бросаю, обращаюсь въ бѣгство», мр. ха́кати «дышать жабрами», сх. hâk «дыханье». Другіе, чрезвычайно многочисленные примѣры расширенія этимъ детерминативомъ звукоподражательныхъ корней см. въ статьѣ Boranic'a «Onomatopejske riječi za životinje u slavenskim jezicima» (Rad. CLXXVIII 35 sq.).

176. Другой детерминативъ -z- расширяетъ корень р. глаголовъ хо́зать «стучать, колотить», хоза́ть «бить», хо́знуть «хлопнуть, грохнуть» и хо́зя «зѣворотъ». Сюда же относятся, конечно, свр. iterativa ха́зить «хаять, бранить», хази́ть «жить пышно, щеголять; нахальничать; важничать; бойко говорить» и имена хазъ «щеголь, нахалъ», хазу́нъ «тщеславный и надменный человѣкъ», хази́ла «неуклюжій», нар. ха́зомъ «нагло» и нѣк. др. Всѣ эти формы опущены въ словарѣ Berneker'а, но, конечно, — напрасно.

177. Древнее расширеніе звукоподражательнаго корня *chā- или *chō- представляетъ корень *chal- дошедшій до насъ въ многочисленныхъ слав. образованіяхъ. Въ наиболѣе чистомъ (въ формальномъ и семасіологическомъ отношеніяхъ) видѣ онъ сохранился въ качествѣ первой части сложныхъ словъ: с. hala-bûka «шумъ», hala-bûkati «шумѣть», hala-búčiti id.; ч. chala-bala, chaly-baly «ripsraps, schleuderisch»;

c. hala-bûra «шумъ, грохотъ»; р. діал. (пск., твр.) хала-бу́рда «растрата, разгильдяй», хала-бру́да id., хала-бру́й «большой нескладный мужчина»; р. діал. (пск., твр.) хала-мы́га «кто задѣваетъ за всякія вещи, когда ходитъ или что-либо дѣлаетъ». По всей вѣроятности, съ этимъ ха́ла тождественно то б. ха́ла, которое имѣетъ значеніе «буря, непогода; сильный, храбрый человѣкъ; быстрый, страшный; обжора», но ха́ла въ значеніи «дракона», извѣстное и сх. яз. (ср. hȁla), повидимому, взято изъ тур. яз. или гр., ср. Ивановъ, Изв. VIII, 4, 169.

На ступени -o- нашъ корень слышится далѣе въ р. хо́лка (<*хол-ък-а) «пучекъ гривы въ извѣстной части лошадиной шеи». Въ удвоенномъ видѣ онъ же повторяется затѣмъ въ ч. chochol «чубъ», п. chichoł, мр. хохбл, р. хохо́лъ. Всѣ эти формы, вѣроятно, получили свое названіе по тому шуму, который обыкновенно производитъ развѣвающійся пучекъ лошадиныхъ волосъ. Изъ иноязычныхъ параллелей мы сошлемся лишь на лтш. cekuls «чубъ» (ср. Эндзелинъ Эт. 126).

На низшей ступени корень *chъl- имѣемъ въ мр. хляти «ослабѣвать, упасть въ безсиліи», если только не вѣрнѣе производить его отъ разсмотрѣннаго выше *khel- «быть спокойнымъ» (§ 158); другая разновидность той же ступени *chel- > *šьl- сохранилась въ вр. шляться «шататься безъ дѣла».

На ступени -ē- корень *chel- сохранился въ р. сложныхъ словахъ: шала́-бала «повѣса; пустой, безтолковый человѣкъ», шала-бо́лить «шляться, шататься», шала-бо́лка «балаболка, праздная женщина», шала-бу́рда «ротозѣй» (ср. только что приведенное хала-бу́рда); шалому́тъ «баламутъ»; на ступени -e- — въ мр. шели́-хвіст «особая порода утокъ; вѣтреный человѣкъ».

Подобнымъ образомъ, прасл. именамъ *chaĭъ и chala соотвѣтствуютъ имена šaĭъ и šala. Первое мы имѣемъ, напр., въ сц. šȃl «обманъ», п. szaŕ «безуміе» и вр. шалъ ib., а второе — въ б. ша́ла «шутка», сх. šȁła, с. šȃla, п. szaŕa «бѣшенство»; отъ šaĭъ образованы б. ша́ĭъ «шучу», сх. šȃliti, с. šȃliti, ч. šáliti «обманывать», п. szalić «дѣлать безумнымъ», р. шали́ть. Весьма правдоподобно эти слова сравниваетъ Petersson ASPh. XXXV 368 съ арм. xaŕ «play, game, recreation, edstime, amusement, sport; joke» и гр. χαλίφρων «неразумный, легко-

мысленный», χαλιμάς «вакханка», χαλίμα «развратная женщина» и нѣк. др.

Кромѣ перечисленныхъ словъ, отъ корней *chal-, resp. *chol-, *chel- и *chĭl-, съ помощью разныхъ формантовъ и суффиксовъ, образовано еще не мало другихъ словъ, но изъ нихъ мы упомянемъ только слѣдующія.

Формантъ -оц- лежитъ въ основѣ с. halováti «шумѣть», а также мр. халáвкати «лаять»; послѣдній глаголъ представляетъ, вѣроятно, контаминацію *халовáти и хáвкати (<*chav-ъk-a-ti, см. ниже § 181). Сюда же относятся р. діал. (арх.) халовóй «шальной», б. шáлавъ «шалунъ» и р. діал. (прм.) шалáвый «шальной», ювр. шалáва id., шелáва id., шелявá id., (орб.) шелявá «неопрятная женщина», мр. шелевíло «непосѣда», шелевíти «шевелить» при глаголѣ халявить «грязнить». Формально эти слова близко подходятъ къ вл. kholowa «штанина», п. cholewa id., мр. холявá и вр. халявá (граф. вмѣсто холявá) и, быть можетъ, — не случайно: «сапожное голенище» (первое значеніе р. слова) и затѣмъ «штаны» могли получить свое названіе по тому «шуму», который они производятъ. Такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе, во-первыхъ, въ другихъ значеніяхъ р. холявá: «ротъ, хайло; неряха; вялый, сонный, лѣнивый; непотребная женщина» и особенно «озорница, ругательница»; во-вторыхъ, — въ первоначальномъ значеніи синонима холявы сапогъ, которое, какъ показалъ недавно Соболевскій РФВ. LXV 413, нельзя отдѣлять отъ sopĕlь и sopĕti и пр. Во всякомъ случаѣ, совершенно невѣрно объясняетъ chaljava Oštir WS V 221.

Значеніе «грязнить» р. халявить даетъ намъ нѣкоторое право присоединить къ перечисленнымъ словамъ еще вр. холýй, халýй «слуга, холопъ». Сначала это слово обозначало, вѣроятно, не столько слугу, сколько «человѣка, вообще имѣющаго дѣло съ соромъ, грязью, всевозможными отбросами». Только при такомъ предположеніи сдѣлается понятнымъ, почему въ мор. нар. cholŭj имѣетъ значеніе «хвороста», а въ вят. и прм. губ. холуй обозначаетъ «соръ, дрязгъ, наносимый весенней водой».

На низшей ступени корень *chъl- + формантъ -u-, по всей вѣроят-

ности, имѣемъ въ б. хлу́йъ «теку» и сцс. хлоуꙗти изъ *chъlujati: на ступени ′u тотъ же формантъ слышится въ п. діал. chlunąć «хлынуть» и мр. хлюнути id., а на ступени -у- въ мр. хли́нути и вр. хлы́нуть «потечь потокомъ». Едва-ли можно отдѣлять отъ послѣдняго и то вр. хлы́нить, которое имѣетъ значеніе «вяло, лѣниво ѣхать», и то хлы́нить, которое значитъ «мошенничать, плутовать». Рядомъ употребляются и именныя образованія: хлынь «грунь, рысца» и хлынъ «тунеядецъ, мошенникъ, праздношатающійся». При звукоподражательномъ характерѣ всѣхъ этихъ образованій, нѣтъ надобности выводить ихъ главныхъ представителей, вмѣстѣ съ Uhlenbeck'омъ ASPh. XV 485, Hirt'омъ PBB. XXIII 338, Meillet MSL. XI 173 и Peisker'омъ Bez. 94, изъ герм. flōjan, ср. Berneker EW. I 390, Младеновъ Герм. елем. 124.

Посредствомъ суфф. -ъk- образованы глаголы: вр. діал. (влгд.) ха́лкать «жадно ѣсть» (< *хал-ък-ати) и, можетъ быть, мр. хавкати (ср., впрочемъ, ниже § 181); ср. также арх. нар. ха́лко «сильно, шибко, бойко» и влгд. имя ха́лки «мялица».

Суффиксъ -ъg- лежитъ въ основѣ арх., сиб. ша́лга «большой лѣсъ» (изъ *šal-ъg-a), отъ котораго, конечно, нельзя отдѣлять свр. имена халы́га «халда» и шелы́га (а также шолыга, шалыга) въ значеніи «плеть, кнутъ, посохъ» и глаголы шелыга́ть «стегать, хлебать, трезвонить», шалыга́нить, шелыга́нить «повѣсничать, праздно шататься; обманывать». Родственные суфф. -ъg- суффиксы -ag- и -og- мы имѣемъ въ тмб. шалагай «повѣса, дармоѣдъ» и нвг. ша́лога «толпа шалуновъ». Совокупность всѣхъ этихъ образованій ясно указываетъ, во-первыхъ, на то, что не р. шолга (хоть бы только въ значеніи «поперечнаго шеста въ водѣ», какъ думаетъ Kalima RS. VI 80) заимствованъ изъ финск. salko, а, наоборотъ, это послѣднее заимствовано изъ перваго; во-вторыхъ, р. шалга не имѣетъ ничего общаго по происхожденію съ щегла (о которомъ ср. Ильинскій РФВ. LXXIII 297 sq.).

Нвг. ша́лога отчасти напоминаетъ своимъ значеніемъ вр. хол-оп-а́й «слуга, служанка», которому родственны шел-оп-а́й, шал-оп-а́й «рослый, нескладный человѣкъ; шатунъ, повѣса; рохля», шал-оп-а́нъ id., шал-ап-у́тъ id. Съ суфф. -ар- и -ор- чередуется суффиксъ -ер- въ мр. мжм., выражающемъ паденіе шел-еп! и вр. шел-еп-ъ «плеть, палка,

хворостина»; мр. шел-е́п-а «нерасторопный, тупой человѣкъ»; вр. ше́л-еп-ень «плеть, кнутъ; ударъ кнутомъ», шел-еп-у́га «кнутъ, пустомеля»; мр. шел-е́п-ати «брести, шлепать по грязи»; мр. шел-е́п-нути «упасть съ шумомъ» и р. (иск., твр.) шел-е́п-нуться «шлепнуться»; мр. шел-еп-о-тіти «шелестить», шол-о́п-ати «шуршать». На низшей ступени чередованія находится корень *chьl- въ вр. шлепать, шлепнуть изъ *chьl-ep-ati> šьl-ep-ati; *chьl-ep-nąti > šьl-ep-nąti; *chьl-ep-uga > šьlep-uga «плеть»; *chьl-ep-ot-ьje > шлепотье «хламъ». И другая разновидность низшей ступени *chъl- также нерѣдко соединяется съ формантами -ap-: -op-: -ep-. Я имѣю въ виду здѣсь такія образованія, какъ с. hlápati «хлопать», ч. chlapati id., п. діал. chłapać (< *chъl-ap-ati), сх. hlàpiti (< *chъl-ap-iti), сх. hlâp-nuti «хлопнуть», с. hlápniti id., hlániti, п. o-chłapąć «проглатывать» (<*chъl-ap-nąti). Во всѣхъ этихъ словахъ формантомъ является -ap-; формантъ -op- имѣемъ въ б. хло́памъ «стучу», с. hlópati «бить», мр. хло́пать «шумѣть, стучать» и вр. хло́пать (<*chъl-op-ati), въ сц. chlopiť «запирать», мр. хло́пити «захватывать духъ» и вр. діал. (прм.) хло́пить «лгать, врать» (< *chъl-op-iti), въ с. hlopotáti «плескать», мр. хлопота́ти «заботиться, безпокоиться» и р. хлопота́ть (< *chъl-op-otati), въ п. chłopąć «проглатывать», мр. хло́пнути «выпить залпомъ» и р. хло́пнуть «ударить» (< *chъl-op-nǫti). Далѣе на ступени -e- нашъ суффиксъ сохранился въ сх. hlèpjeti «жадно желать» (<*chъl-ep-ěti) и рцсл. **хлѣпътати** и ч. chleptati (<*chъl-ep-ъt-ati). Назалированные гласные -ę- : -ǫ- чередуются въ цс. **въсхлѧпати** «ἐπαιτῆσαι»: **хлѧпати** «προσαιτεῖν», (о которыхъ неточно Ляпуновъ Zb. Jag. 679). Наконецъ, удлиненіе отъ недошедшей до насъ низшей ступени нашего суффикса -ьр- -ір- видимъ въ цс. **хлипати** «рыдать», б. хли́памъ, id., с. hlípati «тяжело дышать, рыдать», ч. chlípati «быть надменнымъ», п. діал. chlipać «хлебать» (<*chъl-ip-ati), затѣмъ с. hlipěti «вѣять», ч. chlípěti «быть надменнымъ», сц. chlipeť «желать» (< *chъl-ip-ěti). Всѣ эти многочисленныя образованія, какъ вѣрно замѣтилъ Berneker EW. I 387 sq., имѣютъ чисто-звукоподражательный характеръ, и потому не могутъ считаться ни исконно-родственными съ нвн. Schlappe (мнѣніе Matzenauer'a LF. VII 221), ни съ лат. stloppus (мнѣніе Petersson'a o. c. 379 o chlopati), ни заим-

ствованными изъ двн. chlaphōn «klappen» (мнѣніе Uhlenbeck'a ASPh. XV 485, ср. Младеновъ Герм. елем. 124 sq.).

Суффиксъ -ab-, параллельный суффиксу -ap-, можно отмѣтить въ тмб. шал-аб-а́й «нескладный, грузный мужчина» и вр. хлаб-аз-и́на «хворостина» (< *chъl-ab-az-ina) и, быть можетъ, также въ кур. хлабо́ня «праздная (точнѣе, праздноболтающая) женщина» (<*chъl-ab-onja). Труднѣе сказать, имѣетъ-ли съ нимъ что-либо общее р. хла́бникъ (< *chъl-ab-ьnikъ?) «р. Telephinna» (ср. лаба́зка Ильинскій Из. XVI, 4, 11), б. хла́бавий, сх. làbav (< *chъl-ab-avъ) и сц. chlabiti «дѣлаться кроткимъ» (< *chъl-ab-iti). Но, во всякомъ случаѣ, отъ основы *chъl-ab- нельзя отдѣлять основу *chъl-ob-, отъ которой образованы с. hlobati «грызть», hlobotáti «съ шумомъ ѣсть», hlobútati «болтать безъ умолку», р. хлобу́чить «комкать, бить, таскать», хлобы́ста́ть «хлестать, шататься». Основа *chъl-eb- сохранилась въ р. хлеба́ть «ѣсть жидкое», хлебета́ть «шелестить», ѣсть жидкое; часто говорить»; хлебеста́ть «хлестать», п. chlebotać «хрустѣть» и т. д. Чередованіе назалированныхъ суффиксальныхъ гласныхъ: -ǫ-: -ę- представляетъ, съ одной стороны, дцс. ѯлѧбати (< *chъl-ǫb-ati) и, съ другой, дцс. ѯлѧбь «καταῤῥάκτης», сх. hlȅb «бездна», р. хлябь, хля́ба «мокрый снѣгъ» (<*chъl-ęb-ь), а равнымъ образомъ с. hlębati «хлебать» и р. хля́бать «стучать, врать» (<*chъl-ęb-ati). Какъ ни разнообразны значенія всѣхъ этихъ образованій, всѣ они безъ особеннаго труда выводятся изъ корня *chъl-, и потому напрасно Berneker EW. I 388 и Petersson o. c. 379 сопоставляютъ ихъ съ нѣм. schlampen «хлебать» и т. п. Впрочемъ, послѣдній ученый допускаетъ (S. 378) и другую возможность происхожденія chlębь—изъ иде. *skelb- > *kselb- (ср. датск. skulpe, skulp «кожура» и пр.), но намъ не представляется вѣроятнымъ, чтобы группа sk- могла гдѣ-либо и когда-либо подвергнуться перестановкѣ въ ks.

Суффиксъ -ъz-, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (Изв. XVI, 4, 1 sq.), лежитъ въ основѣ вр. хо́лза́ть «шататься, скользить» и мр. ховза́ти (<*chъl-ъz-ati); его удлиненіе -yz- имѣемъ въ вр. с-хлы́зить «незамѣтно уйти» (<*-chъl-yz-iti) при холыздать «шляться» (<*chol-yz-d-ati); наконецъ, родственный суффиксъ -ez- сохранился въ р. діал. (пск., твр.) шелезга́ «навязчивый, клянча» (<*šel-ez-g-a).

Суффиксъ -ot- образуетъ с. hal-ot-i f. pl. «лохмотья», а родственный ему суффиксъ -ъt- — сл. hálta (<*chal-ъt-a) «хворостъ», а, слѣдовательно, и б. ха́лтавъ «широкій, просторный, слабый», вр. діал. (сиб.) халтаме́я «кокетка, болтунья», (пск.) халтами́ть «скоро дѣлать», (каз.) халтома́ «повѣса», (твр.) халты́га «вѣтренный, непостоянный человѣкъ», мор. chaltiti «жрать» (о послѣднемъ совершенно невѣрно Torbiörnsson Krit. Bem. 148). Отъ другихъ ступеней корня образованы (орб., спб.) шолты́-болты́ «вздоръ, пустословіе», (пск., твр.) шалта́ть, шалтыха́ть «болтать, лепетать (о малыхъ дѣтяхъ)», шалтыха́ться «толкаться безъ дѣла».

Параллельный суффиксъ -od- лежитъ въ основѣ с. hál-od-a «хворостъ», hál-od-je id.; удлиненіе суффикса -od- -ad- наблюдаемъ въ с. hal-ad-îkati «поспѣшно идти» и вр. ха́л-ад-уръ «плохой скарбишка, сволочь», ха́л-ад-ура id., его низшая ступень -ъd- скрывается въ с. hálda «хворостъ» (<*chal-ъd-a) и вр. ха́лда (<*chal-ъd-a) «грубый, бестыжій человѣкъ»; въ связи съ послѣднимъ находятся также, конечно, вр. ха́лдить «шататься, толкаться безъ дѣла, нахальничать, кричать», ха́лды-ба́лды́ «пустословіе»; халды-ба́читься, халды-ба́шиться «ломаться, важничать», халды́га «халда»; наконецъ, назалированный суффиксъ -ǫd- несомнѣнно образуетъ р. діал. (нжг., сиб.) хол-уд-и́на «жердь, долгая хворостина» (<*chol-ǫd-ina) и хол-уд-ье «хворостъ» (<*chol-ǫd-ьje). Болѣе распространено аналогичное образованіе отъ низшей ступени корня *chъl-, т. е. *chъl-ǫd-ъ. Его мы имѣемъ въ дцс. хлоудъ (<*хълѫдъ) «палка», сх. (чак.) hlúd, id., с. hlǫd id., ч. chloud, п. chłęd, chłąd, р. хлудъ, діал. (прм.) хлу́да «хламъ, соръ, хворь, болѣзнь», и, слѣдовательно, невѣрно Berneker EW. I 388, 390, какъ и его предшественники, возстановляли ихъ прасл. форму какъ *chlǫdъ, *chlǫda. Ложная предпосылка вела изслѣдователей и къ ложнымъ гипотезамъ, напр., о родствѣ съ др.-исл. hluntr «Rollstock für Fahrzeuge» (Matzenauer LF. VII 222), о заимствованіи изъ того же др.-исл. языка (мнѣніе Uhlenbeck'a IF. XVII 98), объ этимологической близости къ др.-инд. khaṇdás «кусокъ, часть» (мнѣніе Pedersen'a IF. V 50), о родствѣ съ нвн. sluntern «быть вялымъ» (мнѣніе Berneker'a b. и Эндзелина Эт. 121) и, кромѣ того, съ лт. sklendžù, sklę̃sti

«бить, поражать» (мнѣніе Petersson'a ASPh. XXXV 377). Сказанное о *chъlǫdъ mutatis mutandis приложимо также и къ рус. о-ухмижти (*o-chъl-ęd-nǫti).

Суффиксъ -om- видимъ въ р. діал. (ряз.) хáл-óмъ «враль», хал-óм-а id., хáл-ом-ить «болтать вздоръ»; отъ ступени *chel- образованъ глаг. шел-óм-и́ть «бить по головѣ». Быть можетъ, отъ низшей ступени корня *chol- ведетъ начало р. хламъ «соръ, дрязга, дрянь» (<*chъl-am-ъ) и образованное отъ послѣдняго (каз.) хлáмки «береговой покосъ, хворостъ». Эти образованія, взятыя вмѣстѣ, ясно указываютъ на то, что первоначально хламъ обозначалъ «все разбитое и сломанное», и потому человѣку «ненужное». Отсюда затѣмъ развилось значеніе «кучи всякой всячины» (которое, между прочимъ, дѣйствительно приводится Далемъ[3] IV 1187), и потомъ даже «холма» въ чак. hlám. Ср. подобную эволюцію значенія въ сх. gomîla и gromîla, о чемъ ср. РФВ. LXIII 341. Во всякомъ случаѣ, Matzenauer LF. VII 219 былъ очень далекъ отъ истины, когда сопоставлялъ съ хламомъ лтш. slâns «насыпанная куча», и я могу только удивляться тому, что къ этому мнѣнію присоединился (хотя бы только въ вопросительной формѣ) Berneker EW. I 387. Вѣдь звукоподражательное происхожденіе основы хлам- гарантировано слишкомъ многочисленными образованіями, чтобы ихъ можно было игнорировать. Выбирая изъ этихъ образованій наиболѣе интересныя, я укажу здѣсь на вл. khlamać «кричать», мр. хлáмати «съ жадностью ѣсть» и р. хлáмать «стучать, хлопать» (изъ прасл. *chъl-am-ati). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ три образованія представляютъ iterativa къ прасл. *chъl-om-ati, которое сохранилось въ нвг. и иск. хлóмать «стучать»; на ступени -e- нашъ суффиксъ лежитъ въ вл. khlemić «кричать» изъ *chъl-em-iti. То же чередованіе суффиксовъ -am- : -om- : -em- наблюдается еще въ цѣломъ рядѣ производныхъ образованій, каковы: вр. хлáмоздать «стучать», хламости́ть «завалить хламомъ; сплетничать», хламызгáть «стучать», хламыздáть id., хламы́га «неповоротливый»; далѣе ч. (мор.) chlomáznuť «дать пощечину», р. хлóмзить «врать», хлóмза «кто стучитъ, хлопаетъ», р. хломонýть «сильно ударить», хломыхáть «стучать, ударять»; наконецъ, ч. chlemtati «жадно пить», chlemstati id., р. хлемызгáть «стучать», хлéмза «кто идетъ, прихло-

пывая» и т. д. Ср. Ильинскій Изв. XVI, 4, 4 sq., гдѣ, впрочемъ, корень возстановленъ невѣрно.

Посредствомъ форманта -os- образованы б. хал-о́с-амъ, хал-о́с-вамъ, хал-о́с-увамъ «ударять, бить, раззорять»; нар. на-хал-ос-ть «напрасно, зря»; хал-о́с-анъ «взбалмошный, безразсудный»; его удлиненіе -as- имѣемъ въ мр. хал-а́с-ати «лаять» и, можетъ быть, въ мор. chal-as-tra «сбродъ» и мр. хал-а́с-тра. Ступень -e- какъ суффикса, такъ и корня мы видимъ въ ч. šel-es-t, кб. šel-eš-t, мр. шéл-ес-т и вр. шéл-ес-ть. Еще болѣе многочисленны образованія отъ низшей ступени *chъl-. Именно отъ нея посредствомъ суффикса -as- ведутъ свое начало ск. hlastati «болтать», с. hlastáti «хлопать, схватывать; ѣсть жадно», п. chlastać (гдѣ ł стало звучать мягко подъ вліяніемъ l въ chlustać, см. ниже) и б. хла́скамъ «толкать» изъ прасл. *chъl-as-t-ati, *chъl-as-k-ati; посредствомъ суффикса -os-: ч. chlostati «бить палками», н. chłostać «бичевать» изъ прасл. *chъl-os-t-ati; посредствомъ суффикса -es- — с. hlẹ́stiti «бить» и р. хлеста́ть (<прасл. *chъl-es-t-iti и *chъl-es-t-ati). Слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ поспѣшно Uhlenbeck ASPh. XV 485 пытался вывести эти слова изъ герм. *hlasta-, ср. двн. hlast «Last» (ср. Младеновъ Герм. елем. 123), а Petersson ASPh. XXXV 377 сопоставилъ съ др.-инд. khadgá «мечъ» и лт. klẽščiu klésti «бить, хлестать», восходящими, по его мнѣнію, къ базѣ *kheled-.

А если такъ, то предложенное нами объясненіе глагола chlestati etc. должно имѣть силу и для тѣхъ образованій корня *chъl-, которыя имѣютъ въ основѣ параллельные суффиксы : -us- : -ús-, -ys-. Ср. б. хли́скамъ «плескаю» и мр. хли́скати id. изъ *chъl-ys-k-ati; с. hlístati «бить», мр. хлиста́ти «плескать», вр. хлыста́ть изъ *chъl-ys-t-ati; п. chlustać «пускать слюну, плескать», р. хлю́стать «хлюпать, брести» изъ *chъl-jus-t-ati; ч. chloustati «пускать слюну, плескать», chlustati id., р. діал. (твр.) хлусти́ть «щелкать» (ср. также твр. хлу́стцы «сучья», хлустъ «хлыстъ») изъ *chъl-us-t-ati, *chъl-us-t-iti.

Суффиксъ -och- образуетъ вр. шол-о́хъ «шорохъ», бр. шол-о́х-ъ id., влр. шел-о́ш-ить «шевелить, шелестить», шел-ох-ну́ть «шевельнуть»; суффиксъ -ech- — вр. шел-е́ш-ить «шелестить», вр. діал. (пск.) шел-ох-ну́ться «пошевелиться» и мр. шел-е́х-нути «плеснуть, упасть въ

воду съ шумомъ»; суффиксъ -ъch- — въ вр. шелнýть «шевелить», шолнýть (изъ *šel-ъch-nǫti); наконецъ, суффиксъ -ych- въ вр. шелых-áть «шевелить», шел-ых-нýть «шевельнуть». Отъ низшей ступени корня *chъl-, съ помощью суффикса -och-, образованъ цс. глаголъ χлоχотати «cachinari» (<*chъl-och-ot-ati) и посредствомъ суффикса -ech- цс. χлеχотати (<*chъl-ech-ot-ati), ср. также діал. (твр.) хлехóтье «клекъ». Сюда же относится, конечно, и кб. chlechać «jęczeć, stękać». Такимъ образомъ, попытка вывести ц.-сл. слова изъ гт. hlahjan (Matzenauer LF. VII 220 и неувѣренно Hirt PBB. XXIII 333) не имѣетъ подъ собой почвы. Ср. Berneker EW. I 388, гдѣ, впрочемъ, прасл. формы возстановлены неточно.

Суффиксомъ -ǫg- образована прасл. chalǫga «хворостъ, кустарникъ», какъ это доказываютъ сх. hàluga «всякая сорная трава, водоросль, густой лѣсъ», с. halǫ́ga «кустарникъ, водоросль», мр. халýга «водоросль» и дцс. χалжга «плетень, изгородь» при с. halǫ́za «хворостъ». Сюда же относится, конечно, и бр. халýга, обозначающая «примитивную хижину, сооруженную изъ плетня и хвороста».

Это послѣднее имя даетъ намъ право включить въ семейство корня *chāl- и прасл. *chal-ир-а (ср. ч. chalupa, вл. khałupa, п. chałupa, р. діал. халýпа) и *chal-ър-а (п. діал. chałpa). Обыкновенно, правда (ср. Matzenauer CS. 179, LF. VII 217, Miklosich TE. I 324, EW. 125, Karłowicz SWO. 93 и др.), это слово выводится изъ греч. καλύβη черезъ тур. или герм. (ср. Vasmer RS. V 140 sq.) посредство, но, какъ справедливо замѣтилъ Berneker EW. I 383, это объясненіе сопряжено съ большими трудностями. Между тѣмъ, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что названія «хвороста» въ слав. языкахъ въ большинствѣ случаевъ образуются отъ звукоподражательныхъ корней (ср. выше и слѣд. §), а, съ другой стороны, то, что названія примитивныхъ жилищъ, какъ это блестяще выяснилъ Meringer (ср. также Brückner KZ. XLV 38), нерѣдко образуются отъ названій «плетня или хвороста», то едва ли противъ предлагаемой этимологіи chał-ир-у могутъ быть сдѣланы сколько-нибудь серьезныя возраженія. А если такъ, то звукоподражательный корень *chal- мы можемъ констатировать не только въ прасл. chal-ир-ě, но и въ первой части мр.

имени хала-бу́да «шалашъ, легкая непрочная постройка, наскоро сдѣланная, напр., временныя сѣни въ хатѣ». Ср. также ювр. халобу́дка id. (и холо-будка ?).

И низшая ступень корня *chъl- также не чуждается суффикса -ир- : -ир- : -ър-. Такъ, отъ основы *chъl-ир- образованы глаголы *chъl-ир-ati, откуда р. хлу́пать глазами «хлопать, таращить въ недоумѣніи», (иск., твр.) хлу́паться «пачкаться съ низу», *chъl-ир-iti, откуда б. за-хлу́пъ «накрывать, захлопнуть», за-хлу́пямъ id., наконецъ, *chъl-ир-nǫti, откуда свр. хлу́пнуть «выпасть глубоко (о снѣгѣ)». Сюда же относятся, конечно, кромѣ вр. хлу́палы «буркалы», ч. chlup «короткіе волоса», п. chłupy и р. хлупъ «кончикъ креста у птицы». Другая основа *chъl'-ир- дала начало формамъ: мр. мжм. хлюпъ (выражаетъ плескъ воды), р. (влгд., вор.) хлю́пать «шлепать, плескать», хлюпе́ть «ходить по грязи», хлю́пить «плакать, рюмить». Основу *chъl-ур- имѣемъ въ вр. (иск., твр.) хлы́пать «хлипать», п. chłurać «хлебать» и б. за-хлы́пъ «захлопываю». Наконецъ, основа *chъl-ър-, повидимому, скрывается въ вр. хлопьё, хло́пья «клочья, отрепье, рыхлые комья», и Berneker EW. I 391, можетъ быть, не совсѣмъ неправъ, сближая его со сц. chlp «Zotte», chlpiť «рвать», гдѣ l̥ возникло, вѣроятно, секундарно. Другую разновидность низшей ступени *chъl- > *šъl- имѣемъ въ вр. (иск.) шлюпать «хлюпать».

Впрочемъ, теоретически вполнѣ возможно предположеніе, что въ сц. chlp р представляетъ древній детерминативъ корня *chъl-. Косвенно такую гипотезу подтверждаетъ параллельный детерминативъ b у того же корня въ словахъ: с. hȏlbati «грызть» и п. chełbać «трясти» изъ *chъlbati; с. holbotáti «съ шумомъ грызть» и п. chełbotać «трясти» (<*chъlbotati); ч. chlouba «хвастовство, слава», п. chluba, chluba изъ *chъlba. Ср. Berneker EW. I 410.

Съ меньшей увѣренностью, но все же не безъ нѣкоторой доли вѣроятія можно говорить о такомъ детерминативѣ въ прасл. *cholръ, оставившемъ въ соврем. слав. языкахъ многочисленныхъ потомковъ, ср. дцс. хлапъ «рабъ», б. хла́пе «мальчикъ», сх. hlâp и hlâp «крестьянинъ, рабъ», ч. chlap «человѣкъ изъ простонародья, крѣпостной, крестьянинъ», вл. khłop «буршъ», п. chłop «крестьянинъ», мр. холо́п «крѣпостной,

крестьянинъ», р. холо́пъ «слуга». Попытка объяснить эти слова какъ заимствованія или изъ нижнер. halfe «Halbbauer», «половникъ» (Schmidt Voc. II 139 ff.), или изъ гт. hilfan «помогать» (Hoffman, Germania, VIII 5 и Погодинъ РФВ. XXXII 270) не удовлетворяютъ даже Berneker'a EW. I 394, старое сближеніе Matzenauer'a LF. VII 220 съ лт. sìlpnas «слабый» не выдерживаетъ критики съ фонетической точки зрѣнія, сопоставленіе Pedersen'a KZ. XXXVIII 373 съ гт. halbs «половинный, собств. нечетный» — съ семасіологической (ср. Эндзелинъ Эт. 124), а новѣйшія попытки Соболевскаго и Oštir'a (см. выше) подойти къ слову, какъ къ названію «кастрата» — съ морфологической. Между тѣмъ, во всѣхъ трехъ отношеніяхъ объясненіе слова будетъ безупречно, если мы отожествимъ его корень съ корнемъ имени хол-уй, звукоподражательное происхожденіе котораго показано нами выше. Первоначально «холопъ» обозначало, вѣроятно, «человѣка, занятаго черной, грязной работой». А такъ какъ въ древности такая работа составляла удѣлъ рабовъ, то понятно, что съ теченіемъ времени прасл. *cholpъ спеціализировалось въ своемъ значеніи, и стало обозначать вообще «подневольнаго человѣка», въ частности, «крѣпостного крестьянина», какъ взрослаго, такъ и несовершеннолѣтняго; изъ послѣдняго значенія развилось значеніе «мальчика» въ нѣкоторыхъ слав. языкахъ. Если это такъ, то прасл. *cholpъ можно сопоставить не только съ холуемъ, но и съ вышеупомянутыми холопаемъ и шелопаемъ, изъ которыхъ послѣднее не даромъ имѣетъ значеніе, между прочимъ, «грубаго, рослаго, нескладнаго человѣка». Мало того, весьма возможно, что и детерминативъ -р- въ словѣ cholpъ есть не что иное, какъ нулевая ступень суффикса -ор-.

178. Теперь мы должны перейти къ изученію ономатопоэтическаго корня *cher-, семейство котораго, по своей многочисленности, едва-ли уступаетъ предыдущему. Такъ, параллельно отмѣченнымъ выше сложнымъ звукоподражательнымъ словамъ: hala-bûka и hala-bûčati, въ томъ же самомъ языкѣ (т. е. въ с.) употребляются *въ томъ же самомъ значеніи* слова hara-bûka и hara-bûčiti; подобнымъ образомъ, въ параллель съ с. hala-bûra «шумъ, грохотъ», въ мор. нар. употребляется имя chara-bura «больной, слабый» (собств. «хрехтящій»), а также р. хара-бо́ры «нехры,

края обитой одежды»; въ pendant ч. chala-bala, въ мор. пар. слышится имя chara-bela «старое дерево, старый человѣкъ», а въ pendant р. хала-мы́га—въ мр. яз. употребляется хара-ми́жка «обманъ, плутовство». Далѣе звукоподражательная основа *chara- входитъ въ составъ словъ: мр. хара-ма́нити «обманывать, дурачить», хара-ма́ркати «читать невнятно, въ носъ», хара-пу́дитися «пугаться (ср. и твр. хала-пу́га «нахалъ») и п. char-ɬupia=chaɬupa (ср. Brückner ASPh. XXI 66) Сюда же, вѣроятно, относится арх. глаг. у-ха́риться «устать, утомиться».

На ступени -о- чистый, нерасширенный формантами корень *chor- имѣемъ въ р. хоро-ба́ра «пустомеля, баляшникъ», хоро-бо́рить «пустословить». Эти слова несомнѣнно родственны вр. шара́-бора «хламъ», шара-ба́ра «охотникъ калякать», ша́ры-ба́ры «болтовня», шара-ба́рить «пустословить», шара-бо́рить «шарить, шататься», шера-бо́рить «шарить, шататься», мр. шара-бу́рити «транжирить»; подобнымъ образомъ, съ упомянутымъ мр. хара-ми́жка въ вр. яз. чередуется шеромы́га и шаро-мы́га «шатунъ, плутъ, обирала», которые, вопреки извѣстной народной (точнѣе, полународной) этимологіи, не имѣютъ ничего общаго съ прозвищемъ cher ami французскихъ солдатъ 1812 г.—Наконецъ, на низшей ступени наша основа находится въ с. hrabŭčiti, конечно, изъ *hъra-bučiti.

До сихъ поръ мы говорили о корняхъ *char-, *chor-, *cher- и *chĕr- въ ихъ чистомъ, нерасширенномъ видѣ. Обратимся теперь къ обзору ихъ суффиксальныхъ образованій, причемъ будемъ придерживаться того же порядка, въ которомъ мы выше разсматривали совершенно имъ параллельныя, по большей части, образованія корня *chāl-.

Формантъ -ъk- лежитъ въ основѣ *char-ъk-ati «извергать мокроту» (п. charkać, мр. ха́ркати, р. ха́ркать), chor-ъk-ati (ср. сно. хо́ркать «храпѣть отъ дикости»); šer-ъk-ati (р. діал. ше́ркать «шерошить»). Что касается chъrk-ati (б. хъ́ркам «хриплю», сх. hr̀kati, с. hr̀kati, ч. chrkati «кашлять») и имени *chъrček «хомякъ» (сх. hr̀čak, ч. chrček и с. hr̀čȁk), то, повидимому, детерминативъ -k- является въ нихъ нулевою ступенью по отношенію или къ суффиксу -ek- въ р. діал. (тб.) хрёкъ «кабанъ» сх. hrȇk «пень», с. hrȇk

«отломанная вѣтвь» (о которыхъ неточно Pintar ASPh. XXXII 307 sq.), р. хрякъ «кабанъ» и мр. хря́кати «харкать» (*chъr-ek- < *chъr-ęk-), или къ -ok-, которымъ образовано мр. хро́кати «хрюкать» (<*chъr-ok-ati). Удлиненіе послѣдняго имѣемъ въ прасл. *chъr-ak-ati, ср. цс. **хракати** «рваться», б. хра́чъ, хра́камъ «плюю», сх. hrâkati, hrȁkati, с. hrâkati id., сц. chrakaťid., п. chrakać и р. хра́кать, а удлиненіе суфф. -ъk- въ р. хрычъ «старикашка» (<*chъr-uč-ъ). Такимъ образомъ, Berneker EW I 401 невѣрно возстановлялъ прасл. форму послѣднихъ глаголовъ какъ chrakati, а Krček Gnpy 52 съ еще меньшимъ основаніемъ сближалъ п. charkać и т. п. съ звукоподражательнымъ корнемъ *ser-.

Суффиксъ -ъg-, можетъ быть, лежитъ въ основѣ арх. шарга́ (<*šar-ъg-a), значеніе котораго «мелкій соръ» не вполнѣ, впрочемъ, достовѣрно. То же слѣдуетъ повторить и объ родственномъ суффиксѣ -ag- въ тоб. шар-а́г-а «кривляка, ломака».

Суффиксъ -ep- входитъ въ составъ прасл. основы *chъr-ep , отъ которой образованы с. hrépati «хрипѣть, пыхтѣть» и свр. хрепа́ть «хрипѣть, кашлять»; с. hrepetáti «хрипѣть», hretíti id. и вл. khrjeptać; с. hrèt «рвота»; р. хрепо́та «кашель»; съ носовымъ инфиксомъ нашъ суффиксъ повторяется въ дч. chřapati «храпѣть» и р. хря́пать «кашлять» (пск., твр.), «колотить, ломать» (пск., пжг., вор.); ч. chřípě «отверстіе носа», вл. khrjapa «отверстіе носа у рогатаго скота» и р. діал. (кур., пск., твр.) хря́па «необразованная женщина, старая баба». Эти слова Petersson ASPh. XXXV 376 сравниваетъ съ гр. χρέμπτομαι «откашливаюсь», но самъ же считаетъ свою комбинацію ненадежною, такъ какъ послѣдній глаголъ можетъ быть образованъ не отъ корня *khremp-, а отъ корня *ghremp- (ср. χρεμετίζω и пр.).—Съ суффиксомъ -ep- правильно чередуется суффиксъ -or- въ с. hrȍpsti «хрипѣть», мр. хропти́ id.; въ сх. hrȍpati «хрипѣть», ч. chropati «храпѣть» и свр. хрбпать «стучать, ломать»; въ с. hropéti «хрипѣть», ч. chropěti и т. п. образованіяхъ. Обычное въ iterativ'ѣ удлиненіе гласнаго представляетъ -ar- въ цс. **храпати** «хрипѣть, ржать», сх. діал. hrapati id., ч. chrápati, вл. khrapać, п. chrapać и р. діал. (сиб.) хра́пать, общер. храпѣть; ихъ deverbativa представляютъ п. chrap «злоба, аппетитъ, же-

ланіе, замерзшая грязь», хра́па «замершая грязь», р. храпъ «храпѣніе, замерзшая грязь». Подобное же удлиненіе суффикса -ьр- (низшей ступени къ -ер-) мы наблюдаемъ въ основѣ *chъr-ir-, отъ которой образованы сх. hrípati «сильно кашлять», с. hrípati «хрипѣть», мр. хри́пати «хрипло говорить» и р. діал. (пск.) хри́пать «быть дряхлымъ, хирѣть»; далѣе въ ч. chřipěti «хрипѣть», п. chrzypieć id., мр. хрипі́ти id. и вр. хрипѣть, а равно и въ ихъ deverbativa: с. hrípa «охриплость» и вр. хрипъ. Наконецъ, нулевая ступень форманта -ер- сохранилась въ видѣ детерминатива р въ корнѣ *chъr- с. hŕpati «трещать» и сх. hr̃pa «куча», с. hŕpa «куча», ч. chrpa «сорная трава въ хлѣбномъ полѣ» и п. charp «трясина, болото», charpęć «хворостъ», но ч. charpa, повидимому, возникла изъ *char-ър-а. Во всякомъ случаѣ, эти слова не имѣютъ ничего общаго ни съ дви. chorenpluem (Rostafiński Symbola I 337), ни съ нде. корнемъ *serp- «ползать», ср. лат. serpo, гр. ἕρπω, др.-инд. sárpati (Krček Grupy 61, Berneker EW. I 412). Наконецъ, съ помощью параллельнаго форманта -up- образованы прасл. *chъr-up-ati (б. хру́намъ «хрущу», сх. hrúpati «хрюкать», с. hrúpati «ѣсть съ шумомъ, хрустѣть», ч. chrupati «хрустѣть», п. chrupać, мр. хру́пати «ѣсть что-нибудь хрустящее, раздроблять», р. хру́пать «ѣсть съ хрустомъ»), *chъr-up-ěti (сх. hrupjeti «трещать», с. hrupêti «шумѣть»), *chъr-upъ (сх. hrup «шумъ», с. hrûp, ч. chrup «хрустѣніе, удпло», р. хру́пкій «ломкій»). Matzenauer LF. VII 216, Uhlenbeck PBB XX 38, GEW 82, Hirt PBB XXIII 333 пытались, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ вывести изъ гт. hrōps «крикъ», hrōpjan «звать, кричать», но, какъ справедливо замѣтили Младеновъ Герм. элем. 135 и Berneker EW I 404,—безъ достаточнаго основанія. Еще болѣе произвольно сопоставленіе вышеупомянутаго прасл. *chripěti съ ав. srifa «Nüstern», которое находимъ у Matzenauer'a LF VIII 2, ср. Berneker EW. I 402.

Форманту -ер- параллеленъ формантъ -eb- въ п. chrzebościć изъ *chъr-eb-os-t-iti, а -ęр- — -ęb- въ п. chrzębościć изъ *chъr-ęb-os-t-iti. Болѣе распространены въ слав. языкахъ слова съ формантомъ -ob-: ср. с. hrȍbati «грызть», п. chrobot «хрустѣніе» и мр. хроботъ id.; н. chrobotać «хрустѣть» и мр. хроботáти id; влр. хро́бостъ «шумъ, хрустъ»,

хро́боскій «шумный, звучный; хробоста́ть «шумѣть, звучать»; мр. хробу́ст «p. Cirsium oleraceum». Слѣдовательно, эти формы не имѣютъ ничего общаго съ лтш. krabinât «щекотать», лт. krebždêti «шелестить» (Эндзелинъ Эт. 127), но за то совершенно вѣрно присоединяетъ сюда Berneker EW I 403 ч. chrobák, robak «жужелица», п. chrobak, robak «червь» и мр. хробáк id. Удлиненіе форманта -ob- представляетъ формантъ -ab-: его можно указать, напр., въ свр. хр-áб-азъ «хворостъ» и п. chrabąz id. (Ильинскій Изв. XVI, 4, 9). Наконецъ, чтобы совсѣмъ исчерпать образованныя нашимъ формантомъ слова, упомянемъ еще о ч. charba «сорная трава» (<*char-ъb-a, съ которымъ ср. вышеупомянутое *char-ър-a), но мр. хорбáк «худородный человѣкъ; червякъ», какъ и с. hŕbati «грызть», повидимому, восходятъ къ прасл. *chър-b- гдѣ -b- есть нулевая ступень суффикса -eb-.

Суффиксъ -ъz- образуетъ вр. глаголы хóрзать «чваниться, важничать» изъ *chor-ъz-ati и хáрзúть «зазнаваться, сердиться» изъ *char-ъz-iti. Низшая ступень корня *chър-, въ соединеніи съ нулевою ступенью суффикса -ez-, лежитъ въ основѣ б. глагола хръзáлямъ «скольжу» и с. hŕzati «ржать». Какъ мы доказываемъ въ другомъ мѣстѣ, отъ этихъ словъ нельзя отдѣлять и дч. chor-oz-iti «возмущать, волновать».—Параллельный суффиксъ -uz- наблюдаемъ въ ч. charouzd «хворостъ» и образованномъ отъ него мор. charouzna «халупка», ср. также charúžek «houda z zeleného». Послѣднія два слова представляютъ великолѣпныя семасіологическія параллели къ разсмотрѣннымъ выше (§ 177) слав. chalupa и chaloga.

Звукоподражательный суффиксъ -ъt- лежитъ въ основѣ р. діал. (ювр.) хортáть «жить кое-какъ, перебиваться» (<*chor-ъt-ati) и хартáть id. (<*char-ъt-ati), хартыга «шатунъ» (<*char-ъt-yga), хартыжить «проѣдаться, шататься тунеядцемъ». Что касается с. hŕtati «храпѣть», hŕtiti se «подымать дыбомъ волоса», то оба эти глагола, вѣроятно, отражаютъ прасл. *hър-t-ati, *hър-t-iti. Высшую ступень какъ корня, такъ и суффикса имѣемъ въ мр. шер-ет «мелкій ледъ на рѣкѣ», шер-ет-увáти «передъ покосомъ обирать шелуху на зернѣ». Посредствомъ параллельнаго суффикса -at- образована вр. хар-ат-ьй «чепуха, вздоръ».

Суффиксъ -ъd- можно указать въ р. діал. (тб.) хордыбáчить «гру-

бить», (кур.) хордыбáка «грубіянъ». Назалированная ступень -e-, повидимому, скрывается въ прасл. *chъr-ęd-a (дч. chřieda или chřěda совр. chřada, chřáda «истощаніе»), а также въ образованныхъ отъ него *chъr-ęd-ěti (олон. хрядѣть «худѣть, сохнуть») и *chъr-ęd-nǫti (цс. **хрѧнѫти** «esurire» и ч. chřadnouti «увядать, бодрствовать»). Berneker EW. I 401 неувѣренно сравниваетъ эти слова съ двн. scrintan «лопаться», предполагая переходъ на слав. почвѣ иде. ksr- изъ skr- въ chr-; напротивъ, къ иде. ks возводитъ ch въ chrękǫti Petersson Studien 112, сравнивая съ гр. ξηρός «сухой, жесткій» Но въ виду того, что въ слав. языкахъ есть не мало и другихъ словъ, обозначающихъ «болѣзнь» и образованныхъ отъ звукоподражательныхъ корней, можно думать, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образованіемъ ономатопоэтическаго корня *chъr-, точнѣе съ его расширеніемъ *chъr-ęd-. Быть можетъ, сюда же относятся цс. **хредъ** (< **хрѧдъ**) и **хроудъ** (< **хрѫдъ**).

Передъ нами формантъ -om-. Какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (Изв. XVI, 4, 5 sq.), онъ входитъ въ составъ прежде всего прасл. chr-om-ъ «χωλός» (ср. дцс. **хромъ**, сх. hrôm, с. hròm, ч. chromý, вл. khromy, п. chromy, р. хромъ), iterativ'a *chr-am-ati (цс. **хрѧмати**, сх. hrámati, с. hrâmati, п. chramać, р. храмлю) и однократнаго глагола *o-chr-ъm-nǫti (дцс. **о-хръмѫти**, ч. ochr-nouti). Правда, еще со временъ Goldschmidt'a MSL. I 413, въ этимологическихъ трудахъ (въ томъ числѣ и въ Словарѣ Berneker'a) постоянно повторяется сближеніе слав. *chromъ и др. инд. srāmas, но оно нисколько не объясняетъ начальнаго ch въ слав. словѣ: попытка Pedersen'a IF V 70 вывести это ch изъ условій Sandhi (т. е. изъ фразы вродѣ *nogu sromъ) носитъ совершенно гадательный характеръ. Изъ другихъ слав. образованій, родственныхъ chromъ, мы приведемъ здѣсь, кромѣ р. храм-ы́га «хромоножка» (суффиксъ котораго, конечно, тождественъ съ формантомъ упомянутаго выше его синонима хлам-ы́га), еще ч. chrámа «хромой», chramot «шумъ», chramotiti «шумѣть», chramost «шумъ, хрустѣніе», chramostiti «шумѣть, хрустѣть», chramostýl «горностай», мор. chrmlat «кашлять». Высшая ступень корня chor + нулевая ступень форманта — -om-, по нашему мнѣнію, ле-

житъ въ основѣ прасл. имени *chormъ (дцс. храмъ «домъ», б. храмъ «templum», сх. hrâm «домъ, церковь», с. hràm «зданіе, церковь, комната», ч. chrám «церковь», мр. хорóм «корридоръ», хорóма «домъ», р. хорóмы «большое деревянное зданіе»): первоначально это слово обозначало наскоро сколоченную деревянную постройку и, слѣдовательно, оно представляло самый точный синонимъ разсмотрѣнныхъ выше *chaloga и *chalupa; но послѣ того какъ связь корня *chor- съ другими его родичами потускла въ чутьѣ говорящихъ, прасл. *chormъ расширило свое значеніе на всякую деревянную постройку вообще. Какъ бы читатель ни отнесся къ подобной этимологіи имени *chormъ, онъ долженъ будетъ признать, что она менѣе грѣшитъ противъ законовъ слав. фонетики, чѣмъ сближеніе Bugge KZ XXXII 22 съ корнемъ *ser- «плести» (ср. лат. sero, гр. εἴρω и пр.), или чѣмъ комбинація его же съ арм. orm «стѣна», или чѣмъ сопоставленіе Kozlowsk'aго ASPh. XI 384 (ср. также Uhlenbeck IF. XVII 97) съ др.-инд. harmyá; или чѣмъ соединеніе съ тѣмъ же словомъ Эндзелина Эт. 127, выводящаго его изъ *gharmyam, гдѣ gh представляетъ будто бы чередованіе съ kh; или чѣмъ совершенно гадательное сближеніе Berneker'a EW. I 397 съ именемъ *chorna (см. выше § 162); или чѣмъ явно-неудовлетворительное съ семасіологической точки зрѣнія этимологія Petersson'a ASPh. XXXV 373, выводившаго *chormъ изъ корня *kher- «скрести, царапать»; согласно послѣднему объясненію, *chormъ означало первоначально «ausgescharrte Höhle» и находится въ ближайшемъ родствѣ съ арм. хог «ровъ», др.-инд. ā-kharás «логовище животнаго» и, можетъ быть, съ гр. χηραμίς «пещера, ущелье».

Отъ формanта -om- слѣдуетъ отличать формантъ -um- въ б. хрýмва «приходитъ на умъ», с. hrúmati «шумѣть», мр. хрýмати «ѣсть что-нибудь хрустящее», р. хрýмкать, а также въ с. hrûm «шумъ» и мр. хрум мжм., выражающее шипѣніе. Послѣ всего сказаннаго о происхожденіи chromъ, насъ теперь не удивитъ встрѣчающееся въ ч. яз. прилаг. o-chrumělý «хромой».

Корень *char + формантъ -ęst- имѣемъ въ угро-р. харя́щ «кустарникъ, заросль» изъ *char-ęst-jь; тотъ же формантъ, въ соединеніи съ низшей ступенью корня *chъr-, повторяется въ прасл. *chъr-ęstъ (с. hrèst «трескъ, шумъ», ч. chřest «шумъ, гулъ», chřest f., n. chrzęst

«шумъ», р. хря́стъ «хрустъ»), *chъr-ęst-jь (с. hrèšč «хрусть, майскій жукъ», дч. chřěšć «спаржа», п. chrząszcz «жукъ», мр. хрящ, р. хрящъ) и chъr-ęs-t-ati (с. hrę́stati «хрустѣть», дч. chřěstati «квакать», п. chrzęstać «хрустѣть», р. хря́стать «ударить, колотить, лопнуть»). Съ формантомъ -ęs- чередуется формантъ -ǫs- въ прасл. *chъr-ǫs-t-ъ (цс. хроустъ «βροῦχος», б. хръстъ «хрустѣніе», ч. chroust «жукъ», chrust «хрящъ», дл. chrąst «жукъ», мр. хрустъ «хрустѣніе, хворостъ», р. хрустъ), *chъr-ǫšt-ь (цс. хроуштъ «χάνθαρος», сх. hrȕšt «хрящъ», дсх. hrušt «майскій жукъ», с. hrǫ́šč «жукъ», мр. хрущ «майскій жукъ») и *chъr-ǫs-t-ati (сх. hrùstati «грызть, хрустѣть», с. hrústati «хрустѣть», ч. chroustati, мр. хру́стати «трещать, хрустѣть», р. хру́стать «грызть, громко шамкать»), *chъr-ǫs-t-ěti (мр. хрусти́ти, р. хрустѣть). Безъ носового инфикса суффиксъ -os- соединяется съ корнемъ chъr- гораздо рѣже. Я могу указать здѣсь только на п. chrostać «тереть, грызть» (<*chъr-os-t-ati) и chrościć id. (<*chъr-os-t-iti). На нулевой ступени формантъ -os- находится въ сх. hr̀stati «грызть, хрустѣть» и с. hŕstati (<*chъrstati); ср. также с. hŕstəlj «верескъ», ч. chřestálek, chřstálek «хрящъ». Наконецъ, параллельный формантъ -us- имѣемъ въ прасл. *chъr-us-t-jь (с. hrúšč «шумъ, шорохъ», п. chruszcz «жукъ») и глаголахъ *chъr-us-t-ati (с. hrústati «хрустѣть», п. chrustać «грызть, хрустѣть») и *chъr-us-t-ěti (п. chruścieć «шумѣть»). Слѣдовательно, всѣ эти слова не имѣютъ ничего общаго ни съ лт. kremslẽ «хрящъ», съ которымъ сопоставлялъ ихъ Pedersen KZ XXXVIII 394 (ср. также Miklosich EW 90, Uhlenbeck IF XVII 98, Berneker EW I 90, Эндзелинъ Эт. 124), ни съ лт. kremsti «грызть», съ которымъ сближали ихъ Charpentier ASPh. XXIX 4 и Эндзелинъ Эт. 4. Charpentier, впрочемъ, пытался вывести лт. kremslẽ и kremsti изъ одной и той же базы *skṛmb-, съ которой сравнивалъ гр. κράμβος «сухой». Въ частности, прасл. *chъrǫstъ и *chъrąšt̀ь не имѣютъ ничего общаго съ гт. þramstei «саранча», изъ котораго ихъ выводили, напр., Kluge EW⁶ 207, Pedersen IF V 70, Hirt PBB XXIII 333, Vondrák Aksl. Gr.¹ 126, Peisker Bez. 62, — ср. дѣльныя замѣчанія по этому вопросу Uhlenbeck'a PBB XXX 316, Krček'a Grupy 65, Berneker'a ib. и Младенова Герм. елем. 136.

Посредствомъ форманта -och- образовано вр. хор-ох-о́н-иться «важничать, заниматься собой, хорохориться». Это обстоятельство заставляетъ думать, что и глаголъ хорохо́риться «храбриться, ершиться, надуваться» слѣдуетъ читать не какъ хоро-хор-иться (т. е. не какъ удвоеніе!), а какъ хор-ох-ор-иться. Косвенно эту догадку подтверждаютъ влгд. хорхо́риться «хорохониться», хорхо́р «вальдшнепъ», хорхо́ра «шерстоперая курица»: если бы эти слова звучали въ прасл. яз. не какъ *chor-ъch-or-iti, *chor-ъch-ora и т. д., а какъ *chor-chor-iti, *chor-chor-a, то въ р. яз. они должны были бы дать хорохорити, хорохора и т. д. Но наша этимологія находитъ себѣ и *прямое* подтвержденіе въ мр. мжм. шар-а́х (выражающемъ быстрое движеніе метнувшагося человѣка, животнаго), мр. шар-а́х-нути «броситься, метнуться», вр. шар-а́х-нуть, шар-а́ш-ить id., шар-а́шь «первый ледъ на рѣкѣ», шар-о́шь id. Все это образованія, имѣющія корень на ступени ē. На неудлиненной ступени корень *šer- можно указать, кромѣ свр. шер-ох-о́р-иться, шор-ох-ор-иться «хорохориться», еще въ вр. шо́р-охъ, «изв. шумъ; негладкая поверхность; ледяное сало», шер-о́хъ, ше́р-ехъ шер-ешъ id. при мр. ше́р-ех «мелкій ледъ на рѣкѣ»; отъ имени šer-ochъ образовано вр. (арх.) прилаг. шер-о́х-ій «рытый, неровный» и литер. шер-ох-ова́тый «то же, но въ меньшей степени», а также глаголы шер-о́х-нуть «произвести шорохъ» и шер-о́ш-и́ть «шелестить, дѣлать шершавымъ». Наконецъ, съ формантомъ -ъch- корень *šer- имѣемъ въ вр. діал. (пск., твр.) ше́рхать «шаркать» (<*šer-ъch-ati), шерши́ть «шелестить» (<*šer-ъš-iti), шершавый «неровный, негладкій» (<*šer-ъš-avъ), шо́рхнуть «покрываться льдомъ» при мр. ше́рхнути id. «шероховатѣть (о кожѣ), зашелестѣть». На низшей ступени корень *cher- соединенъ съ формантомъ -och-, вѣроятно, въ с. hrо́hati «хрюкать», если оно возникло изъ прасл. *chъr-och-ati.

Формантъ -ъl- лежитъ въ основѣ свр. харла́ть «кричать, горланить» (<*char-ъl-ati), харлапа́нить id. (<*char-ъl-ap-aniti), харло́ «пасть, зѣвъ», мр. харло́ (<*char-ъl-o); съ харлапа́нить поучительно сравнить пск. и твр. шарлапа́й «крикунъ». Изъ другихъ слав. языковъ сюда можно привести прежде всего б. харли́въ «сопливый» (<*char-ъl-ivъ) и харляви «хилый» (<*char-ъl-javъ). Послѣднія слова ясно указы-

ваютъ, что Krček Grupy 54 sq. былъ не правъ, сближая п. charleć «болѣть», charłak «хилый, бѣднякъ» (<*char-ъl-) и cherłeć id., cherłak id. (<*chъr-ъl-) съ корнемъ *chvor-, о которомъ ср. выше (§ 165). На низшей ступени корень *chъr- соединенъ съ формантомъ -l- въ сх. hŕliti «спѣшить», с. hŕliti и ч. chrliti, ср. и б. хръли́въ «сопливый».

179. Прасл. мжм. «жадной ѣды» chamъ! Оно засвидѣтельствовано тремя слав. языками: б. хамъ!, с. hàm! и р. хамъ! и потому его сѣдая древность врядъ-ли можетъ быть заподозрѣна; отъ этого мжм. образованы въ слав. языкахъ глаголы: chamati (б. ха́мамъ «жадно ѣмъ», с. hâmati, ч. chamať id., вр. ха́мать) и chamiti (ч. chamiti «токовать», п. chamić); подобнымъ образомъ, отъ мжм. šamъ! (<*chěmъ),— ср. мр. шамъ! (обозначаетъ быстрыя движенія) и вр. шамъ «хламъ, соръ, дрязгъ»,—образованы глаголы *šam-ati (ч. šámati «схватывать», мр. ша́мати «шуршать, шелестить», вр. ша́мать «пришептовать по-стариковски, шаркать, бросать со стукомъ») и šamiti (вр. шами́ть «сорить»); низшая удлиненная ступень корня *chem- *chym- лежитъ въ основѣ ювр. хи́мить «плакать, хныкать», которое представляетъ iterativum къ недошедшему до насъ глаголу *chъmiti.

Какъ и другіе звукоподражательные корни, и корень *chem- нерѣдко расширяется въ слав. языкахъ разнаго рода формантами и суффиксами.

Такъ, суффиксъ -ъk- лежитъ въ основѣ прасл. *cham-ъk-ati (б. ха́мкамъ «жадно ѣмъ», р. ха́мкать id.; ср. также п. chamkaty «гнусавый») и šam-ъk-ati (мр. ша́мкати «ходить проворно», вр. ша́мкать «говорить невнятно»); суффиксъ -yk- слышится въ *chъm-yk-ati (р. хмы́кать «хныкать»), а суффиксъ -ak- въ прасл. *chom-ačь (ч. chomáč «клокъ»). Сюда же относится, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (Изв. XVI, 4, 6 sq.), названіе животнаго cricetus frumentarius: п. chomik и р. хомякъ, но цс. хом-ѣсторъ восходитъ, вѣроятно, къ прасл. *chom-ěz-torъ. Слѣдовательно, напрасно считаетъ это слово иранскимъ заимствованіемъ Vasmer RS. VI 173 sq., тѣмъ болѣе, что отъ него нельзя отдѣлять, какъ показано нами ib., и *chъm-yz-ъ (мр. хмиз «прутья, вѣтки», вр. хмызъ «хворостъ»).

Посредствомъ суффикса -ъt- образовано прасл. *cham-ъt-ati (ч. chámtati, сц. chamtaŧ id.), *chom-ъt-ati (ч. chomtaŧ «жадно ѣсть»), *šam-ъt-ati (мор. šamtati sa «шататься, колебаться»), *šam-ъt-iti (мр. шамтіти «шевелить») и *šem-ъt-iti (мр. шемтити «шуршать»), а посредствомъ суффикса -ot- — chom-ot-ati (с. homotáti «запутывать, сплетаться»), šem-ot-ati (мор. šemotati sa «разсвѣтать», ср. также кб. szemot «нестройная музыка») и šam-ot-ati (мор. šamotati «шатать, колебать», мр. шамота́ти ся «шевелиться, возиться»); наконецъ, посредствомъ суффикса -et- — прасл. *šem-et-iti (ч. šemetiti «обманывать») и šem-et-ati (вр. шемета́ть «заниматься бездѣльемъ, суетиться попусту»).

Суффиксъ -ъl- образуетъ глаголы: с. hamljáti «хватать, дѣлать какъ попало», ч. chamlati «портить», мор. chamŧat «жадно ѣсть», ср. также мр. хамло́ «хворостъ; неуклюжій человѣкъ» (< *cham-ъl-); суффиксъ -ol- имѣемъ въ ч. chom-ol «бурный вѣтеръ», а суффиксъ -el- — въ мр. хам-ел-и́ти «жевать съ трудомъ» и шем-ел-и́ти «шелестить», вр. шем-ел-а́ «помело», шем-ел-о́ id.

Не относится-ли сюда также названіе извѣстнаго растенія *chъm-elь (б. хмель, сх. hmȇlj, с. hmèlj, ч. chmel, вл. khmjél, п. chmiel, мр. хмель, р. хмель)? Такъ какъ приготовляемый изъ этого растенія напитокъ обладаетъ одурманивающей силой и порождаетъ шумныя и буйныя дѣйствія (ср. выраженіе «бусенъ во хмелю»), то родство его названія со звукоподражательнымъ корнемъ *khem- не представляло бы ничего удивительнаго. Правда, есть мнѣніе (Berneker EW. I 411), что названіе хмеля заимствовано славянами у восточно-финскихъ, resp. татарскихъ племенъ, но развѣ не могло произойти дѣло наоборотъ, что послѣднія заимствовали это названіе у первыхъ? По крайней мѣрѣ, такой тонкій знатокъ славяно-финскихъ лингвистическихъ взаимоотношеній, какъ Mikkola Ber. 174, склоненъ рѣшать вопросъ именно въ послѣднемъ смыслѣ. Не вѣритъ въ финское происхожденіе хмеля и Vasmer RS. VI 174, но его собственная догадка, что это слово заимствовано черезъ чье-то посредство изъ иранск. haoma- «сома», неправдоподобна ни въ фонетическомъ, ни въ семасіологическомъ отношеніи.

Параллельные формантамъ -ol-: -el- форманты -ul-: -yl- лежатъ

въ основѣ п. chm-ul-ić «хмурить», вр. хм-ы́л-и́ть «плакать, горевать», хм-ыл-а́ть «пылать», хм-ылъ! мжм. загорающагося пламени.

Посредствомъ суффикса -on- образованы глаголы cham-on-iti (ч. chamoniti «быть хмурымъ»), šam-on-iti (р. шамо́нить «говорить какъ беззубый») и *šьm-on-iti (р. діал. шмо́нить «шляться, зубоскалить, лгать, обманывать»).

Многочисленныя образованія разныхъ ступеней корня *chem-: *chom-, *chām-, *šem-, *šam-, *chъm-, *chym-, *šьm-, *šim- съ разными ступенями звукоподражательнаго суффикса -or-: -ar-, -ъr-, а также -ur- и -yr- разсмотрѣны нами въ статьѣ объ «Укр. химорода «чары». Туда (Україна III 72 sq.) мы и отсылаемъ читателя за деталями.

Чередованіе формантовъ -os- и -as- наблюдается въ глаголахъ chym-os-t-iti (вр. хи́мостить «врать, ворожить, красть») и šem-as-t-iti- (с. šemástiti «шумѣть»), если только ихъ не правильнѣе разлагать на *chym-oz-t-iti и *šem-az-t-iti и сближать съ вышеупомянутымъ *chom-ĕz-torъ и *chъm-yz-ъ.

Суффиксъ -ъch- можно указать въ глаголѣ *šam-ъš-iti, ср. мр. шамши́ти «шуршать» и вр. ша́мшить «шептать».

Суффиксъ -yg- имѣемъ въ šem-yg-ati, ср. с. šemígati «идти хромая»; низшая ступень того же корня скрывается въ р. шмы́гать «тереть, шаркать» изъ *šьm-yg-ati, ср. также шмы́га «шатунъ».

180. Кромѣ звукоподражательнаго корня *cham-, въ прасл. яз. слышался еще сходный по значенію корень *chan-. Его мы имѣемъ прежде всего въ свр. хан-о́к-ать «хныкать, плакаться» и ха́н-ьк-ать id., потомъ въ ювр. хан-ы́га «попрошайка, хамъ», хан-ы́ж-ить «шататься, проѣдаться безъ дѣла», хан-ан-ы́г-а «праздный шатунъ», далѣе въ мр. распустити ханьки́ «разговориться, разболтаться». Повидимому, это *chan- представляетъ столь обычное въ глаголахъ многократнаго вида удлиненіе корня *chon-, который сохранился лишь въ вр. хон-ьк-ать «хныкать» и сущ. хо́ня «ротозѣй». Отъ низшей ступени корня *chen- *chъn- образованы, кромѣ мжм. хны! хны!, имена вр. хню́ня «нюня», хныкъ «плачъ», хны́кать «тихо плакать», хны́рить id. и мр. хню́ра

«угрюмый; ворчливый человѣкъ». Отсюда слѣдуетъ, что Berneker EW. I 391 не имѣлъ права возводить вр. хныкать къ прасл. chnykati, а Эндзелинъ Эт. 72—къ еще болѣе странной формѣ съ начальнымъ šn- изъ *sn-: лтш. šn'ukstêt «хныкать», на которое онъ при этомъ ссылается, повидимому, находится въ связи съ нѣм. діал. schnucken «schluchzen».

181. Чрезвычайно-широко распространены въ слав. языкахъ образованія отъ ономатопоэіи *kheu-. Для того, чтобы лучше въ нихъ оріентироваться, мы разобьемъ ихъ на отдѣльныя группы, смотря по тѣмъ звукамъ, которые входятъ въ составъ ихъ формантовъ. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, приведемъ примѣры употребленія корня chu- въ чистомъ видѣ.

Въ числѣ нихъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о мжм. chu! и chy! Первое выражаетъ «удивленіе» въ б. яз. (ху!), с. (hû!) и р. (ху!), а второе — «досаду» и «удивленіе» въ б. яз. (хи!) и понуканіе лошадей въ с. (hî!).

Удвоеніе корня *chy наблюдаемъ въ извѣстномъ мжм. «смѣха»: б. хи, хи!, сх. hi, hi!, с. hî, hî!, ч. chy, chy!, вл. khi, khi!, п. chy, chy! и р. хи, хи! Отъ этого же корня образованы с. hihíkati «смѣяться» и р. хихи́кать id. (невѣрно о нихъ Vasmer RS. IV 177); далѣе с. hihîtati se «смѣяться», п. chychotać id., chichotać id., chychot «смѣхъ», chichot id. Отъ другой разновидности вокализма ведутъ начало имена *chъchъ (ч. chech «смѣхъ» и п. діал. chech id.), *chъch-ъt-ъ (с. həhət, сц. checht «смѣхъ»), *chъch-ot-ъ (ч. chechot) и глаголы *chъch-ot-ati, *chъch-ъt-ati (с. həhətáti se, ч. chechtati). Наконецъ, высшую ступень корня имѣемъ въ chuchati (ч. chuchati «дышать, дуть», п. chuchać id., мр. ху́хати id. и вр. ху́хать id.), *chuch-ъn-ati (р. хухна́ть «хулить, причудничать»), *chuch-ъt-ati (р. ху́хтать id.), chuch-or-iti (р. ху́хорить «молоть»), *chuch-ъr-iti (р. ху́хрить «клочить»), а среднюю въ мжм. «шептанья» мр. и вр. шу! шу! и въ образованныхъ отъ него šušukati (мр. шушу́катися, р. шушу́кать), *šuš-ьk-ati (мор. и сц. šuškati «шептать», мр. шу́шкати id. и р. діал. шу́шкаться «медлить»). Отъ корня *šuch- образованы далѣе вр. діал. шуха́ть «пугать»,

с. šuhtáti «шумѣть», р. діал. шу́хо-барь «хламъ», шу́хо-ботить «возиться, хлопотать», шу́шера «хламъ, шваль», шу́шерь id.

Въ открытомъ слогѣ корень *chu- звучитъ, во-первыхъ, какъ *chav- (высшая удлиненная ступень) въ мр. ха́ва «челюсть» и, можетъ быть, въ п. діал. chawa «сухая вѣтка»; во-вторыхъ, какъ *šav- въ вр. діал. ша́ви́ть, шавѣ́ть «болтать, врать». Послѣднее значеніе позволяетъ намъ задать вопросъ: не относится ли сюда же глаголъ chovati «хранить, беречь» (ч. chovati, вл. khować, п. chować, мр. хова́ти, р. діал. хова́ть)? Его основное значеніе, какъ и въ р. баловать, могло быть «баюкать»; черезъ посредство представленія «няньченья» (ср. ч. chůva «няня») изъ него могло развиться далѣе не только значеніе «воспитывать, хранить, беречь» (которое дѣйствительно извѣстно ч. и мр. глаголамъ), но и значеніе «прятать, хоронить» въ мр. и вр. глаголахъ.

Формантъ -k- лежитъ въ основѣ именъ chu-k-ъ (ск. hûk «шумъ», с. hûk, дч. chuk, мр. хук «выдыханіе, промахъ»), chu-ka (ск. hûka «шумъ», с. húka) и глагола chu-k-ati (ск. húkati «шумѣть, вздыхать», с. hûkati «шумѣть, кричать, дуть», дч. chúkati «дуть, говорить», мр. ху́кати «дуть», бр. ху́кать id.); на ступени -eu- нашъ корень имѣетъ тотъ же детерминативъ въ šu-k-ati (б. шу́камъ «издавать слабый звукъ, пихать, ударять, совать», с. šúkati «хлестать» и ювр. шу́кать «шептать») и šuk-ot-ati (вл. šukotać «шептать»), а на ступени -ŭ- въ дч. o-cheknúti se (о которомъ неточно Zubatý SF. III 186). Но въ глаголахъ chav-ъk-ati (мр. ха́вкати «ѣсть съ жадностью, дышать жабрами», вр. ха́вкать «ѣсть, чавкать, лаять») и chav-yk-ati (вр. діал. хавы́кать «кричать, горланить») мы видимъ уже суффиксы -ъk- и -yk-, какъ и въ глаголахъ *šev-ъk-ati (вр. шевка́ть «говорить невнятно») и *šav-ъk-ati (вр. ша́вкать «шамкать»); ср. также назв. собаки шавка.

Труднѣе указать достовѣрные примѣры съ параллельнымъ детерминативомъ -g-. Скорѣе всего можно говорить о звукоподражательномъ происхожденіи мр. глаг. шуга́ти «летать, производя шумъ, дуть сильными порывами; очищать зерно отъ пыли; ходить большими шагами», шугну́ти «полетѣть съ шумомъ, упасть въ яму», шугону́ти «съ силой полетѣть, броситься, упасть». Черезъ посредство понятія «вспугнуть шумомъ» развилось значеніе «пугать вообще, въ частности, птицъ», вр.

шугáть «пугать», шугнýть. Сюда же относятся, конечно, шугýкать «кричать, прогоняя хищную птицу отъ дома», ювр. шугуй «коршунъ», а также мр., вр. шýга и вр. шугъ «первый ледъ»; послѣдніи въ семасіологическомъ отношеніи поучительно сравнить съ вр. именами шарошъ и шарашъ, звукоподражательное происхожденіе которыхъ показано выше (§ 178).

Корень *chu- соединенъ съ формантомъ -p- въ др.-р. хоупити сѧ «хвалиться», а также въ с. hȕpati «кричать», hupáč «удодъ» и сх. hȕpnuti «позвать». Отъ этихъ словъ Berneker EW. I 405 напрасно отдѣляетъ мр. хупáвий «красивый» и бр. хупáвъ: какъ и въ вр. красивый (которое нельзя отдѣлять отъ др.-сѣв. hrós «слава»), эстетическое значеніе развилось въ этомъ словѣ изъ понятія «славный, знаменитый». А если такъ, то отъ нашего имени нѣтъ нужды отдѣлять и б. хýбавъ «красивый, хорошій» и сх. hȕbav: вѣдь чередованіе глухихъ и звонкихъ детерминативовъ въ одномъ и томъ же корнѣ представляетъ явленіе, весьма обычное въ иде. языкахъ. Что касается до перс. χūb, изъ котораго выводили (черезъ тур., впрочемъ, посредство) Miklosich TE. 310, Uhlenbeck PBB. XXII 541 и Berneker EW. I 405 южно-сл. chubavъ, то сходство его съ послѣдними можетъ быть также случайно, какъ и сходство перс. и англ. словъ bad «дурной» (ср. Meillet Introduction ^{3}3). На ступени -eu- нашъ корень расширенъ детерминативомъ -p- въ б. шу'пнъ, шупо'т'ъ «шептать» и, быть можетъ, въ вр. шупъ «первый ледъ» и шýпель «колдунъ»; мор. šupati, šupnouti «хлестать» и мр. шупнути «ударить» относятся, понятно, сюда же, хотя Matzenauer CS. 339 и считаетъ ихъ заимствованіями изъ нѣм. яз. Наконецъ, весьма возможно, что ступень -ū- представлена въ с. hȋp «дыханье».

Расширеніе -l- корень *chu- имѣетъ въ прасл. chula (дцс. хоулꙗ «βλάσφημα», б. хýла «порицаніе», сх. hȕla id., мр. хулá, р. хулá) и chuliti (дцс. хоулити «порицать», сх. hȕliti, мр. хулúти, р. хулúть). Какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ (ASPh. XXIX 167), эти слова находятся въ ближайшемъ родствѣ съ прасл. chvala (дцс. хвалꙗ «одобреніе, благодарность», б. хвалá «одобреніе», сх. hvála id. «благодарность», с. hvála id., ч. chvála «одобреніе, слава», п. chwała, мр. хвáла, р. хвалá) и chvaliti (дцс. хвалити «одобрять, благодарить»,

б. хвáлъ, сх. hváliti, с. hváliti, ч. chváliti, вл. khwalić, п. chwalić, р. хвали́ть): корень или, точнѣе, база *kheu̯ā- (откуда, съ одной стороны, *chou-, а съ другой—*chvā̯-) обозначала первоначально вообще «громкій крикъ» (ср. арм. χausim «говорю»), и лишь впослѣдствіи изъ него дифференцировался, съ одной стороны, «ликующій крикъ» (chvala и пр.), а съ другой — «крикъ уничижительный» (chula и пр.). Но что такая дифференціація произошла довольно случайно, это лучше всего доказываетъ бр. хулá, употребляющееся иногда въ значеніи «хвалá, слава» въ выраженіи «хула Богу» (ср. Карскій, Бѣлоруссы II, 1, 106). Насколько этотъ семасіологическій курьезъ естествененъ съ точки зрѣнія нашей гипотезы, настолько онъ, напротивъ, необъяснимъ при всякой другой этимологіи имени chula, будетъ ли это сопоставленіе Matzenauer'a LF. VII 224 и G. Meyer'a съ гт. bi-sauljan «пачкать», или гипотеза заимствованія изъ герм. яз.: гт. hōlōn «обманывать», двн. huolian id. (Meillet Ét. 252), или сближеніе съ глаг. chuliti «наклонять» (Berneker EW. I 406).

Разъ существованіе звукоподражательнаго корня *chou-l- есть доказанный фактъ, то, быть можетъ, въ свѣтѣ его станетъ понятнымъ и происхожденіе мр. и вр. шу́ля́къ, шу́ликъ «коршунъ», а также мр. глагола шулькати «кидаться, бросаться, падать сверху скорымъ полетомъ», шулькнути «шмыгнуть».

Отъ корня *khu̯e- (< изъ базы *kheu̯e-), распространеннаго детерминативомъ -r-, ведетъ начало корень *chver-, оставившій въ современныхъ слав. языкахъ столь же многочисленное потомство, какъ и предыдущіе. Я разумѣю здѣсь такія образованія, какъ б. хвъ́ркамъ, фъ́ркамъ «лечу», сх. hvrknuti «спорхнуть», далѣе — б. хвъ́рлъ̂, фъ́рлъ̂ «бросаю», сх. (h)vŕljiti, (h)vŕljati id. (Berneker EW. I 410), затѣмъ—вр. діал. хвершъ (< *chvьr-ъš-ь «мелкій щебень или хрящъ»), потомъ вр. діал. хвор-ыз-г-áть «ѣсть жидкое кушанье», хвор-ыз-д-áть id. и, наконецъ, *chvorstъ «хворостъ» (ср. цс. хврастие, б. храстъ, сх. hrâst, «дубъ», с. hrást id., дч. chvrast, совр. chrast «хворостъ, кустарникъ», вл. khróst «кустарникъ», п. chróst «хворостъ», мр. хворóст, р. хвóростъ) и *chvorstiti (ч. chrastiti «шумѣть, шелестить», вл. khrósćić id., р. діал. хворости́ть «хлопать, врать, молоть вздоръ»).

Конечно, нѣтъ ни малѣйшей надобности выводить всѣ эти слова, вмѣстѣ съ Uhlenbeck'омъ ASPh. XV 480), изъ герм. яз. (ср. двн. hurst, horst «кустарникъ», — ср. Berneker EW. I 409, Эндзелинъ Эт. 126), — или вмѣстѣ съ Krček'омъ Grupy 64 сближать съ корнемъ *sŭer- «звучать». — Въ болѣе отдаленномъ родствѣ съ семьей перечисленныхъ словъ находится šuru- въ мр. шуру-бу́ра «куролесникъ», шуру-бу́рити «куролесить», шу́ра-бу́ря «вихрь», вр. шуру́-бара «охотникъ балакать», шуру́кать «шушукать», šur- въ б. шу́ркамъ «журчу», мр. шу́ркати «ругать», вр. шу́ркать «шаркать, ерошить»; б. шуртѣ́ «журчу», вр. шу́ртать «отолакивать ячмень», мр. шу́рхати «шмыгать», шу́рхнути ся «провалиться», вр. шу́рхнуть «швырять», вр. діал. шурга́ть «проваливаться ногами сквозь что-либо», шурбы́га «мошенникъ, прохвостъ».

Формантъ -is- имѣемъ въ прасл. chv-is-t-ati, chv-is-t-ěti (ск. hvístati «бить», ч. chvístati «свистѣть», вр. хвиста́ть, хвистѣть), chv-is-t-ъ (ч. chvist «свистъ», н. chwist), *chvis-tj-ь (ч. chvíšť «суслико́ъ», мр. хви́ща «сильный холодный дождь», вр. хви́щъ «свищъ»). Такъ какъ въ мр. и вр. словахъ ch, сверхъ ожиданія, не подверглось смягченію въ s′, то, быть можетъ, ихъ слѣдуетъ возводить не къ корню *chv-, а къ *chъv-. Въ противномъ случаѣ, намъ придется предполагать вліяніе родственнаго глагола *chv-as-t-ati (ск. chvâstati «хвалиться, болтать», с. hvastáti «хвалиться», ч. chvastati «болтать», мр. хвастáти «хвалиться», р. хва́стать), который, какъ и разсмотрѣнное выше др.-р. **хоупсти** *см.*, имѣлъ первоначально исключительно ономатопоэтическое значеніе. На нулевой ступени формантъ -es-, быть можетъ, находится въ мр. шустѝти «шелестить», шу́стати «шелушить ячмень», вр. шустáть id. «ѣсть, жрать» и р. шустъ «буравъ, посредствомъ котораго прочищаютъ стволъ ружья».

Посредствомъ форманта -mo- образовано имя šumъ (< *kheumo-), ср. цс. **шоумъ** «strepitus», б. шумъ, с. šûm id., ч. šum, н. szum, мр. шум, р. шумъ; šuma, ср. б. шу́ма «листья, хворостъ», сх. šȕma «хворостъ», с. šúma «густой лѣсъ», дч. šuma «лѣсъ», р. діал. шу́ма «шумъ, соръ»; šuměti, ср. б. шумѣ́, сх. šúmiti, с. šuměti, ч. šuměti, н. szumieć, р. шумѣ́ть. Значеніе «лѣса» развилось въ словѣ šuma та-

кимъ же путемъ, какимъ изъ понятія «хворостъ» возникло въ сх. понятіе «лѣса», въ частности «дубоваго». Лт. šums при такихъ обстоятельствахъ приходится признать однимъ изъ многочисленныхъ славянизмовъ этого языка. Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ доказывать, что šumъ отражаетъ иде. *ḱeu-mo- (ср. sova и пр.), какъ думалъ Meillet Alt. 360; еще болѣе неправдоподобна гипотеза Pedersen'a IF. V 76, что šumъ возникло изъ *šuchmъ < *šušmъ < *susmъ, вслѣдствіе того, что s уподобилось слѣдующему š въ то время, когда оно еще не перешло въ ch; ср. др.-инд. śuṣmás «шипѣніе».

Формантъ -z-, по всей вѣроятности, имѣемъ въ вр. діал. хизъ «туманный дождь», мр. хи́за «мокрая погода», р. діал. хи́жа id.; мр. хи́жий «хищный», вр. хи́жій «ловкій, проворный»; вр.-діал. хизи́ть «метелить, идти по мокрому снѣгу», хи́знуть «мокнуть, болѣть, дряхлѣть», мр. хизува́тися «хвастать, спесивиться», о-хижі́ти «разъяриться».

Наконецъ, формантъ -jo- лежитъ въ основѣ сх. (h)ŭja «оттдыхъ», (h)újati «отдыхать», (h)újati «выть»; сюда же относится, вѣроятно, сх. (h)ŭja «гнѣвъ», которое недавно Skok ASPh. XXXV 342 cq. совершенно ошибочно выводилъ изъ chudъ (§ 134).

182. По всей вѣроятности, иде. корень *kh̄ĭr- лежитъ въ основѣ цс. **шьпъть** «susurratio», сх. šȁpat id., с. šəpȍt, ч. šept, вл. šept, мр. шопот, шептъ, р. шопотъ, шептъ; с. šepȍt, ч. šepot, вл. šepot; б. шептáмъ «тихо говорю», сх. šȁptati, с. šəptáti, ч. šeptati, вл. šeptać, п. szeptać, мр. шепта́ти, р. шептать; б. шъ́пнъ «тихо скажу», сх. šȁnuti, с. šə́pniti, ч. šeptnouti id., п. szepnąć, мр. шепну́ти, р. шепну́ть; удлиненную ступень *kh̄īr- имѣемъ въ с. šȋr «tibia», вр. шипъ «шипѣніе»; мр. шипот «шипѣніе»; мр. шипі́ти «издавать шипъ». Ч. šeplati «невнятно говорить», мр. шепеля́ти и вл. шепеля́ть также отражаютъ корень *šьr-, какъ это видно изъ с. šəpljáti. Наконецъ, какъ остроумно показалъ недавно Štrekelj ASPh. XXXI 199, сюда же относится назв. птицы «скворца» šьrakъ, ср. ч. špák, п. szpak и р. шпакъ.

ОТДѢЛЪ III.

Звукъ ch аналогическаго происхожденія.

До сихъ поръ мы разсматривали примѣры, въ которыхъ ch возникло изъ s чисто фонетически; но въ славянскихъ языкахъ есть не мало словъ, въ которыя ch перенесено по аналогіи тѣхъ формъ, гдѣ оно было закономѣрно. Такъ какъ нивеллирующему дѣйствію аналогіи подвергаются преимущественно формальные элементы слова: окончанія, суффиксы, форманты и пр., то понятно, почему такое секундарное ch встрѣчается въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь въ строго-опредѣленныхъ грамматическихъ категоріяхъ. Подобными категоріями, напр., являются:

183. Форма Aoristi: по аналогіи формъ типа: bychъ (дцс. **бꙑхъ**, б. бихъ, сх. bih, ч. bych, дл. bych, др.-р. быхъ), pluchъ (дцс. **плоухъ**), pichъ (дцс. **пихъ**, б. пихъ, сх. pȉh, вл. pich) и т. п. возникли образованія со вторичнымъ ch: dachъ (дцс. **дахъ**, б. дахъ, сх. dah, вл. dach), orachъ (дцс. **орахъ**, б. орáх, с. орáh, вл. worach), vidĕchъ (дцс. **видѣхъ**, б. ви́дѣхъ, сх. vȉdjeh), nesochъ (дцс. **несохъ**, б. нéсохъ, сх. nèsoh) и т. д.

184. Формы Praes. 2 л. ед. на -ši и -šь. Закономѣрными изъ нихъ были только тѣ, въ которыхъ передъ окончаніемъ -si resp. -sь слышался звукъ -i-, т. е. преимущественно глаголы IV кл. типа *chvalisi или *chvalisь, *lovisi или *lovisь, *učisi или *učisь и т. п.: только изъ этихъ формъ фонетически могли возникнуть позднѣйшія формы chvališi (дцс. **хвалиши**) resp. chvališь (б. хва́лишъ, сх. hváliš, ч. chválíš, вл. khvališ, п. chwalisz, р. хва́лишь), loviši (дцс. **ловиши**) resp. lovišь (б. ло́вишъ, сх. lȍviš, с. lóviš, ч. loviš, вл. lojiš, п. łowisz, р. ло́вишь) и т. п. По аналогіи этихъ и подобныхъ формъ возникли neseši (дцс. **несеши**) и nesešь (б. несешъ, сх. nȅseš, с. néseš, ч. neseš, вл. njeseš, п. niesiesz, р. несешь), dvigneši (дцс. **двигнеши**) и *dvignešь (б. дигнешъ, сх. dígneš, с. dígneš, ч. -dvihneš, п. dźwigniesz, р. двинешь) и т. д.

185. Формы Infinitivi на -chati. Онѣ возникли подъ давленіемъ такихъ формъ, какъ dychati (§ 92), pychati (§ 100), čichati (§ 14), pьchati (§ 29), machati (§ 170) и т. п. Ср. bahati «болтать» (с. báhati), žachati sę (п. żachać się, мр. жахати ся, р. ужахаться), pojachati (свр. о-поя́хать), pachati «дѣлать; обработывать землю» (с. pachati, п. pachać, р. паха́ть), pachati «дуть» (цс. пахати, с. páhati, вл. pachać, п. pachać, р. паха́ть), rachati «бросать» (р. раха́ть, невѣрно Jokl ASPh. XXVIII 7, XXIX 9), dvochati «дышать» (р. двóхать), kochati «любить» (п. kochać, мр. кохáти), prochati «просить» (мр. прохáти, бр. прохаць), čechati «чесать» (дсх. čehati, с. čéhati, п. czochać), gnechati «бить» (р. гнеха́ть), tochati, techati (мр. тёхати «бить», р. ко-тошить), tręchati (р. тряха́ть, тряхну́ть), měchati «мѣшать» (ч. míchati, р. иск. мѣха́ть), věchati «вѣшать» (р. иск. вѣхать), stychati (ч. o-stýchati se «стыдиться»).

186. Отглагольныя имена. — Отъ глаголовъ на -chati, несомнѣнно отчасти еще въ прасл. эпоху, былъ образованъ рядъ именъ съ формантомъ -cho-. Такъ, отъ bachati было образовано bacharъ (р. ба́харь), отъ pachati—pacharъ (р. па́харь), отъ *znachati—znacharъ (р. зна́ха́рь), отъ *žichati—žicharъ (р. жи́харь), отъ žachati—žachъ (мр. жахъ «ужасъ»), отъ *dresati «рвать» (ср. ч. drasati «царапать»)—drěcha «одежда» (б. дрѣха, сх. drêha), отъ měchati—měcha (въ р. помѣха), отъ kochati——košь (сх. rás-koš, ч. ros-koš, п. roz-kosz, р. póскошь), отъ pachati «дуть»—pachъ «запахъ» (с. pâh, ч. pach, п. pach), pašь (р. на-от-пашь, невѣрно Jokl ASPh. XXVII 16, XXIX 25), отъ *pěchati — pěchъ (ч. pěchý, р. пѣхій) и pěšь (дцс. пѣшь, б. пѣш, с. pèš, ч. pěší, вл. pješi, п. pieszy, р. пѣшій). Слѣдовательно, послѣднія два слова нѣтъ необходимости объяснять фонетически изъ *pedəsos (Mikkola IF XVI 97) или вліяніемъ аналогіи глагола pěchovati «толкать» и его родичей (Vondrák VSG I 354).

187. Уменьшительныя и увеличительныя, ласкательныя и уничижительныя слова.—Нѣтъ сомнѣнія, что еще въ прасл. яз. существовало весьма значительное число именъ съ уменьшительнымъ, resp. увеличительнымъ суффиксомъ -uchъ (ср. сх. ǒčûh «вотчимъ», rèpûh «tussi-

lago petasites», с. járuh «овечка», ч. čepuch «большой гвоздь», п. діал. koniuch «волкъ», р. брату́хъ «братецъ» и мн. др.) съ его производными -ucha (с. máčuha «мачеха», ч. děvucha «дѣвка», п. dziewucha, р. стару́ха, козлу́ха и пр.), -ušь (ч. dědouš «дѣдушка», р. ба́тюшъ «батюшка»), -uša (с. starúša, ч. babuše, р. бабу́ша), -ušьkъ (ч. staroušek, п. staruszek, р. соло́вушекъ), -ušьka (с. babûška, ч. ženuška, р. ба́бушка, жёнушка) и т. п. Во всѣхъ такихъ словахъ s перешло въ ch вполнѣ закономѣрно, равно какъ и въ сравнительно менѣе распространенныхъ именахъ съ суффиксомъ -yšь и -yšьkъ (р. малы́шъ, короты́шъ; п. grzebyszek, р. кли́нышекъ, ко́лышекъ) и -ihъ (ч. dětich), -icha (с. staríha, р. труси́ха, врали́ха), -išьka (р. брати́шка, доми́шка). Отъ этихъ и подобныхъ образованій (о которыхъ см. у Belića въ ASPh. XXIII 184) былъ абстрагированъ (конечно, въ значительной степени еще въ прасл. эпоху) суффиксъ -chъ, resp. -cha и перенесенъ въ такія сходныя по значенію слова, которыя первоначально имѣли совсѣмъ другіе суффиксальные элементы. Такъ возникли не только имена съ суффиксомъ -acha (р. дѣва́ха, зазна́ха), -aša (р. мама́ша, папа́ша), -ašьkъ (п. wujaszek, kyjaszek), -ašьka (р. старика́шка), но и съ суффиксами -echъ (р. ремешо́къ, гребешо́къ, ка́мешекъ), -echa или -jecha (цс. маштеха, б. ма́штеха, сх. mȁćecha, с. máčeha, ч. macecha, вл. macocha, р. ма́чеха; бабёха, тетёха, дурёха, лепёха), -ochъ (ч. hniloch, lenoch) и -ocha (п. darmocha, р. дѣво́ха). Еще шагъ дальше, — и суффиксъ -chъ, resp. -cha сталъ присоединяться не къ основѣ, а къ *первому слогу слова*, который, какъ извѣстно, очень часто въ слав. языкахъ замѣняетъ собой цѣлое слово, въ случаѣ, если послѣднее имѣетъ уменьшительное, ласкательное или т. п. значеніе. Такъ возникли: совр. ч. brach (изъ bratr), tchan (т. е. tьchanъ изъ tьstь), hoch «мальчикъ» (изъ holec), mícha «спинной мозгъ» (изъ *mězga? ср. Brückner KZ XLV 322), kmoch «кумъ» (изъ kmotr); дч. kuše «арбалетъ» и дп. kusza id. (изъ *kuka? ср. Младеновъ ASPh. XXXIV 392); б. лъхъ «лжецъ», мѣхицъ «мѣсяцъ»; др.-р. вѣкъша (изъ вѣверица, ср. Соболевскій РФВ LXVI 343), совр. р. лохъ «лосось», пряха, неряха, вяха, сваха (ср. также и п. swacha); названія именъ и народовъ: čechъ (изъ čet-inъ, ср. Berneker EW. I

152), lęchъ (изъ lędinъ), polěchъ (р. полѣхъ) и пр. Но гдѣ особенно широкаго распространенія достигъ принципъ подобнаго «сокращенія» ласкательныхъ и уменьшительныхъ названій, такъ это въ сферѣ личныхъ именъ: всѣмъ извѣстны такія образованія, какъ п. Stach (при Stanisław), Piech (при Piotr), мр. Пихно (при Пименъ), Грихно (при Григорій), р. Алеша (при Алексѣй), Саша (при Александръ), Гриша (при Григорій), Маша (при Марья), Даша (при Дарья) и мн. др.

Отсюда видно, какъ далеко были отъ истины Jagič ASPh. II 400, Uhlenbeck и особенно Соболевскій ЖМНПр. CCXCIX 84 sq., РФВ. LXIV 103 sq., ASPh. XXVI 559 sq., когда, на основаніи этихъ и подобныхъ формъ *несомнѣнно секундарнаго происхожденія*, утверждали, что въ прасл. яз. ch могло переходить въ ch не только послѣ гласныхъ ряда -i- и -u-, но и пос. ch гласныхъ ряда e/o. На громадную роль аналогіи въ исторіи возникновенія словъ съ суффиксомъ -chъ и -cha указалъ совершенно вѣрно еще Буличъ ЖМНПр. CCC 257, а на важное значеніе т. н. «сокращенныхъ формъ» («Kurzformen»)—Brückner KZ. XLIII 302 sq. Впрочемъ, послѣдній въ своемъ увлеченіи принципомъ «сокращенія» заходитъ иногда слишкомъ далеко, и видитъ «вторичное» ch въ такихъ словахъ, гдѣ оно можетъ быть фонетическаго происхожденія. Таковы, напр., strachъ (§ 149), socha (§ 148), pachъ (§ 145), plocha и placha (§ 146), lachъ (§ 141) и нѣк. др.

Г. Ильинскій.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	1 св.	хоть	хотя
6	3 „	по	но
6	6—7 св.	„Die Behandlung des idg. s im Slavischen“	„Das idg. s im Slavischen“
7	16 сн.	),	)
8	1 св.	которыхъ	которые
17	6 сн.	Буги	Эндзелина BB. XXVII 190 и IF. XXXIII 110 и Буги
19	14 св.	269	52
—	9 и 5 сн.	máišas	maĩšas
20	5 св.	mьs-	mis-
—	7 сн.	нестъ	пестъ
23	7 св.	касаетея	касается
26	8 сн.	„толочь“	„coire“
30	11 св.	нами	намъ
39	10 „	krzsyć	krszyć
53	1 сн.	Эндзелинъ Эт. 89 sq.	Младеновъ Спис. VI 96
57	4 „	lăks-	lask-
66	14 сн.	диспалатализаціи	дисназализаціи
79	13 „	nechajat	nechajati
88	12 „	sopĕti	sopĕti
98	17 св.	шеромнга	шеромыга
100	1 св.	замершая	замервшая
114	15 св.	оттдыхъ	отдыхъ
116	14 сн.	dresati	drěsati

Къ литературѣ о těcha и tichъ (стр. 22, 24) слѣдуетъ добавить замѣтку Mladenov'a въ ASPh. XXXIV 400, а къ литературѣ о šuxъ—/ъ замѣтку Эндзелина KZ. XLIV 66 sq. Относительно опровергаемой на стр. 64 sq. этимологіи послѣдняго ученаго имени strachъ слѣдуетъ добавить, что отъ нея отказался уже самъ авторъ (ср. Изв. XVII, 4, 123).
